

Кр. Д2
Ш476

ПОМНИ
ИХ ИМЕНА

Виталий ШЕНТАЛИНСКИЙ

ЛЕДОВЫЙ
КАПИТАН

Кр. 82
Ш 476

ПОМНИ
ИХ ИМЕНА

Виталий ШЕНТАЛИНСКИЙ

87225-47225

ЛЕДОВЫЙ КАПИТАН

Документальная повесть

1004053

МАГАДАНСКОЕ
Областное библиотечное
изд-во А. О. ПУШКИНА

~~МАГАДАНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО~~

Магаданское книжное издательство 1980

Абонемент

ББК 26.22г
Ш47

Рецензент доктор исторических наук
и кандидат географических наук А. И. Алексеев

Шенталинский В. А.

Ш47 Ледовый капитан: Докум. повесть.— Магадан:
Кн. изд-во, 1980. 160 с., 8 л. ил.— (Помни их имена).

25 к.

Документальная повесть о выдающемся гидрографе и полярном капитане, руководителе экспедиции, освободившей остров Врангеля в 1924 году от иностранных захватчиков.

Ш $\frac{5.54-004}{M-149(03)-80}$ 2-80

ББК 26.22г
551.49+55(09)

ВВН 5-0009000

© Магаданское книжное издательство, 1980

Предисловие

Бухта Давыдова, мыс Давыдова...— за этими географическими названиями встает судьба выдающегося моряка и гидрографа, большого русского патриота Бориса Владимировича Давыдова. Его замечательная жизнь и труды до сих пор не получили должного отражения в советской художественной литературе. Документальная повесть В. А. Шенталинского восполняет этот пробел.

Большой фактический материал, собранный автором, позволил ему создать исторически правдивое произведение. Использованные в работе дневники, письма, многие документы и фотографии, воспоминания друзей и родных Давыдова найдены и собраны самим автором и впервые вводятся в научный оборот. Таким образом, В. А. Шенталинский проделал две работы: одна — работа историка-исследователя и другая — писателя, связанная с литературным оформлением пестрого жизненного материала.

Короткая, но полная яркими событиями жизнь Бориса Давыдова стремительно проходит перед читателем. Годы учения в привилегированном Морском корпусе, порт-артурская «мышеловка», японский плен, революция и гражданская война, участие в полярных экспедициях... Повесть читается с неослабевающим интересом. Особенно увлекательно написаны страницы о военной юности Б. В. Давыдова, когда в тяжелых испытаниях русско-японской войны формировалась личность будущего мореплавателя и ученого, а также страницы, посвященные последнему патриотическому подвигу Давыдова — поднятию советского флага на далеком, труднодоступном острове Врангеля.

Для читателей Магаданской области особый интерес представляет то, что герой книги внес весомый вклад в историю открытия и освоения именно Северо-Востока нашей страны.

В. А. Шенталинский много лет занимается историей острова Врангеля. В этом смысле он однолюб. Но глубокий интерес к одной теме позволил автору всесторонне изучить ее и раскрыть разнообразие судеб, скрестившихся на этой точке земли. Очерки Шенталинского публиковались в книге «Нас разделяет океан», альманахе «На Севере Дальнем», журнале «Вокруг света». Некоторые страницы истории острова стали основой для создания самостоятельных художественных произведений. Так появился «Ледовый капитан».

Несмотря на историко-документальный жанр, повесть пронизана романтикой морской стихии, с силой художественного обобщения отражена в ней и эпоха грандиозных свершений, современником и участником которых был Б. В. Давыдов.

А. АЛЕКСЕЕВ,
доктор исторических наук,
кандидат географических наук.

МАРШ-ПАРАД

*Царствует он где же?
Целый день в манеже.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!*

Народная песня

Площадь перед манежем Инженерного замка была забита каретами. Официальный Петербург праздновал двухсотлетие Морского кадетского корпуса. Это привилегированное учебное заведение, «колыбель флота», было основано Петром Первым и считалось одним из самых крепких бастионов престола и отечества. Юбилей отмечался торжественно и пышно.

В центре манежа выстроился батальон кадетов, на правом фланге продували мундштуки музыканты, на левом красовались пятнадцать статных гардемаринов^{*1}, одетых в мундиры всех времен существования корпуса. Перед фронтом стоял аналой с евангелием, рослый фельдфебель держал новое пожалованное корпусу знамя, шелковое, белое, пересеченное синим андреевским крестом, с государственным гербом посередине. За аналоем и знаменем располагалась царская ложа, украшенная тропическими растениями; пространство вокруг нее было уже плотно заполнено женами и дочерьми корпусного начальства.

В десять с четвертью прибыл Главный начальник флота, шеф корпуса великий князь Алексей Александрович, которого флотские остроловы называли «семь пудов августейшего мяса», лысый, с развесистыми ухоженными усами, грудь колесом и на ней осыпанные бриллиантами портреты Александра Третьего и царствующего племянника. За ним семенил Управляющий

¹ Значения слов, помеченных звездочками, даны в «Морском словарице» в конце книги.

Морским министерством Тыртов — адмирал с узким лисьим лицом и колючими глазами. Нескончаемой вереницей тянулись великие князья, министры, члены Государственного совета и Адмиралтейств-совета, генерал-адъютанты, почетные опекуны корпуса и прочие сиятельные и вельможные лица. Отдельно живописными группами стояли иностранные атташе и бывшие воспитанники корпуса.

Ровно в одиннадцать стены манежа вздрогнули от громового «ура». Появился император, молодцеватый, стройный, во флотском мундире с андреевской лентой через плечо. В ту же минуту зацвела и затрепетала от женских платьев царская ложа — ее заняла императрица, окруженная сонмом великих княгинь и княжен.

Музыканты грянули торжественный марш, знамя склонилось — Николай в сопровождении свиты пошел вдоль строя. Голос его был слышен слабо, зато ответы разносились подобно пушечным залпам:

- Здрав-жлам-ваш-императск-вличество!
- Покор-благдрим-ваш-императск-вличество!
- Ура-а-а!..

Обойдя строй, царь встал перед аналоем. Раздалась команда «на караул!» Все стихло. Начался молебен. Новое знамя осветили и окропили святой водой, возгласили здравицу царствующему дому, вечную память «всех во флоте служивших, за престол и веру живот положивших», пожелали многие лета «христолюбивому российскому воинству». После команды «накройсь!» царь передал знамя преклонившему колено директору корпуса, а тот — в свою очередь преклонившему колено фельдфебелю-знаменосцу.

Корпус пошел церемониальным маршем. Каждая рота заслужила царское «спасибо». Особое внимание его величество обратил на гардемаринов, одетых в мундиры прошлых времен. Рассмотрев их поближе, царь приказал произвести ружейные приемы по старым уставам,

что и было незамедлительно сделано. Николай остался доволен и одарил присутствующих улыбкой. Затем на серебряном подносе ему поднесли пробу обеда, который ожидал кадетов в этот день. Есть царь не стал, но чарку вина милостиво выпил — «за славу и преуспевание». Звуки гимна смешались с громогласным «ура».

Среди выпускников корпуса в передней роте маршировал по манежу и герой этой книги — Борис Давыдов, невысокого роста худощавый юноша с большим выпуклым лбом и карими насмешливыми глазами. Ему, единственному из юбилейного выпуска 1901 года, суждено было оставить след в истории.

Блестящий спектакль в манеже Инженерного замка закончился. А жизнь для нашего героя только начиналась. Будущее, как океан, было открыто и неведомо.

ОТ «ПРИГОВОРИШКИ» ДО МИЧМАНА

*Приходила-то вдовушка ко синю морю,
Да спускала-то деточек на сине море,
Говорила-то деточкам таковое слово:
«Понеси, понеси ты, море синее,
Сине море, понеси да на морскую пучинушку!
Ты ведь встой-вскорми детей, спас пречистые,
Ай, на ум-то наставь, да мати божья, ты их!».*

Былина

На Смоленском кладбище в Ленинграде, в заросшем тенистом уголке, стоит рядом с высоким кленом большой покрявившийся крест из черного мрамора с надписью:

«Директор Морского кадетского корпуса
вице-адмирал

Алексей Кузьмич ДАВЫДОВ

род. 16 мая 1790
ск. 16 дек. 1857».

Это памятник деду нашего героя. Судьба его не совсем обычна и поучительна.

Родился он в Москве, в бедной семье отставного коллежского регистратора. Отец его умер рано, оставив жену без всякого состояния с кучей детей на руках. Чтобы как-то вырастить своих ребят, вдова раздала их родственникам. Младший сын Алексей достался дяде — малороссийскому помещику. В его имении он прожил до тринадцати лет, оставаясь, по собственному признанию, совершенно безграмотным. Дядя имел свой взгляд на воспитание: дворянин в его представлении должен был уметь считать и подписываться, а на остальное, если деньги есть, — ума не надо!

Но судьбе было угодно, чтобы на Алексея обратил внимание другой, более просвещенный дядя — генерал-майор Игнатий Иванович Иванов, служивший в Адмиралтействе. Он взял мальчика к себе и отдал в обучение в Морской кадетский корпус.

Алексей за короткое время не только догнал своих сверстников в ученье, но и оставил их далеко позади. Науки, особенно математика, стали его страстью. Плавал Алексей недолго, все больше между Петербургом и Кронштадтом. Да он и не рвался в море! Истинным его призванием оказалась педагогика. Давыдов сделал все, чтобы вернуться в корпус и стать там преподавателем — ради этого даже два года учил воспитанников бесплатно.

После восемнадцати лет работы в корпусе педагогические способности Алексея Кузьмича оценило и начальство: он был назначен инспектором, а затем и директором Первого штурманского полуэкипажа — учебного заведения, которое готовило штурманов флота. Состояние этого училища было тогда плачевным: содержались воспитанники скверно, учили их больше маршировке, главным пособием в воспитании были розги. Давыдов не пожалел усилий, чтобы в корне преобразовать училище: заменил неспособных преподавателей людьми знающими и умными, упорядочил обучение, ввел преподавание новых предметов, смягчил суровый училищный быт.

В 1855 году «почил в бозе» император Николай Первый. Новый царь, вступая на престол, обещал стране реформы и преобразования, коснулись они и флота и, естественно, его «колыбели» — Морского кадетского корпуса. Вместо старого директора, закосневшего в казенной рутине, корпусу был нужен опытный воспитатель, с широкими взглядами на жизнь. Царь заметил плодотворную деятельность Давыдова и, произведя его в вице-адмиралы, назначил директором корпуса. Алексей Кузьмич энергично взялся за дело: он начал существенно менять порядки в этом учебном заведении и не ограничился только введением нового двубортного мундира в виде полукафтана со стоячим воротником или палашей вместо тесаков, а замахнулся на всю «ложную систему воспитания, основанную на страхе наказания». Давыдов принес в корпус крылатую фразу: «Мы для наших детей, а не они для нас».

К несчастью, у Алексея Кузьмича не хватило здоровья и сил, чтобы довести начатое дело до конца: чрезмерное напряжение и неожиданная болезнь вскоре свели его в могилу.

Спустя почти сорок лет, когда Борис поступил в Морской корпус, Алексей Кузьмич посматривал на своего внука с портрета, выставленного в одном из залов. Это был взгляд не строгого адмирала, а просто доброго дедушки, лысого, круглолицего, в очках.

Отец Бориса, Владимир Алексеевич, не преуспел в чинах, он оставался только штурманом дальнего плавания. Хотя Давыдовы были потомственные дворяне, но люди служивые, небогатые, потому никакого недвижимого имущества, родового или благоприобретенного, за ними не числилось. Семья снимала небольшой флигель на Васильевском острове. Здесь 9 июля 1883 года¹ и родился Борис. Он запомнил отца уже старым, седоусым

¹ Даты до февраля 1917 года указываются по старому стилю.

и седобородым, много пережившим человеком, но всегда спокойным и очень сильным. Владимир Алексеевич поздно обзавелся семьей, видимо, непрерывные морские скитания были тому причиной. Мать Бориса, Елизавета Львовна, была значительно моложе мужа. Рожденная в именитом семействе, она рано осиротела и воспитывалась в пансионе, откуда и вышла замуж.

Борису едва исполнилось десять лет, когда умер отец. К тому времени в доме было уже пятеро детей, и вся тяжесть забот по их воспитанию легла на плечи матери. Можно представить, что выпало на долю этой женщины, и все же семейные предания гласят, что она до конца своих дней была благодарна мужу за то, что он устроил ее судьбу.

Борис верховодил среди своих братьев и сестер. В его характере счастливо соединялись веселость и подвижность с ранней серьезностью и самостоятельностью. Он был заводилой во всех детских играх и шалостях, но вместе с тем мог часами рисовать, чертить, без конца листать объемистые выпуски «Живописной России». В доме долго хранился альбом с его рисунками, запечатлевшими различные памятные сценки из жизни детей. Вот Лиза и Варя, его сестры, лихо катят на велосипедах — за эту лихость им здорово влетало! А вот нарисована прыгающая на волнах пустая лодка, и Лиза с Варей в испуге мечутся по берегу. Это Борис тогда раскачал лодку, а сам лег на дно, чтобы испугать сестер...

Любовь к морю была у Бориса наследственной, он никогда не сомневался в выборе профессии. Поездив в вантах*, огни далеких чужих городов, невозмутимые капитаны и бесстрашные юнги, закупоренные бутылки с таинственными записками, летучие голландцы — все эти атрибуты морской романтики преследовали его с детства. И он не только мечтал о море, но и непринужденно готовился к нему: жадно впитывал рассказы отца, увлекался чтением книг о путешествиях, бегал к

Неве смотреть на парусники, прислушивался к гудкам Балтийского завода, где строились современные суда, на которых ему предстояло плавать.

В 1895 году Борис выдержал конкурсные экзамены в Морской кадетский корпус. Двенадцатилетним мальчиком надел он флотский мундир, чтобы уже никогда с ним не расставаться.

Морской корпус находился недалеко от дома Давыдовых, на набережной Невы, между Одиннадцатой и Двенадцатой линиями Васильевского острова, в старинном здании, протянувшемся на целый квартал. За год до поступления Бориса в корпус это здание перестроили и расширили, в него было проведено электричество.

Монументальный фасад с десятью колоннами в центре и двумя куполами по бокам знала вся столица. Корпус вел начало с учрежденной еще в 1701 году Математико-навигационной школы — первого в стране высшего светского учебного заведения. Преподаватели вспоминали обычно прамаму Морского корпуса тогда, когда воспитанники ленились что-нибудь заучивать наизусть. В наставление им приводился такой пример. Учитель Математико-навигационной школы спрашивал: «Что есть навигация — плоская или круглая¹, и в каких местах, обретающихся на земле, употребляется она?» На это ученик должен был ответить, не изменяя ни на слово установленную форму: «Ни что же иное именуется навигация плоская, но токмо кораблеплавание прямолинейное на плоской суперficie моря, и употребляется оно от всех нынешних навигаторов в бытность их близ экватора зело

¹ Навигация в Математико-навигационной школе разделялась на «плоскую» — кораблевождение на незначительные расстояния, и «круглую» — кораблевождение по дуге большого круга.

преизядно и правдиво; а в наших европейских государствах, в дальних путешествиях по морю заподлинно на оное надеяться невозможно, потому, что сле кораблеплавание в употреблении своем разумеет полусуперфицию земную быти плоским квадратом, а не шаровидным корпусом. Навигация круглая есть мореплавание всех короче, однако зело трудно, на силу можно кораблем плавать».

Однако это был всего-навсего курьез, который можно отнести к издержкам петровского времени. Корпус за двести лет своего существования принес России великую пользу. Из стен его вышли едва ли не все лучшие русские капитаны — цвет нашего флота. Здесь учились знаменитые флотоводцы Ф. Ф. Ушаков, Д. Н. Сенявин, П. С. Нахимов, выдающиеся мореплаватели И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский, Ф. Ф. Беллинсгаузен, М. П. Лазарев, В. М. Головнин, Г. А. Сарычев, Ф. П. Врангель, Г. И. Невельской... На главных традициях флота воспитывалось и новое поколение морских офицеров. В конференц-зале корпуса были выставлены модель ботика Петра Первого и путевой компас адмирала Беллинсгаузена, с которым он совершил свое плавание в Антарктиду. На стенах висели огромные полотна Айвазовского и Боголюбова с изображением Чесменского боя, Наваринского, Синопского и других сражений. Тут же были укреплены мраморные доски с именами лучших выпускников. В других залах воспитанники могли видеть модели самых известных русских кораблей, старинные мореходные инструменты — октан, градшток и квадрант, портреты отечественных мореплавателей, всевозможные этнографические, зоологические и минералогические коллекции.

В то же время корпус был окружен прочной броней кастовых традиций и предрассудков. Поступить сюда могли только избранные — сыновья офицеров флота и потомственные дворяне; отпрыски самых аристократиче-

ских семейств — баронов, князей и даже царствующей фамилии составляли едва ли не половину воспитанников корпуса. В кадетах насаждался дух дворянской исключительности и преданности монархии, в корне истреблялись всякие ростки вольномыслия. Даже наиболее либеральные начальники говорили:

— На флоте места политике нет!

В младшей роте, куда поместили вместе с другими «приготовишками» Бориса, одно окно было выделено среди прочих, огорожено и отделано белым мрамором. Надпись на подоконнике гласила: «Его императорское величество Государь император Николай Павлович, при посещении корпуса, при входе в малолетнюю роту, изволил садиться на это окно и, созывая кадет, милостиво разговаривал, шутил и играл с ними».

Командовал корпусом контр-адмирал Д. С. Арсеньев, которому было предписано «истребить у воспитанников превратные толкования», и он, по словам одного из преподавателей корпуса, математика и кораблестроителя А. Н. Крылова, «решил, что самый простой и верный способ — это истребить всякое толкование». Вскоре Арсеньева сменил А. Х. Кригер. Что это был за человек, видно из характеристики, которую дал ему великий князь Алексей Александрович, подписывая приказ о назначении:

— Самый подходящий: холост, даже щенка никогда не воспитывал, значит, как и требуется, новые порядки заведет...

День в корпусе был расписан так, чтобы воспитанники имели как можно меньше свободного времени. В 6 часов 30 минут — подъем и гимнастика. Утренний чай в огромном столовом зале, у одной стены которого стояла высокая, до потолка, модель парусника, а у другой — флаг корпуса. Зал этот был так велик, что вмещал в себя весь наличный состав корпуса, в нем обычно проводились и торжественные построения. После завтрака

роты разводили на занятия в классы, расположенные по двум сторонам длинного классного коридора. На трех младших курсах кадеты получали общее образование по программе реальных училищ, из иностранных языков преподавали французский и английский, был, конечно, и вездесущий закон божий.

Много времени уделялось строевым занятиям, которыми руководили специально приглашенные из армии инструкторы и унтер-офицеры. Строю учили ежедневно, сначала поодиночке, потом отделением, взводом и наконец ротой. Кроме того, была так называемая «самоподготовка» — выполнение домашних заданий, зубрежка устава, обязательные посещения корпусной церкви и более приятные занятия — фехтование и гимнастика. В 9 часов 30 минут вечера звучал сигнал отбоя.

На воскресенье кадетов, имевших в Петербурге родных, отпускали домой: для них это были праздники.

Так, подчиненные суровому, недетскому распорядку, однообразно тянулись дни. Постепенно Борис привык к новой жизни. Ведь, как толковало начальство, будущий моряк должен был «закалять свой дух и готовиться к суровой доле, требующей ежечасной борьбы с опасностями».

На четвертом курсе жизнь стала интересней. Борису, как и другим его однокашникам, было присвоено звание гардемарина, на его погонах засверкали медные якоря.

Началось обучение специальным морским наукам: навигации, гидрографии, кораблестроению, мореходной астрономии, судовой механике. Эти предметы вели отличные преподаватели, среди них известные ученые А. Н. Крылов, Ю. М. Шокальский, П. К. Гейлер, Г. И. Шульгин, В. М. Сухомель. Основой специальных морских знаний служила математика. Борис увлекался ею, и ему было

нетрудно учиться — он все время шел первым на своем курсе.

Изредка в корпусе устраивались балы, на которых блеск юношеских мундиров соперничал с ослепительностью девичьих платьев. Борис любил легкий хмель танца: музыка звучала как обещание — рано или поздно исполнится все, что он захочет.

Практику кадеты проходили на своем «флоте». Каждое лето они отправлялись в трехмесячное плавание по Финскому заливу и Балтийскому морю на кораблях учебного отряда. Главное внимание обращалось на парусные учения и управление шлюпками, только в старших классах кадеты занимались штурманским делом и морской съемкой. Чтобы лучше овладеть навыками кораблевождения, Борис, кроме дневных занятий, сверх программы практиковался и в ночных наблюдениях по звездам, луне и планетам.

Учебный отряд состоял в основном из устаревших парусных судов, оснащенных выходящими из употребления пушками с клиновыми затворами, они мало походили на боевые корабли действующего флота. Вообще корпус имел слабую связь с действующим флотом, и в этом, пожалуй, был главный недостаток обучения. Между тем в истории флота наступил новый период: с 1857 года постройка парусных военных кораблей в России была прекращена, флот обновлялся паровыми судами с современной артиллерией и механическим оборудованием — броненосцами, крейсерами, миноносцами. Этот процесс подгоняла и назревавшая русско-японская война.

Внимание правительства в то время было обращено на Восток, где столкнулись интересы капиталистов России и Японии. Имелась еще одна скрытая причина милитаристского настроения правительства. При царском дворе говорили:

— Для предотвращения революции нужна небольшая победоносная война...

Закончилась постройка Уссурийской железной дороги, спешно строилась КВЖД. На Дальний Восток хлынули толпы переселенцев из центральных губерний. Обе страны — и Россия, и Япония — не скрывали враждебных намерений друг к другу, вопрос был только во времени. Под знаком подготовки к войне велось и обучение в корпусе: был значительно увеличен состав кадетов, в учебных морских играх под неприятелем недвусмысленно подразумевалась Япония.

Новый век всходил, как на дрожжах. Революция уже стучала в каменные стены корпуса, просачивалась сквозь них слухами и нелегальными брошюрами, черным ходом проникала в дом, на фасаде которого испокон сияло: «Во имя царя и отечества».

В этом корпусе когда-то получили образование виднейшие декабристы — Н. Бестужев, М. Кюхельбекер, Д. Завалишин, В. Штейнгель, народоволец Суханов, совершивший террористический акт против Александра Второго, Петр Шмидт — пройдет несколько лет и этот легендарный революционер поднимет красный флаг на Черном море.

Борис считал себя демократом, но смысл партийных баталий и программ был ему неясен. Народ, Родина — вот во имя чего он хотел жить.

6 мая 1901 года Борис Давыдов окончил Морской корпус. Ему было присвоено звание мичмана и вручена Нахимовская премия, которой награждались выпускники, отличающиеся особой одаренностью. Учебно-воспитательный совет корпуса удостоверял, что «гардемарин Давыдов при выпуске по всем предметам получил высший балл 12. В исполнении служебных обязанностей был очень исправен, к практическому морскому делу очень способен и в занятиях очень старателен».

В конференц-зале корпуса при многочисленной публике — родных, близких и знакомых — выпускники приняли военную присягу, получили офицерские погоны и

кортики. По обычаю, лучшие из выпуска могли сами выбрать место службы, остальные тянули жребий. Борису не терпелось выйти в море, и он выбрал крейсер «Минин», который через несколько дней уходил в плавание по Балтийскому морю. Но что это было за плавание! Крейсер большую часть навигации простоял в Кронштадте, на якоре. Зато осенью, когда моряки перебрались на зимние квартиры, юному мичману повезло: он получил особое предписание — отправиться в Грецию, в порт Пирей, в распоряжение командующего Средиземноморским морским отрядом. Там Борис тоже задержался недолго — минный заградитель «Амур», на который он был назначен вахтенным начальником, направлялся еще дальше, в Порт-Артур, на укрепление Тихоокеанской эскадры.

В ПОРТ-АРТУРСКОЙ «МЫШЕЛОВКЕ»

*Вам дорожка в Порт-Артур,
Не вернется вам оттуль...*

Частушка

1004053

Вечером 26 января 1904 года Тихоокеанская эскадра — семь броненосцев, шесть крейсеров и вспомогательные суда — стояла на внешнем рейде* Порт-Артура. Несколько кораблей, в том числе и минный транспорт «Амур», оставались во внутренней гавани.

Было морозно, тихо, легкий туман наплывал с моря. Пробыло шесть склянок*. На кораблях, кроме вахтенных, все уже спали.

В это время из темноты показались идущие под всеми огнями миноносцы — обычные четырехтрубные, каких было много в порт-артурской эскадре. Подойдя на полном ходу к русским кораблям, они начали в упор расстреливать их. Загрохотали взрывы.

кадре сыграли тревогу. Но пока готовились к бою, пока разводили пары, неприятеля и след простыл. Подорванные суда — броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада» подошли к берегу и приткнулись на мелководье.

Так началась русско-японская война.

Утром на горизонте появилась вся вражеская эскадра. Завязался бой. Теперь японцы обстреляли не только рейд, взрывы покрыли и гавань и город. Двенадцатидюймовый* снаряд обрушился на «Амур», снес кочегарный вентилятор и, не разорвавшись, застрял между котлами. Убитых и раненых не было, но пары пришлось прекратить. Оставалось ждать, чем кончится бой.

Вскоре японцы ушли, и эскадра втянулась в гавань. Почти все суда имели следы пребывания в бою, а четыре корабля получили подводные пробоины. Но на этот раз, кажется, и японцам досталось...

«Амуру» повезло: попавший в него снаряд не взорвался по чистой случайности — упал плашмя, а не головной, ударной частью. В хронике русско-японской войны этому случаю посвящено всего несколько строк: «Удалить снаряд вызвался старший штурман транспорта мичман Давыдов. Ему с несколькими добровольцами из нижних чинов удалось вырубить лист дымового кожуха трубы и благополучно извлечь двадцатичетырехпудовый снаряд. За отличное исполнение долга и личную отвагу мичман был произведен в следующий чин».

Так началась война для Бориса Давыдова.

Вечером моряки узнали, что в Чемульпо были атакованы японцами и геройски погибли крейсер «Варяг» и канонерка «Кореец». За первый день войны вышли из строя девять боевых кораблей!

На берег свезли раненых и убитых. Только теперь по-настоящему опомнились — и впрямь война!

Обстановка в Порт-Артуре накануне нападения японцев была странной. Тревожные слухи о предстоящей

войне усиливались с каждым днем, тем не менее эскадра к ней не готовилась. Начать с того, что Порт-Артур был плохо оборудован как морская база: тесная внутренняя гавань имела узкий и мелкий выход на внешний рейд, броненосцы могли выбираться из нее только во время приливов и то на буксире; не было дока для крупных судов, поэтому каждый год эскадре приходилось отправляться во Владивосток для текущего ремонта. Окрестные берега моряки почти не знали и не изучали. Маневры проводили только раз, и те прошли неудачно. Связь с берегом была плохая, сигнализация между прибрежными батареями и кораблями не налажена. Флотское и сухопутное начальство вело нескончаемые споры, кто из них важнее и кто кому должен подчиняться. Для многих высших офицеров вся служба состояла в том, чтобы не вызвать неудовольствия у наместника царя на Дальнем Востоке адмирала Алексева, который, считая себя флотоводцем, тоже командовал эскадрой с Золотой Горы, не съезжая на корабль.

За день до начала войны, когда уже были прерваны дипломатические отношения с Японией, Алексеев заверял моряков:

— Можете спать спокойно!

И отменил приказ о постановке минного заграждения у Порт-Артурского рейда.

Под стать наместнику было и другое высшее офицерство. Интриги, кумовство, хищения, жестокость к нижним чинам стали обычным явлением на флоте, как, впрочем, и в сухопутной армии. Многие суда были для матросов теми же казармами с палочной дисциплиной и мордобоем, только плавучими.

Редко выходя в море, простаивая месяцами в вооруженном резерве, офицеры вели довольно бурную «общественную» жизнь, которая выражалась в основном в балах, кутежах и в гуляниях по «этажерке» (так называли порт-артурский бульвар) под руку с местными этуاليا-

ми¹. Процветало пьянство — водку доставляли прямо на борт китайские джонки*. Город буквально кишел японскими шпионами, а русская разведка еще только разворачивалась. Да так и не успела развернуться.

Среди немногих критически мыслящих офицеров, особенно молодых, ходили разговоры, что дело тут не в безопасности и халатности их прямого начальства, — рыба гниет с головы. Морским воротилам и придворным шаркунам под золотым шпилем Адмиралтейства да и в Зимнем дворце, озабоченным своими чинами и выгодами, некогда было думать о судьбе страны и народа. Большинство русских кораблей еще стояло на стапелях, когда японцы вводили в строй основные силы своего флота, преобладавшего и в количестве, и в скорости судов, и в дальности артиллерии. Недооценили. Опустили. Зато сколько заботы было проявлено, чтобы задушить все новые, прогрессивные начинания! Порядок службы, регулируемый морским цензом, подавлял инициативу и принижал личность перед формальными требованиями канцелярий. В казенной формуле «самодержавие, православие, народность» «народность» стояла на последнем месте, а на деле вообще отсутствовала.

Несколько дней японцы не давали о себе знать. Еще до начала войны «Амур» собирались послать в Дальний для минирования Талиенванского залива, теперь снова вспомнили об этом. Но «Амур» был на ремонте. И вместо него пошел второй минный транспорт — «Енисей». Вскоре из Дальнего сообщили печальные известия.

Командовал «Енисеем» капитан второго ранга Степанов — один из лучших моряков эскадры, выпускник Морской академии. Именно он составил в свое время проект минного транспорта, который, пользуясь быстрым ходом,

должен был забрасывать минами вражеские порты. Морское министерство по своему обыкновению обкорнало первоначальный замысел, и сооруженные по этому проекту «Амур» и «Енисей» вышли небыстроходными. Но даже и теперь Степанов не сомневался в пользе своего начинания.

Первое порученное задание явно было не для этих кораблей: требовалось заградить свой собственный порт ударными минами. День выдался морозный, с пургой. Уже поставив в заливе четыреста мин, Степанов заметил, что одна из них всплыла. Командир решил ее расстрелять, но не успел — раздался взрыв, и «Енисей» начал крениться. Спустили шлюпки, но Степанов, тяжело раненный в голову, отказался покинуть судно.

— Спасайтесь, ребята, кто может, обо мне не заботьтесь, — были его последние слова.

На глазах у команды корабль вместе с командиром пошел ко дну. Видимо, считая себя виновным в гибели «Енисея», Степанов решил искупить вину смертью.

Происшествие это вызвало толки среди моряков. Многие обвиняли Степанова в преступной небрежности. Давыдов же считал, что командир «Енисея» погиб как герой, а случайность — она возможна в любом деле. Однако для себя он извлек из этой трагедии урок: на минном транспорте первые люди, конечно, минеры, но без хорошего штурмана они слепы.

Закончив ремонт, «Амур» вышел в Талиенванский залив продолжить работу «Енисея». Японцы не появлялись, и за пять дней было поставлено триста мин. Работать приходилось крайне осторожно: после гибели «Енисея» не сохранилось точного плана заграждений. Потом транспорт еще три раза выходил в море и поставил минные банки* в бухте Десяти Кораблей и к юго-западу от полуострова Ляотешан.

Февраль прошел относительно тихо. Правда, японцы пытались закупорить гавань, затопив на выходе из нее

¹ Этуаль (франц.) — модная артистка легкого жанра.

брандеры* — огромные пароходы, груженные камнем. Но затея не удалась — брандеры были вовремя подбиты.

Стояли темные ненастные ночи. На кораблях для маскировки не зажигали огней. Флот ждал нового командующего — адмирала Степана Осиповича Макарова. Поговаривали так:

— Вот барин придет, барин нас рассудит!

И «барин» приехал!

Для начала осмотрел все корабли эскадры. Напомнил морякам о заветах Нахимова и Корнилова. Объявил инструкцию «для похода и боя», в которой писал: «Побеждает тот, кто хорошо дерется, не обращая внимания на потери и памятуя, что у неприятеля их еще больше». После этого решил обучить флот маневрировать. Но при первом же перестроении корабли потеряли свои места, а два броненосца чуть не таранили друг друга. Макаров махнул рукой — не до того теперь! Поздно учиться — надо воевать!

Когда японские броненосцы обстреляли город, он организовал ответную перекидную стрельбу через горы с наших кораблей, расставив на возвышениях сигнальщики с телефонами. Был расчищен выход на рейд, приведены в порядок доки. Корабли теперь часто выбирались в море, чтобы отгонять японцев. Напутствуя моряков, Макаров говорил:

— Не бойтесь ошибок и увлечений. Не ошибается тот, кто ничего не делает. От работы, даже направленной по ложному пути, остается опыт. От безделья ничего не остается. Мы не знаем, как считать время, данное нам на подготовку к решительному моменту — месяцами, днями или минутами. Размышлять некогда. Выворачивайте смело весь свой запас опыта и предприимчивости. Старайтесь делать все, что можете. Мое правило: если вы встретите слабейшее судно — нападайте, если равное себе — нападайте и если сильнее себя — тоже нападайте!

Подбирая единомышленников, Макаров заменил несколько командиров инициативными, настроенными на победу офицерами. На «Амур», ввиду его важности (заградитель был флагманским кораблем отряда подвижной береговой обороны), назначил капитана второго ранга Федора Николаевича Иванова — одного из тех, кто не хотел пассивно ждать помощи извне и жаждал применить на деле свою энергию и знания.

На «Амуре» закипела работа. Почти каждый день транспорт отправлялся на рейд, где руководил постановкой гальванических мин. Эти заграждения автоматически размыкались, когда эскадра выходила в море. Были также поставлены боны*, дугой охватившие рейд, — теперь путь брандерам был заказан.

Минная война велась с обеих сторон: японцы хотели загородить эскадре выход в море, русские — предотвратить подход неприятеля и бомбардировку. Плавать на рейде было очень опасно. И первой жертвой этого обоядного минирования стал флагманский броненосец «Петропавловск». 31 марта он подорвался на японских минах и за какие-нибудь полторы минуты исчез под водой. На «Петропавловске» в этот момент находился адмирал Макаров со своим штабом...

Всего тридцать шесть дней командовал флотом Степан Осипович Макаров. Он ободрил моряков, вселил в них уверенность в победе, готовил к решительному сражению. Но не успел.

— Что «Петропавловск»! — говорили матросы. — Макаров погиб — голова пропала!

Гибель «Петропавловска» была так внезапна и всех так поразила, что по эскадре поползли разговоры о «роковом невезении», о «чертовщине». Рассказывали, например, будто один из офицеров броненосца, капитан второго ранга Кроун, увлекавшийся оккультизмом, в

точности предсказал все, что случилось... Давыдов в «чертовщину» не верил, хотя «роковое невезение» постигло его «Амур» еще раньше: за три дня до гибели Макарова. Возвращаясь вечером с рейда, заградитель ударился бортом о затопленный пароход и получил пробоину. Теперь его завели в гавань и чинили на плаву.

Новым командующим эскадрой стал крайне непопулярный среди моряков адмирал Витгефт. Это был чиновник, а не боевой офицер. Он отказался от единоначалия и ввел коллегиальность с единственной целью — снять с себя ответственность за судьбу флота.

— Зачем выходить на рейд? — рассуждал Витгефт. — Надо беречь корабли.

И приказал использовать для минирования портовые баркасы*. На баркасы установили спусковые стрелы, погрузили мины и отправили на задание. На первом из них под командованием лейтенанта Петра Пелля пошел и Борис Давыдов.

Давыдов много слышал о своем сослуживце. Говорили, что тот самый опытный минер эскадры и очень смелый человек: он участвовал еще в русско-китайской войне, был ранен в обе ноги, много дней оставался на поле боя без всякой помощи и вот не только выжил, но снова пошел воевать!

Баркас вели осторожно, боясь наскочить на мину. У мыса Ляотешан начали работу. Здесь, в «мертвом» пространстве, недостижимом для стрельбы из гавани, обычно крейсеровали японские корабли. Баркас от волнения на море сильно качало, и одна мина при спуске ударилась свинцовым колпаком о стрелу. Осмотрев ее, Пелль сказал:

— Уже действует. Взрыв задерживает сахарный разъединитель, вложенный в контакт. Надо срочно ставить. Изоляция продержится минут десять — успеем отойти...

Спешно спустили мину и ринулись прочь. Вскоре саженях в двухстах от баркаса взметнулся столб воды,

баркас подпрыгнул. Все вздохнули облегченно — пронесло! Работа продолжалась. Но тут опять случилось непредвиденное: одна из поставленных мин всплыла, и ее маслянистый бок закачался на волне.

— Я спущу лодку, приведу ее, — предложил Давыдов.

— Нет-нет, — возразил Пелль, — нельзя рисковать!

— Но ведь не оставлять же так! Японец заметит — и вся работа насмарку...

Поколебавшись, Пелль махнул рукой:

— Идите! Только осторожно.

— Кто со мной? — спросил Давыдов.

Вызвались минеры Блохин, Свирский и подручный Уткин. Медленно подойдя к мине, моряки бережно ухватили ее и один за другим направились на ее смертоносные рога предохранительные колпачки. Затем, взяв мину на буксир, повернули к баркасу. И вдруг прямо перед глазами баркас окутало облаком взрыва, высоко в небо взлетело что-то черное. Когда дым рассеялся, Давыдов увидел, как баркас, задрав вертикально нос, ушел под воду.

Быстро потопив мину, Давыдов бросился к месту взрыва. Удалось выловить шестерых человек, лейтенанта Пелля среди них не было. К лодке подошел другой баркас, и когда все уже оказались на его борту, выяснилось, что произошло.

Во время работы из-за сильной качки была повреждена о стрелу еще одна мина. Гальваническая батарейка уже в ней действовала, но Пелль, как и в первый раз, понадеялся на сахарный разъединитель. Однако едва мина коснулась воды, последовал взрыв.

Работы на баркасах были прекращены, моряки вернулись в гавань. Иванов, желая утешить Давыдова, сообщил, что «за геройский подвиг при обезвреживании мин» он представлен к награде, но и это Бориса не обрадовало. «Долго будешь жить!» — твердил он себе с горечью. Перед ним стояло озабоченное лицо Пелля: «Нет-нет, нельзя рисковать!..».

...Между тем японцы перешли к десантным операциям. В конце апреля Порт-Артур был отрезан от берега: прекратилось почтовое и телеграфное сообщение, началась блокада крепости. Вместо того чтобы перейти к решительным действиям, Витгефт принялся разоружать корабли, свозить на берег орудия и морские отряды.

В это время Федор Николаевич Иванов вместе с Борисом Давыдовым несколько раз съезжали на Золотую Гору и вели отсюда наблюдения за японской эскадрой. Они заметили, что японцы ежедневно маневрируют милях* в одиннадцати от берега: единственная дальнбойная батарея «Электрический утес» стреляла на десять миль, и японцы словно издевались над противником, стреляли, чуть-чуть превышая эту предельную дальность огня.

Иванов со своим молодым другом составили схему минных заграждений, оставалось выбрать удобный момент для операции. Дело в том, что ночью трудно было поставить мины точно, а днем на рейде постоянно дежурили японские суда. Единственный выход был дожидаться туманного дня и незаметно для врага поставить мины у него под носом. Как раз такая погода выдалась первого мая.

С утра Иванов отправился к Витгефту за разрешением.

— Минная оборона — ваше дело, — уклонился тот. — Если удобно — ставьте. Только не дальше, чем в восьми-девяти милях от берега.

Спорить было бесполезно.

«Амур» с тралящими миноносцами впереди отправился в море. Но он не остановился на том месте, на которое указывал Витгефт, а прошел дальше, туда, где обычно прогуливалась японская эскадра. Туман был низовой, стлался прядями, и над ними иногда показывались дым и верхушки мачт японских кораблей. Должно быть, японцы тоже заметили мачту «Амура», но приня-

ли его за свое судно. Им и в голову не приходило, что русские сюда сунутся.

Поставив несколько рядов мин, транспорт вернулся в гавань. Но там Иванова ждала головомойка: Витгефт, узнав о нарушении своего приказа, рассвирепел и даже пригрозил командире «Амура» отрешением от должности. Иванов молча положил на стол рапорт. В рапорте было написано: «Считаю своим долгом донести Вашему Превосходительству, что офицеры и команда вверенного мне транспорта выполнили боевую задачу с полным спокойствием и редким усердием. Эта молодецкая работа была произведена в присутствии неприятельского флота, как на смотровом учении. Все мины стали вполне удачно, не было ни потонувших, ни всплывших».

Скоро об этом происшествии узнали многие офицеры эскадры. На следующий день стояла прекрасная солнечная погода. Хозяйственные работы по случаю воскресенья были отменены, и на Золотой Горе с утра собралась толпа народа. Были там, конечно, и «виновники происшествия» — Иванов и Давыдов. Надвигалось зрелище, которое могло обернуться для них и большим успехом и полным провалом.

Около десяти часов японские суда с тремя броненосцами впереди в кильватерной* колонне приблизились к минной банке и... спокойно миновали ее. На берегу принюхали. Но через некоторое время броненосцы повернули обратно и как раз на месте заграждения начали перестраиваться. Борис не отрывался от бинокля, от напряжения на глазах у него выступили слезы.

И тут над одним из броненосцев взметнулся дым. Корабль начал медленно оседать на левый борт, другие суда разом остановились. В бинокль было видно, как от них к поврежденному кораблю устремились шлюпки. Вскоре еще над одним броненосцем взвился громадный столб черно-желтого дыма, и, высоко задрвав нос, он пошел ко дну.

На Золотой Горе началось что-то неопишемое. Кричали «ура», бросали вверх фуражки, потом принялись качать Иванова и Давыдова.

— На рейд! На рейд! — слышались голоса. — Разделить остальных!

Очевидцы рассказывают, что даже иностранные морские агенты, бывшие на Золотой Горе, не удержались: немец бил в ладоши, а восторженный француз махал фуражкой и кричал:

— Так японца! Так его! — и что-то еще в этом роде.

Только американец счел за лучшее не проявлять своих чувств и молча удалился.

А когда на мачте Золотой Горы взлетел сигнал: «Японский броненосец затонул», многоголосое «ура» раскатилось и по судам эскадры и по батареям, с одной горы на другую. Стихийная радость охватила всех — у каждого на памяти была роковая гибель «Петропавловска», и вот теперь удалось отомстить врагу тем же оружием, причем японский корабль был гораздо больше и сильнее русского.

Неприятельские суда вместе с подбитым броненосцем медленно потянулись в море. (Как стало известно потом, этот броненосец затонул, не дойдя до Японии.) За ними бросились вышедшие на рейд русские миноносцы. Но атака не удалась — враг дальним огнем не подпустил их, крупные же суда нашей эскадры так и остались без движения. Благоприятный момент был упущен.

За храбрость и мужество, проявленные при выполнении задания, Иванов был награжден Георгиевским крестом и золотым оружием, Давыдов получил орден Святой Анны третьей степени с мечами и бантом.

А через несколько дней на минах, поставленных «Амуром» в других местах, подорвались миноносец № 48 и вспомогательные суда «Ахацуки» и «Миако». Операции заградителя составили славную страницу в истории

русского военного флота, они были едва ли не единственным успешным действием наших моряков в русско-японской войне.

3 июня «Амур» в сопровождении крейсера «Новик» и тралящих судов отправился ставить мины по западную сторону Квантуна. Проходили Голубиную бухту. Вдруг транспорт задел за неизвестный, не отмеченный на карте подводный камень. В трюмы хлынула вода. Иванов приказал отряду зайти в Голубиную бухту, там завели пластырь* и по возможности выровняли крен. Утром на одной машине еле доползли до Порт-Артура.

Это плавание «Амура» стало последним: водолазы обнаружили, что транспорт в двух местах пропорол бок, погнул лопасти винтов и получил другие повреждения. Участь корабля была решена. А через неделю двух офицеров «Амура» — Федора Николаевича Иванова и Бориса Владимировича Давыдова перевели на крейсер «Паллада». Правда, этим кораблем Иванов командовал совсем недолго, вскоре вернулся прежний командир — капитан второго ранга Сарнавский, Иванов же перешел на крейсер «Баян». Зато Давыдов оставался старшим штурманом на «Палладе» до самого конца осады.

«Палладу», трехпалубный, высокобортный, со множеством наружных построек корабль, водоизмещением около семи тысяч тонн, насмешливо величали в эскадре «богиней отечественного производства». Его и однотипный с ним крейсер «Диану» так долго строили, что спустили на воду уже устаревшими: они имели небольшую скорость, слабое вооружение, были неповоротливы и часто горели. Матросы называли свои корабли «Дашкой» и «Палашкой».

Случилось так, что на другой день после назначения Давыдова на крейсер, 10 июня, эскадра в полном составе вышла в море. Был получен приказ заместника

прорываться во Владивосток, и Витгефту ничего не оставалось, как подчиниться. Пока корабли один за другим выползли на внешний рейд, пока тралили всплывшие японские мины, перевалило за полдень. К этому времени японцы успели подтянуть к Порт-Артуру главные силы своего флота. В море эскадры встретились. Уже пробили боевую тревогу, уже сблизились с неприятелем, как вдруг последовал приказ: повернуть назад. И вернулись, так и не приняв боя.

Последующие месяцы были для старшего штурмана «Паллады» горячими: он спал не раздеваясь и большую часть времени проводил на мостике и в ходовой рубке. «Паллада», сменяясь с «Дианой», несла сторожевую службу то на внешнем рейде, то на выходе из внутренней гавани. Днем охраняли тралящий караван, который состоял из разномастных барказов, катеров, пароходов и шаланд, а также поддерживали отряд канонерок и миноносцев в их схватках с японскими кораблями, изредка выходили и дальше для обстрела неприятельских береговых позиций. Ночью и на рассвете, в тумане, нападали японские миноносцы. Обычно удавалось вовремя обнаружить их прожекторами и обстрелять, но японцы атакывали вновь и вновь. Даже много лет спустя в памяти Давыдова оживала картина, как вражеская торпеда движется на корабль, как артиллеристы пытаются ее расстрелять, но торпеда все ближе и ближе, и поздно уже отворачиваться, остается только гадать — попадет или пройдет мимо. Впрочем, проносило. За всю войну Давыдов ни разу не был ни ранен, ни контужен.

Японцы с суши подошли к самому Порт-Артуру и обрушили на город, на суда перекидной огонь с Волчьих гор. Это было хуже боя. Среди офицеров ходил экспромт:

Не скучно ль это —
Сидеть и ждать,
Когда в тебя начнут бросать
Издали тяжелые предметы...

Наконец эскадра получила еще один, категоричный приказ немедленно прорываться во Владивосток. Отдавая его по велению императора, адмирал Алексеев писал: «Напоминаю всем начальствующим лицам о подвиге «Варяга» и предупреждаю, что невыход эскадры в море в случае падения крепости поведет к ее несомненной гибели. Вся ответственность за этот позор андреевского флага целиком ляжет на вас, адмиралов и командиров».

Большинство офицеров уже не верило в успех, считало, что время безнадежно упущено, и поэтому отправлялось в поход, как на заклятие. Сам Витгефт незадолго до выхода сообщил заместнику: «Благоприятного момента для выхода эскадры в море нет, не считаю себя способным флотоводцем, команду лишь в силу случая и необходимости...» Но были и такие, кто думал, что лучше пожертвовать собой, чем бесцельно тонуть в «артурских лужах», и так из-за бездействия флота в нем подозревали измену, а моряков окрестили «самотопами»...

Перед рассветом 28 июля гавань вся засветилась огнями, тишину нарушили свистки боцманских дудок, топот ног, крики команды. На берегу уже собралась толпа: люди махали руками, платками, крестили корабли, вздыхая: кто-то из морячков доберется до родных берегов? Долго тянулся прощальный молебен, оркестры сыграли «Коль славен» и гимн, эскадра начала выходить в море. Как раз в ночь перед этим «Паллада» дежурила на внешнем рейде. Пропустив корабли, она заняла предпоследнее место в отряде крейсеров.

С ходового мостика Давыдову хорошо была видна вся русская эскадра: впереди, затемняя густым черным дымом солнце, двигались броненосцы, за ними в кильватерной колонне — крейсера, позади — канонерские лодки; миноносцы прикрывали эскадру с флангов. Но противник, которому уже был известен план выхода, тоже не сидел сложа руки. Скоро справа, на горизонте, обо-

значился японский флот, идущий параллельным курсом. Некоторое время противники изучали друг друга, затем японцы пошли на сближение. Загрохотали пушки. Броненосцы, пристрелявшись, засыпали друг друга снарядами, но вот враг перенес огонь и на крейсера. Один снаряд угодил в «Палладу», снес шлюп-балку*, сбил флаг со стеньги*, засыпал корабль осколками. Когда дым рассеялся, Давыдов увидел на палубе кровавое месиво. Матросы уносили убитых и раненых, кто-то уже лез на мачту с новым флагом. В этот момент по команде с головного корабля крейсера повернули влево и ловким маневром ушли от обстрела. Артиллерийская дуэль стихла, японцы отстали.

Безмятежно сияло море, горизонт был чист и ясен. На «Палладе» все вздохнули с облегчением: кажется, на этот раз прорыв будет удачным... Но недолго длилось затишье. Японцы начали нагонять русские корабли, и вскоре бой разгорелся с еще большей силой. И снова командир отряда крейсеров адмирал Рейценштейн поспешил отвести свои корабли в сторону от главных сил. Японские крейсера тоже не вступали в сражение.

— Жарко нашим! — азартно обсуждали ход боя офицеры «Паллады». — Да и япошкам не сладко! Хорошую мы адмиралу Того баньку устроили. Пусть попарится...

Командующему вражеским флотом и в самом деле было несладко. Вот как впоследствии описывался этот бой в японских газетах:

«Невзирая на наше превосходство в артиллерии, русские упорно продолжали идти вперед, нанося нам весьма значительные повреждения. Адмирал Того находился в боевой рубке флагманского броненосца «Микаса». Внешне он сохранял полное спокойствие, ничем не выдавая все нарастающую тревогу за исход сражения. Никогда еще русские не проявляли столько выдержки и упорства, как сейчас. Тяжелое положение японской эскадры было очевидно...

— Поднять сигнал: «Имею передать приказ», — обратился адмирал к стоящему рядом капитану второго ранга Изиде, заменявшему раненого начальника штаба.

— Готово, — через минуту доложил офицер.

— Эскадре отходить в Сасебо, — раздельно проговорил Того.

Изида с удивлением и испугом посмотрел на своего адмирала.

— Разве ваше превосходительство считает, что русские выиграли бой? — робко спросил он.

— Да.

Офицер широко раскрыл глаза, потом взглянул в сторону неприятеля и радостно вскрикнул:

— Флагманский корабль русских вышел из строя!..

Действительно, броненосец «Цесаревич» без всякого сигнала, сильно кренясь, поворачивал влево. Этот неожиданный маневр видели на всех судах русской эскадры. И везде он вызвал недоумение и замешательство. Боевой строй был нарушен, идущий за флагманом «Ретвизан» ринулся на японцев, остальные броненосцы развернулись, сбились в кучу, обгоняя друг друга и стреляя во все стороны.

«Отступают, что ли?» — пронеслось в голове у Давыдова. Но раздумывать было некогда, «Паллада» вслед за другими крейсерами тоже повернула назад. Тут головной крейсер «Аскольд» выбросил сигнал «Эскадре следовать за мной», густо задымил из всех своих пяти труб и бросился прямо на неприятеля, идя на прорыв. За ним устремился «Новик». Но куда было угнаться за быстроходными собратьями «Даше» и «Палаше» — они сразу отстали и вернулись к броненосцам. Когда «Паллада» проходила мимо «Севастополя», Давыдов слышал, как Сарнавский сказал по мегафону командиру броненосца:

— Не имею права отделяться от эскадры. Один во Владивосток не пойду...

Безлунная, звездная ночь опустилась над Желтым морем. Ярко фосфоресцировала вода. «Паллада», не зажигая огней, скользила назад, к Порт-Артуру. Давыдов стоял в ходовой рубке, у компаса, слабо освещенного лампочкой. Необычно тихо было на корабле. Вдруг вдали, в темноте, мелькнули низкие тени, блеснули красные огоньки. Прозвучал сигнал отражения минной атаки, крейсер ожил, матросы бросились к орудиям. Несколько светящихся точек несло по воде к кораблю.

— Полный вперед! — услышал Давыдов голос командира.

Крейсер задрожал, набирая скорость. Вражеские торпеды замедлили ход и исчезли в закипевшем за кормой водовороте. А впереди на всех парах удирал от тарана замешкавшийся японский миноносец.

Восемь минных атак отбила в эту ночь «Паллада». На рассвете в ходовую рубку зашел старший офицер.

— Какие потери? — спросил его Давыдов.

— Убило четырех нижних чинов и ранило троих. Повреждений сильных нет.

— Жаль, что мы мало стреляли...

— Да вроде разок попали в японский крейсер. Уж лучше было бы додаться! Стыдно перед матросами. Они-то готовы на все. Второй номер у восемнадцатого орудия Роман Буглаков получил рваную рану в бок и, несмотря на это, остался на месте. Только когда я на него прикрикнул, пошел на перевязку. А после целую ночь проработал у орудия. Другой матрос, Петр Бодров, — ты видел, наверное? — под огнем найтовил* к мачте флаг... Если бы адмиралы наши так воевали, мы бы не шли на убой в артурские лужи...

Только после возвращения Давыдов узнал, что случилось с «Цесаревичем». Вице-адмирал Витгефт со своим штабом во время сражения не сходил с командирского мостика. Когда ему предложили перейти в боевую рубку, он отмахнулся: «Мне все равно, где умирать».

Около двенадцати часов вражеский снаряд разорвался у мостика, Витгефт и те, кто стоял рядом с ним, были убиты. Командир «Цесаревича» повел эскадру прежним курсом и, чтобы не посеять панику, не извещал о смерти командующего. Во втором бою снаряд поразил боевую рубку корабля, погибли все, кто там находился, в том числе и командир. Этим же взрывом повредило рулевой привод. Вот почему «Цесаревич» начал свой роковой поворот...

Во время боя 26 июля ни с той ни с другой стороны не было потоплено ни одного корабля. Десять из восемнадцати вымпелов русской эскадры вернулись в Порт-Артур, остальные на свой страх и риск добрались до нейтральных портов, где разоружились (крейсер «Новик» даже дошел до Сахалина, но был там атакован японцами и погиб).

О прорыве уже больше не помышляли. Эскадра перестала существовать как самостоятельная боевая единица, так и не вступив по-настоящему в войну. Корабли, запертые на внутреннем рейде, попали под непрерывный обстрел вражеских сухопутных батарей. Только в октябре и ноябре было больше десяти попаданий в «Палладу», крейсер так искалечило, что исправить его до конца войны уже не представлялось возможности. Таким образом, корабли оказались обреченными на гибель, а команды их в большинстве перешли на сухопутный фронт. Каждое утро на берег для отражения штурмов неприятеля съезжали десанты, к ночи поредевшие отряды моряков возвращались на корабли.

Мы не знаем точно, на каких береговых позициях сражался Давыдов. Возможно, он участвовал в решающем для судьбы Порт-Артура сражении за гору Высокую, ибо сюда были притянуты все силы обороны, включая даже нестроевые и госпитальные команды.

Основной бой на Высокой разгорелся с 15 ноября. Японцы засыпали гору тяжелыми снарядами и шрапнелью. Словно началось извержение вулкана — все склоны покрылись кратерами, извергающими дым и пламя, и сквозь них шли наши резервы к вершине, шли и таяли... Штурм длился с трех часов дня до часу ночи. Наступающие колонны японцев попадали под прямой огонь наших стрелков и артиллеристов, но на смену одной колонне появлялась другая, за ней третья, и так весь день. В какой-то момент неприятелю удалось овладеть частью окопов, и лишь подоспевшие моряки решительным броском выбили его оттуда.

В последующие два дня бой продолжался так же ожесточенно и так же безуспешно для японцев. От непрерывных разрывов снарядов над окопами стояла густая завеса пыли, которая так забивала затворы винтовок, что они переставали действовать. Японцы несколько раз добирались до редутов, но штыками и ручными бомбочками (так тогда назывались гранаты) были отброшены назад. Потери они несли громадные.

После небольшой передышки враг снова атаковал Высокую. День выдался морозный, на истерзанной, обгоревшей земле выступил иней. Но защитники горы не чувствовали холода. Штурм начался в семь утра, и к часу дня японцы овладели левым горбом Высокой, седловиной и стали заходить в тыл правого редута. Резервов больше не было, наши командиры, менявшиеся несколько раз, почти все были ранены или убиты. К вечеру Высокая пала.

Это сражение стоило стольких жертв и такого сверхчеловеческого напряжения (японцы потеряли во время штурма 290 офицеров и 7730 нижних чинов, русские войска — более 4500 человек), что силы защитников крепости были окончательно надломлены. Даже генерал Кондратенко, до последнего не хотевший мириться с поражением, признался:

— Теперь началась агония Порт-Артурса...

Тяжелая, кровавая осень была на исходе. Эскадра адмирала Рождественского, которую с нетерпением ждали порт-артурцы, плыла еще где-то у берегов Испании. Взяв Высокую, японцы в упор расстреляли оставшиеся корабли. Затонул, повалившись на левый бок, и «Амур», а на следующий день, объята пламенем, погрузилась в воду «Паллада».

В окопах среди солдат свирепствовали цинга и куриная слепота. Не хватало медикаментов, продовольствия. На базаре продавали собачину, конина уже стала деликатесом. Двадцать пять госпиталей города были переполнены, на склонах гор разрастались кладбища, убитых еле успевали хоронить.

Несмотря на героическое сопротивление, батареи и форты один за другим переходили в руки японцев. Погиб генерал Кондратенко — истинный герой войны. И словно вместе с ним был погребен в могилу его приказ: «Защищать Порт-Артурс, как Россию, до последней капли крови!»

Когда стало официально известно о сдаче крепости, на Золотой Горе был поднят сигнал: «Уничтожить корабли». Взрывы грохотали всю ночь. Матросы и солдаты, несмотря на запреты начальства, уничтожали также склады, орудия на батареях и фортах. Город был объят пламенем.

20 декабря, после 328 дней осады, Порт-Артурс пал.

В крепости начались беспорядки. А командующий русскими войсками генерал Стессель пил в это время с японскими представителями за здоровье микадо¹ и упаковывал многочисленные чемоданы.

— Продали нас генералы вместе с Артуром, — говорили солдаты.

На Золотой Горе развевался японский флаг.

¹ Микадо — японский император.

...После падения крепости моряки с берега вернулись в распоряжение флотского начальства. Морской штаб собрал всех офицеров. Председательствовал адмирал Вирен.

— Господа, — сказал он, — объявляю порядок сдачи. Нижние чины идут в плен. Офицерам же государь император милостиво разрешил дать подписку о дальнейшем участии в войне и вернуться в Россию. Так что решайте сами, что делать... В любом случае за вами сохраняется право взять с собой холодное оружие, денщиков и личные вещи...

Собрание зашумело.

— Какой порядочный офицер оставит своих матросов? — кричали с мест. — С какими глазами мы вернемся на родину, после поражения, да еще поклявшись не воевать, когда война не кончена?!

Мнения разделились. Но сколько ни спорили, разошлись без определенного решения — оно было на совести каждого.

Построившись в последний раз, русские войска двинулись за Новый город, к месту сдачи гарнизона. Шли молча, еле передвигая ноги, поддерживая больных и раненых. Здесь Борис снова встретился со своим бывшим командиром Федором Николаевичем Ивановым. Невеселая это была встреча.

— С Рождеством, лейтенант, — сказал Иванов. — Ну, что решили?

— Я с командой. А вы?

— Значит, пойдем к японцам вместе, — потом, помолчав, добавил: — Многие предпочитают вернуться домой. Подумайте... Вы молоды, война может затянуться, кто знает, что ждет вас в Японии?

Во время сдачи председатель комиссии по приему военнопленных вдруг подскочил к Иванову и, улыбаясь, заговорил:

— Рад приветствовать дорогого гостя! Нам известны

ваши заслуги! Ваша отвага стоила нам двух броненосцев. Поверьте, мы окажем вам особое почтение...

Крутившийся рядом юркий фотограф пытался снять эту сцену, но Иванов повернулся к нему спиной.

Вслед за ротой «Баяна» выстроились перед комиссией и моряки «Паллады». Невдалеке стояли две палатки, на одной висела табличка: «Место клятвы», в другой регистрировались офицеры, идущие в плен. Японцы осмотрели роту, отвели в сторону самых слабых, пересчитали, потом дали знак офицерам следовать к палаткам. Как ни тянуло Бориса домой, как ни надоела, ни замучила война, он не колебался — решительно прошел мимо «Места клятвы» и потом присоединился к матросам.

Через несколько дней японский пароход увозил его в Нагасаки.

МАЛО ПРОЖИТО — МНОГО ПЕРЕЖИТО

*Ходят пленные, как тени,
Без отцины, без семьи...
Эх вы, сени, мои сени,
Сени новые мои!*

Народная песня

Сибирский экспресс, подолгу простаивая на станциях, пропуская мимо себя поезда, набитые ранеными, приближался к Петербургу. Давыдов, в тщательно вычищенном костюме, белой рубашке со стоячим воротником и черном шелковом галстуке, побрившись и заранее собравшись, нетерпеливо посматривал в окно. А за окном уже чувствовалась весна: нежно голубело небо, темнели проталины, бил в нос горьковатый запах набухших почек.

Пока поезд больше месяца тащился из Владивостока через Маньчжурию, Сибирь и Урал, было довольно времени, чтобы подумать и решить, как жить дальше.

Но прошлое все еще не отпускало Давыдова и, стоило забыться, уносило вспять — по сверкавшим за поездом рельсам, туда, на Восток... То вставал перед глазами объятый пламенем Порт-Артур, то он снова видел себя в штурманской рубке «Паллады», а море вокруг было сплошь покрыто черными боками мин, то катился с горы в штывковой атаке, черные бушлаты сшибались с бурами мундирами, хриплое «ура» с истошным «банзай», а когда волна спадала, оставалась только выжженная, изрытая земля, запах крови и нарастающий свист снаряда... Он силился вырваться из тисков памяти, обрести устойчивость и спокойствие, зацепиться за настоящее и жить только им. Но память болела, словно он что-то недодумал, не понял, не успел сделать, а без этого нельзя жить дальше.

И вот он опять стоит на палубе парохода, входящего в Нагасаки. Холодный январский ветер пронизывает до костей. Еще не поздно отказаться от плена, нацепить на рукав красную повязку. Нет, уже все решено, выбор сделан. Снова, в который раз, утомительная скрупулезная проверка японской комиссии, «предъявление личности», пересчитывание, медицинский осмотр...

Карантинный изолятор на диком, необитаемом острове Ниношима. Ветер продувает насквозь дощатые бараки, хлещет песком в стены, гремит по крыше. Тревожно. Как примут их в этой диковинной, враждебной стране? Первое столкновение с охраной — у офицеров отбирают оружие.

— Как же так? — протестуют самые строптивые. — Государь император разрешил...

— Император остался в России, — отвечает переводчик, — а здесь микадо.

Ну что ж, обидно, но в конечном счете не так уж и важно. Они отвоевались и отсюда не убежишь.

Пленных развозят по лагерям. Толпы любопытных на пути — японцы корректны, но не скрывают торжества — победители!

Ровно год продолжался плен. Офицеров расселили по всей Японии, но условия заключения в разных местах мало чем отличались друг от друга. Деревянный барак или деревянный монастырь, разделенный перегородками на комнаты — отдельные для каждого офицера. Общая столовая, в которой по субботам и воскресеньям православный священник, японец, служит всенощную и обедню. Закрытый дворик для прогулок. Пруд и сад с красивыми соснами, бамбуком и священными карликовыми деревьями. Высокий деревянный забор. Проходная с охраной. Канцелярия, в которой постоянно дежурит переводчик и где разбираются жалобы и происшествия, выдается жалованье от русского правительства и почта.

Монотонность, однообразие жизни действовали на нервы. Давыдов единственно чем спасался — это много читал, с увлечением участвовал в организации и занятиях «Вольного университета», где каждый выступал с докладами на близкие ему темы, а слушателями были все желающие.

Японцы приносили в лагерь свои газеты и переводили последние сводки с фронта. Известия были неутешительные. В феврале русская армия потерпела крупное поражение под Мукденом, а в мае была наголову разбита близ острова Цусима и эскадра адмирала Рожественского. Еще и еще раз пленные обсуждали ход войны, спорили, кто виноват, разыгрывали морские игры: «что было бы, если бы...» Однако и в играх получалось то же, что и в действительности: уже всем стало ясно, что злостная война безнадежно проиграна, что пролито слишком много крови и пролито зря.

О, эти бесконечные беседы, ожесточенные споры и разговоры начистоту! В них выявились все различия между людьми, вся их внутренняя суть и вместе с тем

вся сумятица, которая царила в умах. В основном среди офицеров определились два лагеря: «консерваторы» и «прогрессисты».

Но скоро постоянные, саднящие думы о Порт-Артуре и Цусиме отошли на второй план перед тревогой за события на родине. Японцы охотно давали читать офицерам русские революционные брошюры, а в Кобе даже издавался специально для пленных социал-демократический журнал. Новости были одна оглушительней другой. Россию от края до края охватила революция, и в ней участвовала теперь не горстка интеллигентов, а вся масса народа, даже армия и флот. «Кровавое воскресенье», бурные события на Черном море, невиданная по размаху Всероссийская политическая стачка, последовавший за ней манифест царя, в котором он обещал свободу слова, печати, союзов и собраний, созыв законодательной думы, наконец, Декабрьское вооруженное восстание в Москве и возникновение Советов рабочих и солдатских депутатов — все эти события, лавиной прокатившиеся по стране, не уместались в сознании.

Здесь, в плену, неравенство и рознь между офицерами и нижними чинами особенно обострились. Солдаты и матросы были лишены всех тех благ, которыми пользовались офицеры. Они жили в холодных, переполненных бараках, без самого необходимого, питались впроголодь.

— Вы слышали, господа, что говорят наши матросики? — возмущались «консерваторы». — «Скорей бы мир! Как только сядем на пароход, выбросим все офицеры в море».

— Что вы хотите — революция, — отвечали «прогрессисты».

— Не революция, а бессмысленный бунт! Армия должна быть вне политики. Она должна защищать родину в любом случае. Мы можем спорить между собой сколько угодно, но перед лицом внешнего врага должны быть едины. Мы прежде всего граждане своей страны!

— Вот именно, граждане. Армия — это орудие политики. Может ли она быть слепым орудием всякой политики? И потом, если армия обращается не против внешнего врага, а расстреливает свой народ, это не армия!..

Единственное, на чем все сходились, — что жить по-старому больше нельзя. Неужели пройдет даром горький опыт войны? И будет ли построен настоящий, современный флот или только обновится оболочка, а начинка останется? Нет, необходимо все сверху донизу основательно почистить. По-старому жить нельзя, но как жить по-новому?

И опять вспыхивали споры.

Давыдов неохотно участвовал в них.

— Что вы отмалчиваетесь, лейтенант! — теребили его и «прогрессисты» и «консерваторы». — Выскажитесь!

— Ну что ж, я согласен. Перед Россией действительно две дороги, — отвечал Давыдов, — путь обновления и стародавний, наезженный, среди болот и дремучих лесов. Разумеется, я за новую Россию. Но все наши споры — лишь буря в стакане воды, лишь отголоски большой драмы. В них слишком много личного и крайнего. Мы варимся здесь в собственном соку, но все решится там, дома. Там мы действительно увидим, что происходит, и на деле покажем, кто есть кто.

В октябре японцы сообщили заключенным о подписании мира и об освобождении. Началась медленная переправка пленных во Владивосток. Всем опостылел плен, рвались домой, плакали и молились, поднимаясь на палубу парохода.

Наконец Давыдов снова вступил на родную землю. В бухте Золотой Рог стояло несколько крейсеров и миноносцев — «тихие силы» Дальнего Востока, все, что осталось от разгромленного флота. В самом городе чернели развалины и пепелища — следы недавнего восстания. На месте Морского собрания и военно-морского суда торчали только закопченные трубы, были сожжены офи-

церские флигеля и дома крепостного начальства. По улицам разъезжали казаки — наводили порядок. Тюрьма и гауптвахта были переполнены.

Офицеры, прибывшие во Владивосток раньше, рассказали Давыдову, что здесь происходило. Волнения в городе продолжались всю осень. Особенно они усилились после приезда из Японии порт-артурцев. Командование разместило матросов на мысе Чуркина, в тесных, неотапливаемых бараках — ничуть не лучше тех, в которых они содержались в плену, — и всячески оттягивало их возвращение домой. 10 января рабочие, солдаты и матросы собрались на многотысячный митинг у здания цирка, после чего отправились к штабу вручить свои требования. На Первой Морской и Алеутской улицах их встретили пулеметные очереди. Но жертвы и аресты не остановили демонстрантов, волнение росло, захватывало все новые войсковые части. Город фактически оказался в руках восставших. Тогда-то власти и решили не церемониться — в город были введены карательные войска...

Впрочем, Давыдов видел Владивосток только мельком, он почти сразу пересел с парохода на поезд. По предписанию бывшим пленным офицерам следовало явиться в Главный морской штаб не позднее 10 апреля.

Поезд подходил к Петербургу. Позади осталась долгая дорога через всю страну, дорога, на которой митинги, лозунги «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!», пение «Марсельезы» перемежались с залпами расстрелов. Революция уже шла на убыль, как весеннее половодье.

И по-весеннему тревожным было настроение Бориса. От того юности, которым он пять лет назад покидал столицу, его отделяла целая пропасть. И не только он сам изменился — Россия стала другой. Что касается политических убеждений, то он по-прежнему ощущал себя «сти-

хийным демократом»: никакой определенной, твердой позиции не держался, да и не считал себя «политиком». Он был человеком практического дела, для которого работа — это все: и философия, и политика, и смысл жизни.

Он до конца выполнил свой долг военного моряка, заслужил два боевых ордена. И хотя впереди открывалась блестящая военная карьера, Давыдов не желал ее. Его манило другое...

Сколько раз, плавая на «Амуре» и «Палладе» и вглядываясь в штурманские карты, большие похожие на приблизительные схемы, он думал с досадой: «Лучше доверять глазам, а не этим бумажкам! Как нужна флоту настоящая, подробная научная опись морей и побережий, в особенности дальневосточных! Мы вышли к Тихому океану более двух с половиной веков назад, а до сих пор не имеем ни хороших современных карт, ни надежных лоций, необходимых для любого мирного плаванья, не говоря уж о войне». Уже тогда ему мерещилась его будущая судьба моряка-исследователя.

Изучение морей, морская наука — вот дело, которым он больше всего хотел бы заниматься теперь, дело, которому мог бы отдать всю свою жизнь и которое, он твердо верил, будет нужно людям всегда.

АКАДЕМИЯ МОРСКИХ НАУК

*Как во городе во Санктпигере,
Что на матушке на Неве реке,
На Васильевском славном острове,
Как на пристани корабельные,
Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати тонких парусах,
Тонких, белых, полотняных...*

Народная песня

Послужной список Бориса Давыдова гласит, что после возвращения из плена он был отправлен в шестимесячный отпуск, «Высочайше дарованный защитникам Порт-Артура». И далее: «С 20 января 1907 года зачислен по выдержании вступи-

тельных экзаменов штатным слушателем гидрографического отделения Николаевской Морской академии. С 20 октября 1908 года — командирован в Главную Пулковскую астрономическую обсерваторию.

Это были самые спокойные, размеренные и безмятежные годы в жизни Бориса Давыдова, когда он не отправлялся в дальние плавания, жил дома, в городе и располагал своим временем более или менее свободно. Но именно они определили его дальнейшую судьбу.

Васильевский остров, Одиннадцатая линия, дом 8. Здесь, рядом с его alma mater — Морским кадетским корпусом, расположилось только что выстроенное небольшое здание академии. Цель обучения в ней, еще при ее образовании в XVIII веке, была сформулирована так: «Усовершенствовать некоторое число отличнейших... офицеров в высших частях наук, в морской службе потребных».

Книги, приборы, лекции, астрономические наблюдения. Летом — работы по промеру, морской съемке, определению и уничтожению девиации* на судах Балтийского флота. Давыдов с головой погрузился в научные занятия. Чтобы быть в курсе всего нового, что делалось в гидрографии, картографии и геодезии, он регулярно посещал занятия Географического общества, где знакомился с последними научными открытиями и лучшими учеными своего времени.

В академии преподавали тогда бывшие наставники Давыдова по Морскому корпусу — Ю. М. Шокальский и А. Н. Крылов. Это были ученые, которые при фанатической преданности науке оставались людьми с большим кругозором и богатым внутренним миром.

Алексей Николаевич Крылов читал в академии дифференциальное и интегральное исчисления и теорию корабля. Он не уставал повторять слушателям, что мореплавание превратилось из искусства в строгую, точную науку и что «сила и мощь науки беспредельны, как

беспредельно и ее практическое приложение». Лукаво прищурившись, он спрашивал слушателей:

— Что такое компас? — и сам же отвечал: — Инструментик малый, но без него Америка не была бы открыта!

Более сорока лет преподавал в академии астрономию и геодезию Н. Я. Цингер. У него был свой, оригинальный метод обучения, несколько старомодный, но вполне себя оправдавший. Он раздавал слушателям изданные литографским способом записки, написанные им самим великолепным каллиграфическим почерком, с прекрасными, им же сделанными чертежами. Каждый из его учеников должен был по очереди изучить соответствующий параграф курса, сделать все задачи по нему, а потом выступить перед другими слушателями. Занятия Цингера превращались в свободные, оживленные и интересные собеседования по изучаемой теме.

Но самым близким из преподавателей стал для Давыдова профессор Юлий Михайлович Шокальский. Их знакомство переросло в глубокую дружбу, которую они поддерживали всю жизнь. Шокальский вел в академии физическую географию, метеорологию и впервые выделенную как отдельный предмет океанографию. Открытый, пылкий и жизнелюбивый нрав его, бесконечное доверие к людям, огромная эрудиция, умение сохранять самые добрые отношения с учениками и в то же время строго требовать от них знаний и любви к делу — особенно влекли к нему молодежь. Никогда Юлий Михайлович не показывал своего превосходства перед учениками, всегда был с ними ровен. Только равнодушные люди выводили его из себя, он считал, что нет худшего порока, чем безразличие.

Шокальский часто ездил за границу, отлично изучил постановку морского дела в других странах, следил за всеми усовершенствованиями. Он дал ход множеству начинаний: впервые организовал в России глубоковод-

ные гидрологические наблюдения, заложил основы океанографии, вместе с Д. И. Менделеевым и С. О. Макаровым обращал внимание правительства на необходимость изучения и освоения Северного морского пути.

Особое пристрастие Шокальский питал к картографии.

— Карта, — говорил он, — это главное орудие географа. При ее помощи он готовится к своим исследованиям, на нее наносит полученные результаты, она же служит ему ступенью для движения вперед. Карта есть то удивительное орудие изучения земного шара, которое одно только и может дать человеку дар провидения... Никакая работа, связанная с пространством, по какой бы отрасли знаний она не производилась, не может обойтись без карты.

В 1908 году в Петербурге проходил Международный судоходный конгресс. Шокальский привлек к работе конгресса и своих учеников. Давыдов целыми днями пропадал в здании консерватории, где проходили заседания, слушал доклады, участвовал в организации выставки, знакомился с иностранными морскими специалистами.

Не раз бывал Давыдов и на квартире Шокальского, в маленьком двухэтажном домике на канале Грибоедова, и на его даче в Ораниенбауме. И там, за обеденным столом или на прогулках, разговоры неизменно возвращались к науке.

— Вот окончите академию, начнете собственные исследования, — рассуждал Юлий Михайлович. — Берите все явления во взаимосвязи, ничем не пренебрегайте. И не забывайте, что при всяких наблюдениях самое важное — степень их точности. Точность, если хотите, дело совести ученого. А отделять ученого от человека не только невозможно, но и вредно: так никогда не поймешь всего им сделанного.

— Слышали ли вы, любезный, слова Гексли: «Старайтесь узнать что-нибудь обо всем и все о чем-ни-

будь»? — спросил как-то Шокальский и приложил ладонь к уху (он был глуховат). — А? Слышали? А заметили ли вы, что он говорит «старайтесь узнать», а не «старайтесь знать», что было бы слишком самонадеянно. Знать все даже о чем-нибудь невозможно. Я сам руководствуюсь таким правилом: знания должны быть кругом, радиус которого постоянно растет, но центр всегда остается постоянным. Этот центр — избранная тобой специальность...

Что же за специальность выбрал себе Давыдов?

Гидрография (буквально — описание воды) — прикладная наука, которая занимается изучением вод земного шара, прежде всего морей и океанов, с целью обеспечить безопасность плавания по ним. Гидрографы производят морскую съемку и опись берегов и островов, составляют карты, определяют рельеф дна, занимаются устройством маяков, гаваней, портов и якорных стоянок, ограждением мелей и фарватеров в проливах и бухтах, разрабатывают специальные вопросы мореходной астрономии, метеорологии и так далее.

С далекой древности русские люди, осваивая широкие просторы прилегающих морей, старались закрепить знания о них и передавали из поколения в поколение свой опыт. Много сделали для развития гидрографии наши ученые моряки и кругосветные путешественники А. И. Нагаев, Г. А. Сарычев, Л. В. Спафарьев, И. Ф. Крузенштерн, Ф. П. Литке, Ф. П. Врангель и другие. Но только в середине прошлого века гидрографические работы были поставлены на строго научную основу и приняли систематический характер.

Период географических открытий к тому времени мог считаться законченным. На земле менее обследованными остались лишь океаны и полярные страны. И эта проблема в географии выдвигалась на передний план. Нача-

ло нашего века — время широкого развития науки мореплавания, когда полностью выявилось ее государственное значение, было проведено много крупных экспедиций, заложены основы современных морских знаний.

Всем комплексом сложных и обширных гидрографических работ занималось в России Главное гидрографическое управление Морского министерства. Этому ведомству, в отличие от многих других, повезло: им в начале XX века руководил замечательный организатор и талантливый ученый Андрей Ипполитович Вилькицкий. Он не оставил буквально ни одной стороны гидрографического дела без детального рассмотрения и усовершенствования. Блестящие достижения русской гидрографии были признаны во всем мире. Вот как оценивал их известный французский ученый Рено: «Мы были свидетелями того, до какой высокой степени совершенства доведено снабжение русского флота научными приборами... Нам показали образцы русских промеров, выполненных среди берегов и на фарватерах весьма сложного очертания, где работа представляет большие трудности. Об этой работе нельзя выразиться иначе, как назвав ее чудодейственной... В России образовалась группа гидрографов, которые служат объектом удивления для всех специалистов... Эти труды отметят начало новой эры для искусства морской картографии, для дела издания мореходной документации и для решения вопроса об обозначении и ограждении опасностей на море».

Перед новым поколением гидрографов, которых готовила Морская академия, открывались широкие возможности для научной работы, многие из них действительно стали ведущими специалистами в своем деле (достаточно упомянуть Н. Н. Матусевича или учившегося вместе с Давыдовым Бориса Вилькицкого, сына начальника Гидрографического управления).

Давыдов окончил академию лучшим в выпуске и вместе с дипломом получил чин старшего лейтенанта. Как

наиболее перспективный с точки зрения научной работы выпускник, он был командирован на два года в Главную астрономическую обсерваторию в Пулковое для прохождения практического курса по астрономии и геодезии.

Говорят, все, что нужно моряку, — это свой берег, и чтобы любимая женщина ждала на берегу. В это время Давыдов встретил такую женщину, встретил, чтобы всю жизнь расставаться.

Неподалеку от квартиры Давыдовых жили Михаил и Алексей Лавровы, тоже морские офицеры, с которыми Борис тогда очень сблизился. Но не столько ради них он все чаще и чаще бывал в этом доме, сколько из-за их сестры Веры. Эта девушка, маленького роста, стройная, ладная, не отличалась красотой, но была очень обаятельна. Во всем ее облике сквозило что-то японское, хотя она была русская, и Давыдов ласково называл ее «моя японочка».

Умная, серьезная, Вера проникательно судила о людях, была хорошо образована, начитана, любила и знала музыку. С ней можно было откровенно делиться своими мыслями и планами, она с полуслова понимала и принимала их, как свои, близко к сердцу. И скоро Давыдов уже не мыслил своей жизни без нее.

21 сентября 1907 года Вера и Борис сыграли свадьбу, а через год у них родился первенец, которому дали имя отца — Борис. Давыдов горячо и самозабвенно, как все, что он делал, занялся устройством семейной жизни. Вера оказалась заботливой и любящей женой и матерью. Сразу после окончания Давыдовым академии молодая семья переехала в Пулковое и зажила собственным домом.

Пулковое, расположенное в четырнадцати верстах от Петербурга и в восьми верстах от Царского Села, было тогда слободой, утопающей в садах и огородах. Тем не

менее оно было известно во всем мире как астрономическая столица России. Пулковский меридиан принимался на русских картах за первый, от него отсчитывалось точное время в стране.

Руководителем Давыдова в его занятиях в обсерватории был профессор практической астрономии и геодезии Федор Федорович Витрам. Этот внешне спокойный и педантичный человек с седым ежиком волос и торчащими стрелкой усами, в неизменном пенсне, поражал всех страстностью и неутомимостью, с какими он отдавался своим наблюдениям и сухим вычислениям. Одержимостью своей он невольно заражал и учеников. Через школу Витрама прошло немало гидрографов, чьи имена стали широко известны науке: Е. Л. Бялокоз, В. В. Ахматов, Н. Н. Матусевич; теперь эту школу проходил Давыдов. Под руководством Витрама он не только совершенствовался в приемах астрономических и геодезических наблюдений, но и провел свое первое самостоятельное исследование. Оно называлось «Определение долгот по азимутам Луны универсальным инструментом Гильдебрандта». Но прежде скажем о причинах, побудивших Давыдова выбрать именно эту тему для выпускной диссертации.

Дело в том, что ближайшее будущее его уже определилось: он был включен в состав готовящейся с большим размахом Экспедиции Северного Ледовитого океана.

Вопрос о разведывании и освоении сквозной морской дороги в Сибирь и на Дальний Восток не был чисто научным, он имел жизненно важное значение для государства. Еще до начала русско-японской войны прогрессивные деятели науки — С. О. Макаров и Д. И. Менделеев предлагали свои проекты использования Северного морского пути. «Если сравнить Россию со зданием, нельзя не признать, что фасад его выходит на Северный Ледовитый океан», — отмечал Менделеев. «Говорят, что непобедимы торосы Ледовитого океана. Это

ошибка: торосы поборимы, непоборимо лишь людское суеверие».

Те же идеи отстаивал Макаров: «По мнению моему, в нашем морском деле — для его успешного и верного движения вперед — лучше всего на один из первых планов поставить завоевание Ледовитого океана, хотя я уверен, что никакая «комиссия» до такого решения не дойдет, потому что комиссии и парламенты «Америки не открывали» и не откроют, хотя необходимы, как фабрики для переделки добытого. Если победили твердыни гор, надо и льды побороть, а у нас их больше, чем у кого-нибудь. А около тех льдов немало и золота, и всякого иного добра, своя Америка».

Горький опыт Порт-Артура и Цусимы помог сдвинуть дело с мертвой точки. В связи с этим А. И. Вилькицкий писал, что война с Японией «наглядно показала все стратегическое значение Северного пути, который нужен и для плаванья военных судов и для перевозки войск и груза. Этот путь послужит толчком для оживления всего нашего Севера, развитие промышленности которого не должно стоять на последнем месте... Не недоступность Морского сибирского пути мешала до сих пор воспользоваться им, а простое незнание его. Надо побороть это незнание, надо сделать смелый шаг, и новый путь будет широко открыт для нашей родины и сослужит ему добрую службу».

В 1907 году специальная комиссия Морского министерства разработала план и программу работ Экспедиции Северного Ледовитого океана, а вскоре последовало разрешение царя на финансирование ее.

Корабли, на которых предполагалось вести исследование, — «Таймыр» и «Вайгач» — строились на Балтийском судостроительном заводе и были первыми железными ледоколами, специально предназначенными для гидрографических работ в полярных морях. Отсутствие морских связей с самыми заброшенными окраинами

России — Чукоткой и Колымой — требовало, чтобы исследования были начаты со стороны Берингова пролива. И в 1909 году суда экспедиции отправились на Дальний Восток южным путем. «От экватора до Колы плыть будут долго ледоколы», — иронизировали газеты...

Давыдов должен был кончить свой курс в Пулковской обсерватории, поэтому не мог сразу уйти в плавание. Но он активно начал готовиться к экспедиции, нацеливаясь в своих занятиях прежде всего на работу в северных широтах, перечитал массу книг о полярных исследованиях, тщательно изучая и выписывая все, что касалось особенностей плавания во льдах.

И тему для своей выпускной диссертации он выбрал исходя из возможности ближайшего применения ее на практике. Условия работы в северных морях заставили его найти новый, своеобразный метод наблюдений. Он состоял в том, что при нахождении долготы Луна наблюдалась не в каком-то одном, определенном положении, а во всевозможных азимутах, для определения же времени брались не близлунные звезды, а те, которые легче увидеть в северном небе летом и осенью. Давыдов вычислил эфемериды* наиболее крупных звезд, чтобы иметь возможность в Арктике определять время по ним.

Большой универсальный инструмент Гильдебрандта был установлен на восточной башне Геофизической обсерватории Генштаба в Пулкове. Здесь Борис Владимирович провел все ночи конца 1909 и начала 1910 года. В декабре облачность помешала наблюдениям, в январе же и феврале ясных дней было больше, и наблюдения производились при всякой возможности.

Новый метод определения долгот (он был изложен Давыдовым в статье, опубликованной в журнале «Записки по гидрографии») имел большое практическое значение: он позволял морякам и исследователям более легко и точно найти свое местоположение в условиях плавания в высоких широтах.

Характерно для Давыдова последнее замечание в его статье: «Наблюдения по этому способу просты и приятны, подготовительные вычисления тоже не сложны, некоторая же кропотливость в выводе долготы вполне вознаграждается независимостью результата от знания времени основного меридиана».

Закончив свои исследования в Пулкове, Давыдов явился в Гидрографическое управление, где получил назначение на должность командира ледокола «Таймыр». Там же он познакомился с начальником экспедиции Иваном Сергеевичем Сергеевым, пожилым сумрачным полковником, который хотя и был опытным гидрографом, но на флоте имел нелестное прозвище Сухарь.

— Поздравляю, старший лейтенант, — сказал он. — И предупреждаю, я подниму брейд-вымпел* на вашем корабле. Так что не ждите покоя.

Провожать Давыдова на Николаевский вокзал пришли родные и друзья. Цветам и подаркам, добрым напутствиям и... слезам не было конца. Стоял среди провожающих и Юлий Михайлович Шокальский, который тоже деятельно участвовал в подготовке экспедиции.

— Завидую я вам, — сказал он Давыдову. — Увидите места, где я никогда не бывал и уже, наверно, не буду, надышитесь морем и, дай бог, что-нибудь да откроете...

ВПЕРВЫЕ В ЛЕДОВИТОМ

*Бежит в море судно на двух парусах,
Один парус белый, другой голубой.
Золота цепочка, якорь золотой,
Крашеные весла висят над водой.
По судну гуллет кормщик молодой...*

Народная песня

Ремонт после перехода через южные моря сильно задержал «Таймыр» и «Вайгач» во Владивостоке. Только 17 августа 1910 года покинули они бухту Золотой Рог. Ясно было, что план ра-

бот, предусмотренный на этот год — гидрографическое обследование побережья Ледовитого океана от Мыса Дежнева до устья Индигирки, выполнить полностью не удастся. Ничего не оставалось, как решить на месте, в зависимости от ледовых условий, где и как работать.

Давыдов записал в дневнике¹: «Приятно оказаться в море, порвав всякие отношения с береговыми учреждениями и особенно с портовой конторой, со всякого рода исходящими, входящими, накладными и квитанциями; чувствуешь себя много легче, зная, что никто тебя с берега не достанет и по собственному разумению ведя свой корабль и распорядясь на нем. Жаль и очень тяжело только, что совершенно оборвались всякие сношения с Пулковым и Петербургом... однако от судьбы не уйдешь. В море так в море!»

Мыс Дежнева отделяли от Владивостока 2700 миль, то есть около двух недель пути. За это время Давыдов хорошо узнал и экипаж своего судна, и сам корабль.

«Таймыр» и «Вайгач» входили в состав военного флота. Команда на каждом из судов была небольшой — всего по сорок человек и состояла на треть из молодых матросов срочной службы, а на две трети — из более опытных моряков. Ввиду трудностей предстоящего плавания и возможности зимовки во льдах команды набирались только из числа добровольцев. Кроме Сергеева и Давыдова, на «Таймыре» были еще четыре офицера: помощник командира Ломан, штурманы Брусиллов, Вейгелин и Нилендер, а также инженер-механик и судовой врач. Специальных научных работников экспедиция не имела, офицеры должны были одновременно и исполнять судовые обязанности и вести исследования. Все члены экипажа, за исключением Сергеева и командира

¹ Дневники Б. В. Давыдова, повествующие о трех его полярных плаваниях, были обнаружены совсем недавно и любезно предоставлены автору этой книги племянником Давыдова Г. А. Кобылиным.

«Вайгача» капитана второго ранга А. В. Колчака¹, отправились в полярное плавание впервые.

Экспедицию снаряжали долго и тщательно и, казалось, предусмотрели все. Ледоколы обладали большим радиусом автономного плавания, были снабжены вспомогательной парусной оснасткой и искровыми радиопередатчиками, рассчитанными на значительное для того времени расстояние — до 150 миль. На борту имелось разнообразное научное оборудование, дополнительный запас одежды и продовольствия на случай зимовки. Для снабжения углем и водой суда сопровождал до бухты Провидения транспорт «Аргунь».

Конструкция кораблей, как уже отмечалось, была рассчитана на плавание в полярных водах: «Таймыр» имел утолщенную обшивку и яйцевидную форму корпуса, которая помогала выталкиванию его при сжатии льдов; форштевень* и ахтерштевень* корабля, отлитые по специальным чертежам, должны были ломать лед толщиной до метра и при переднем, и при заднем ходе. Однако ледокольные свойства корабля ослабили его переходные качества, что и обнаружилось при первом же шторме...

Только суда вошли в Берингово море, как налетел шквал. Ветер скоро усилился до ураганного. В темноте суда потеряли друг друга. На волну «Таймыр» всходил хорошо и носом редко черпал воду, зато ужасной была бортовая качка. На верхней палубе с грохотом перекачивались волны, невозможно было удержаться на ногах. Не лучше было и в штурманской рубке: пол, покрытый линолеумом и мокрый от воды, стал скользким, как каток. Ударившись довольно основательно несколько раз, Давыдов выбрался на капитанский мостик. Он стоял там, крепко вцепившись в поручни, под оглушительным

¹ А. В. Колчак участвовал в ГЭСЛО только в 1910 году, затем оставил научную работу. Во время гражданской войны стал одним из лидеров русской контрреволюции.

свистом ветра, раскатами гигантских волн и скрипом снастей, и каждый раз, когда судно стремительно клонилось на борт, ему казалось, что оно уже не встанет. Большую часть команды укачало. Вещи внутри корабля пришли в движение, падали и перекатывались из угла в угол. Когда Давыдов на минутку заскочил в свою каюту, там был полнейший разгром. Из умывальника вышибло ведро, вода разлилась по полу, а ведро носилось по каюте, сшибая все на своем пути.

Решив больше не испытывать остойчивость* корабля, Давыдов изменил курс, направив судно в разрез волне. Качка сразу заметно убавилась.

В бухту Провидения «Таймыр» пришел первым. Глазам открылся высокий обрывистый берег, покрытый пятнами снега. Внизу, у моря, стоял десяток яранг и дом с двумя складами. Это была фактория американца Томсона. Приехали на байдаре эскимосы, и пока они с любопытством осматривали корабль, Давыдов рассмотрел их и нашел, что это «смирный, добродушный» народ. Вечером они привезли на продажу шкуру белого медведя. Давыдов хотел было купить ее, но не получилось: эскимосы просили за нее или четыреста рублей, или... бутылку водки, то есть или слишком много, или ничтожно мало.

Вскоре в бухту вошли «Вайгач» и «Аргунь», казавшиеся крохотными на фоне могучих угрюмых гор. Началась погрузка угля и воды. На «Таймыр» явился Александр Васильевич Колчак, и Давыдов допоздна просидел с ним в кают-компании за разговорами о предстоящей работе.

Колчаку уже приходилось плавать в западной части Арктики, настроен он был решительно, по-деловому, но держался несколько начальственно и сухо.

— Карты здешних мест составлены отвратитель-

но, — сказал он, — промеры сделаны кое-как и кое-где, рельеф берега зачастую не нанесен... Вот и ходи тут!

— Да, — согласился Давыдов, — все побережье надо заново класть на карту. Открываешь, к примеру, лоцию и читаешь: «Отличным приметным пунктом служит гора такая-то...» А гора эта добрых девять месяцев в году закрыта туманом! Что касается более низких береговых пунктов, то о них почти ни слова, хотя именно их-то чаще всего и видно. Ничего не поделаешь, придется ходить почти вслепую и, наверное, не раз сядем на мель...

— Без этого не обойдешься. Лишь бы не на камни!

Опасения эти подтвердились на следующий же день: при входе в бухту Ткачен «Таймыр» сел на неотмеченную на карте небольшую отмель. Так начал он своими боками «изучать» бухту. Впрочем, происшествие длилось недолго: перекачали воду из носовой цистерны в кормовую, дали полный назад — и благополучно вернулись на глубокую воду.

Давыдов решил установить здесь первый астрономический пункт. Он съехал на берег, но понаблюдать так и не пришлось: из-за сильного ветра инструмент дрожал и вместо звезд в окуляре получались какие-то туманные блины.

На прощание бухта преподнесла таймырцам еще один сюрприз: при выходе из нее судно на полном ходу прочертило днищем по песку. Пришлось задержаться, дополнительно промерить бухту и внести уточнения в карту.

Мыс Дежнева уже вырисовывался впереди громадной черной шапкой с закрытой туманом верхушкой. Для продолжения работ требовалось точное астрономическое определение его. Целую неделю ждали, когда прояснится. За это время сделали съемку Дежневского массива, поставили деревянный мореходный знак в ви-

де пирамиды, а «Вайгач» произвел гидрологический разрез Берингова пролива. Одновременно вели биологические исследования — сбор планктона* и глубоководное траление. Судовой врач Л. М. Старокадомский собирал на берегу коллекции растений, насекомых и птиц.

Давыдов часто вспоминает в своем дневнике дом, жену, сына, всю их счастливую, безмятежную «пулковскую» жизнь. В экспедиции он не нашел близкого друга, да и не такой это был человек, чтобы запросто раскрывать перед чужими людьми свою душу. И дневник стал для него единственным собеседником, которому он мог доверить все без утайки. Эта возможность хотя бы мысленно побыть наедине с семьей была ему совершенно необходима.

17 сентября, в день именин жены, Давыдов записал:

«Поздравляю тебя, Верушка, с днем твоего ангела! Да сохранил тебя господь вместе с малышом от всякого страха, болезни и неприятности, да пошлет он тебе сил и крепости. Как часто вспоминаю я вас, какое утешение и успокоение приносит мне в трудные минуты воспоминание о вас! Когда становится тяжело, когда сердиться на Сергеева за его нерешительность и шляпство, — уйдешь от него, сядешь к себе в каюту, возьмешь в руки нашу семейную фотографию и тотчас хорошо и легко становится на душе. Таким миром и спокойствием веет от улыбающейся глазами Верушки, так невозможно спокоен малыш, положив свою ручонку на шарманку, так далеко все это от действительных неприятностей и тревожений, что как-то сам успокаиваешься, злость и желчь отлетают куда-то в сторону и долго, долго сидишь, не в силах оторваться от дорогих, теперь далеких лиц... По времени выходит, что у вас теперь час ночи, спите, вероятно, всюю. Господь да хранит вас!»

Так и не дождавшись хорошей погоды, «Таймыр» и «Вайгач» пошли дальше на запад. Но уже через сем-

надцать миль, у мыса Инцова¹, показался сплоченный, труднопроходимый лед. Резко похолодало. Сергеев объявил:

— Время позднее, возвращаемся назад!

У Давыдова это решение вызвало двойственное чувство: сначала была радость от близкой возможности оказаться дома, но на смену ей пришлось сожаление и стыд, что, сделав так мало, приходится возвращаться.

— Иван Сергеевич, — возразил он, — но ведь мы не в таком положении, когда нельзя работать. Давайте пождем — вдруг море расчистится?..

— Вы, Борис Владимирович, еще новичок в этом деле, — прервал его Сергеев. — Я уж знаю точно — работать дальше невозможно. Пора домой.

Просемафорили на «Вайгач» и тут же с весьма сердитым видом примчался Колчак. Сергеев побаивался его и с его мнением не мог не считаться — у Колчака были высокие связи в Петербурге.

Спустившись в кают-компанию, все трое уселись за стол.

— Неужели вы, Иван Сергеевич, действительно решили уходить? — спросил Колчак.

— Да, — с виноватым видом отвечал Сергеев.

— Но ведь мы только начали работу! Небо может проясниться и тогда удастся астрономия, да и я еще не закончил свою гидрологию. Вы же знаете, в таких широтах на неделе выпадает только два-три дня годных для работы — с этим приходится мириться. Я считаю, что до больших морозов мы не должны уходить.

Сергеев только бормотал что-то в ответ, но на отсрочку не соглашался:

— Я обещал начальству вернуться не позже середины сентября...

¹ На современных картах мыс Инчоун.

Видя, что уговоры напрасны, Колчак, не попрощавшись, уехал.

Стычки с Сергеевым были у Давыдова и раньше, и он, признаться, не раз жалел, что начальник экспедиции обосновался на его корабле. Не нравилась Давыдову его черствость, нелюдимость, манера винить всех, кроме самого себя, грубость к матросам, раздражала его привычка задергивать занавеску в каюте при разговоре, будто кто-то за ним постоянно подглядывает и подслушивает.

Но больше всего Давыдов «встраивался» в споры с Сергеевым из-за его нерешительности, граничащей с трусостью. Тугой на подъем, Сергеев боялся мало-мальского риска и обычно на подходе к берегу начинал дергать Давыдова за рукав и поднимать ненужную панику, так что Давыдов даже сказал ему с досадой:

— Иван Сергеевич, у вас глаз явно приближает...

— Где Сергеев прошел, там всякий пройдет! — любил повторять он, имея в виду свои прежние заслуги. Но все улавливали в этих словах совсем другой смысл: действительно, где пройдет Сергеев, там пройдет кто угодно...

Офицеры экспедиции с самого начала невзлюбили своего начальника, но теперь его престиж упал окончательно. Все видели в нем не человека дела, а чиновника от гидрографии, молящегося на Петербург.

«Прощай, моя астрономия! — записал Давыдов. — Так и не удалось понаблюдать. А уж вычислял-то я сколько!»

На обратном пути моряки не раз заходили в необитаемые бухты, исправляя неточности на карте. Заново были промерены и сняты бухты Анастасии, Натальи, Святого Петра, Святого Павла, Лаврова, обнаружены новые якорные стоянки и даже один островок.

Несколько дней ледоколы простояли в живописной, похожей на ковш, Петропавловской гавани. Небольшое селение с двумя церквями виднелось на берегу, а далеко за ним упиралась в небо Авачинская сопка, наполовину покрытая снегом. Вершина Авачи дымилась — год назад здесь произошло извержение, и окрестности города были засыпаны мелкой вулканической пылью.

Давыдов надел сюртук, прицепил кортик и вместе с другими офицерами отправился на завтрак к губернатору, действительному статскому советнику Перфильеву. Этот приземистый, коренастый пожилой человек являл собой натянутую официальную любезность и холдную предупредительность, говорил все больше казенными фразами и симпатии к себе не вызывал.

Сперва посидели в гостиной, куда к офицерам вышла губернаторша, толстая рыжая дама с широким лицом и большим ртом до ушей. Затем всех пригласили к столу, на котором стояло пять-шесть закусок, большей частью рыбных. Выпили по рюмке водки. Подали бульон с пирожками, спаржу и индейку. Между индейкой и сладким появилось шампанское и хозяин провозгласил тост:

— Приветствую в вашем лице, господа, северную экспедицию, предназначенную осветить и обследовать наши крайние полярные пределы. Деятельность ваша и наша сходны, поэтому я уверен, что мы будем всегда идти рука об руку...

Ему отвечал Колчак. В том же тоне он провозгласил тост за здоровье всех чинов губернских. После сладкого подали кофе с коньяком, чай, фрукты. Затем опять посидели в гостиной для приличия и наконец откланялись.

На другой день последовало неотвратимое приглашение к вице-губернатору, статскому советнику Бодунгену. Проворный брюнет, лет сорока, Бодунген быстро перешел на короткую ногу с моряками, засыпал их рас-

спросами и анекдотами из местной жизни и вообще казался полной противоположностью своему начальнику. Подстать мужу была и вице-губернаторша, молодая блондинка, недавно приехавшая из Петербурга. Она, несомненно, пользовалась успехом у местных ловеласов и играла роль первой дамы Камчатки. «Ну что ж, — подумал Давыдов, — и правильно делает. Уж лучше развлекаться, чем помирать от скуки».

На третий день всех пригласил к себе уездный начальник, коллежский советник Лех. Но Давыдов уже утолил жажду общения...

Куда интересней было прогуляться по городу. Петропавловск насчитывал тогда шестьсот жителей и состоял всего из одной улицы. Радиотелеграф сюда еще не провели. Единственное, чем изобилует город — это штейнне заведение. Местной достопримечательностью была площадка перед крыльцом одной из лавок, сплошь вымощенная бутылками доньшками вверх. Осмотрел Давыдов памятник Витусу Берингу и Лаперузу, побывал и на братской могиле русских моряков, погибших в 1854 году при защите Петропавловска от набега англо-французских кораблей. В дневнике появилась запись: «Удивительная, скверная черта наша — пренебрежительно относиться к памятникам героизма и жертвам служебного долга — сказала во всей яркости и здесь. Хотя памятник (крест) и железный, хотя стоит он на каменном фундаменте, все же ограда полуразвалилась, все давно не крашено и как самое место, так и близ него — запущено и загрязнено. Неприятно видеть такое нерадение и халатность!»

Город показался Давыдову сонным и пустынным. Но, когда он сказал об этом одному петропавловцу, тот искренне удивился:

— Да что вы! У нас теперь самая жизнь. Что бы вы сказали зимой, когда снег заносит дома до крыш, а люди неделями не показываются на улицу?

Алексей Кузьмич Давыдов, дед Б. В. Давыдова.

Елизавета Львовна и Владимир Алексеевич Давыдовы с детьми. Первый слева — Борис. 1887 г.

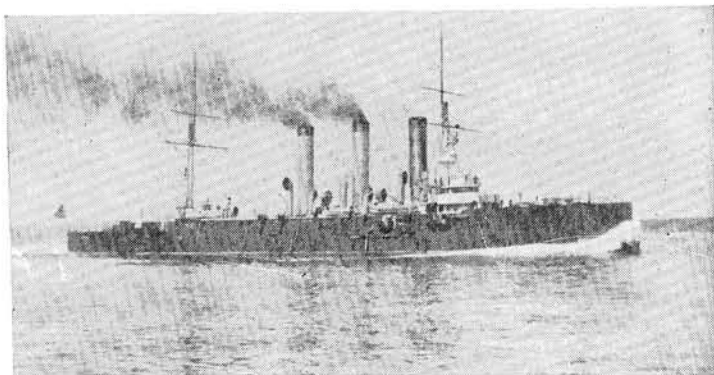
Борис Давыдов (стоит в центре) с братом и сестрами. 1890 г.

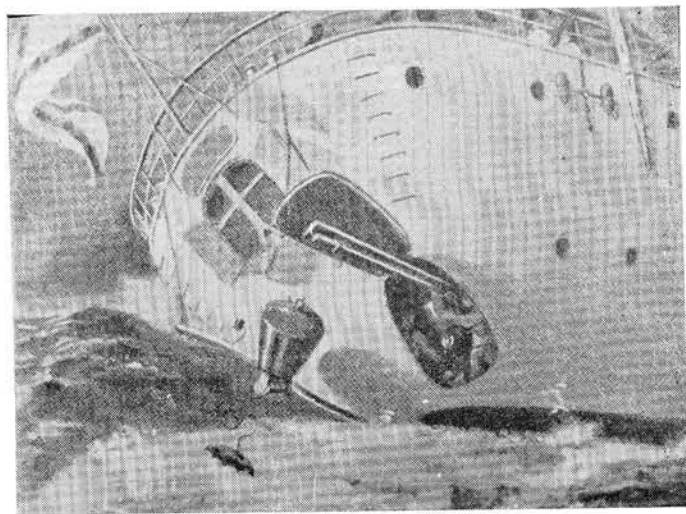
Морской кадетский корпус (ныне Высшее военно-морское училище им. Фрунзе).

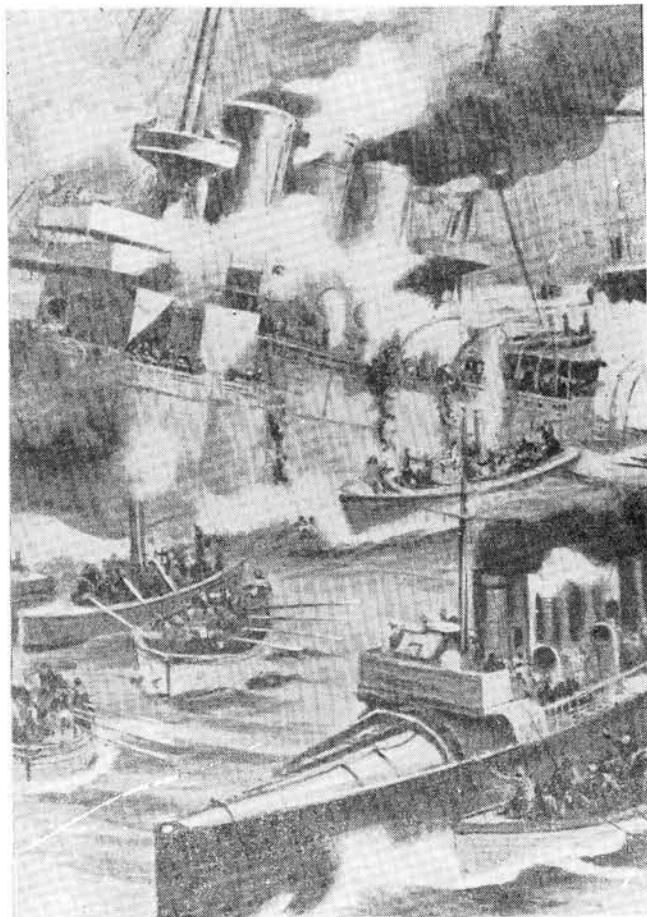
Борис Давыдов — гардемарин. 1898 г.

Крейсер «Паллада».

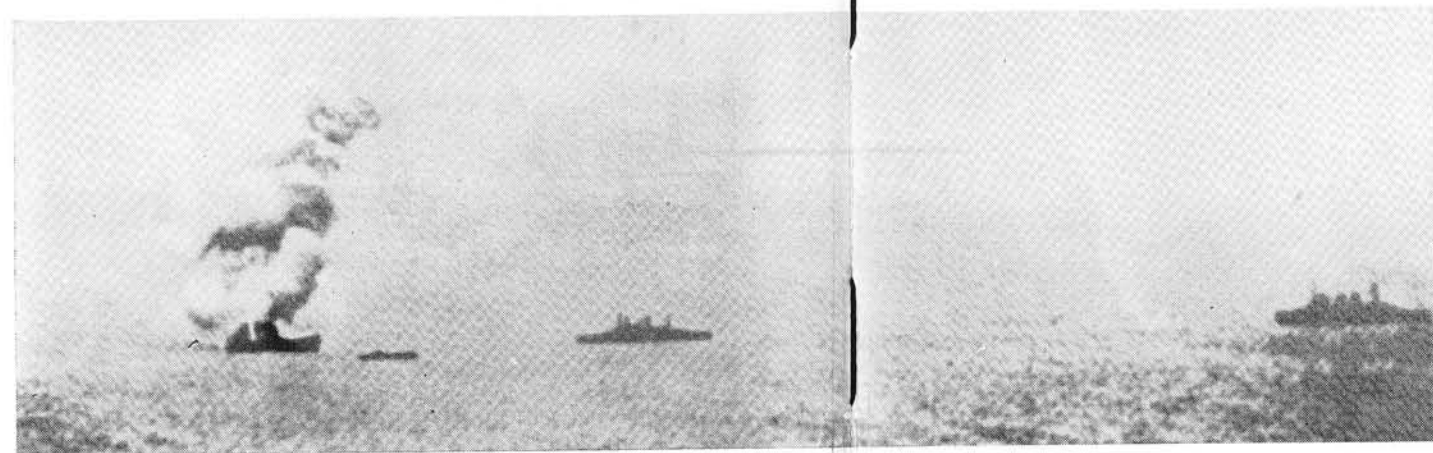
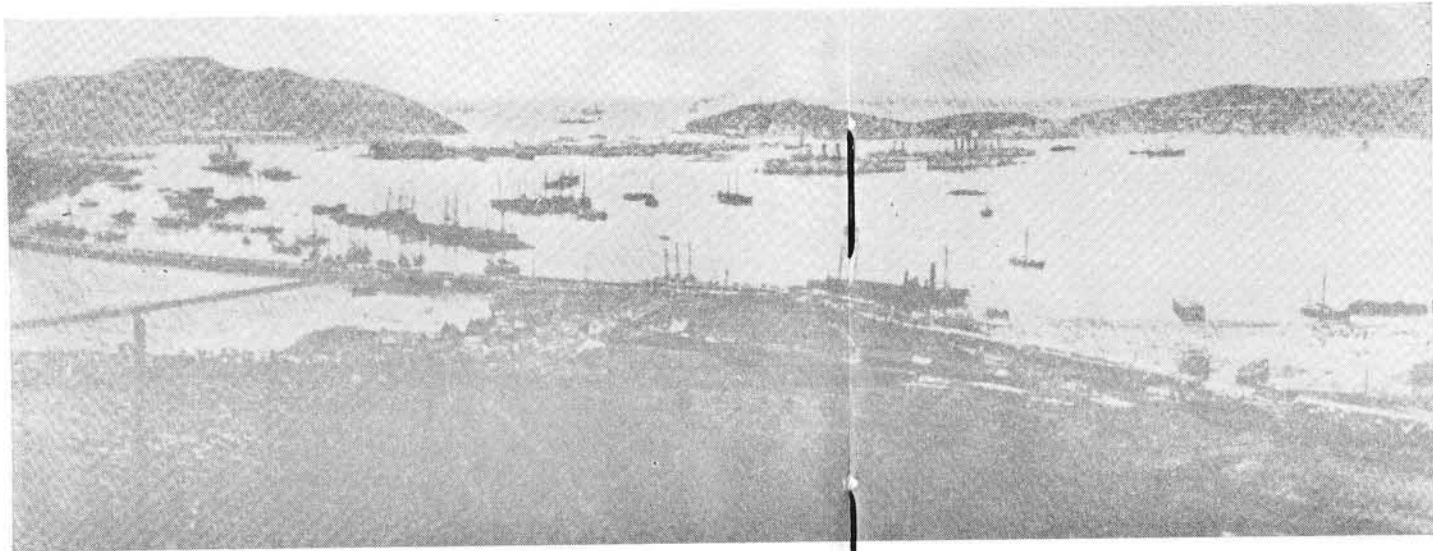

Постановка мин с минного транспорта «Амур».

Японский броненосец «Хатсусе» подорвался на минах.

Внутренний рейд
Порт-Артура. 1904 г.

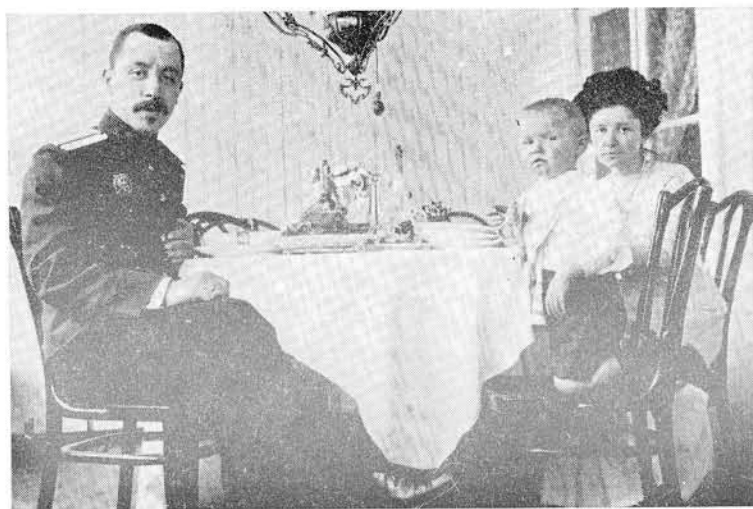
Гибель броненосца
«Петропавловск»

Юлий Михайлович Шокальский.

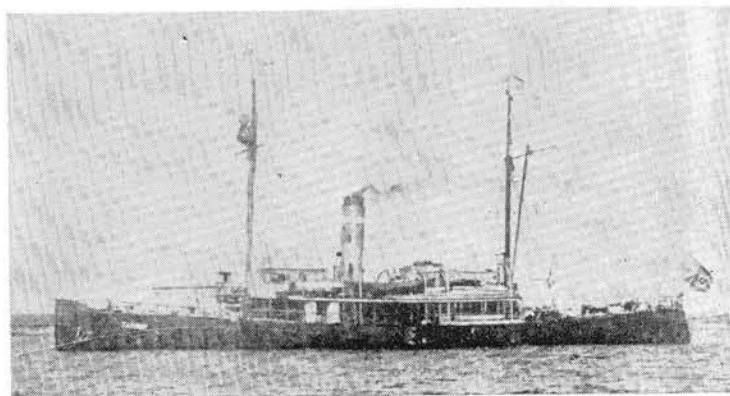
Борис Владимирович Давыдов перед поступлением в Морскую академию в Петербурге. 1906 г.

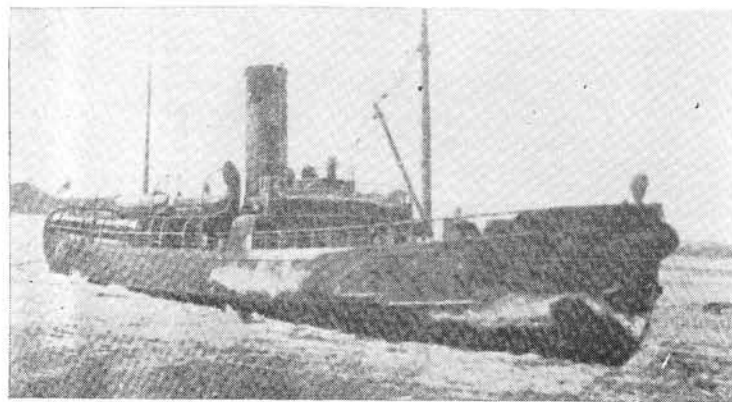
Семья Давыдовых. 1910 г.

Народно-революционная армия вступает во Владивосток. 1922 г.

Ледокол «Таймыр».

Капонерская лодка «Красный Октябрь».

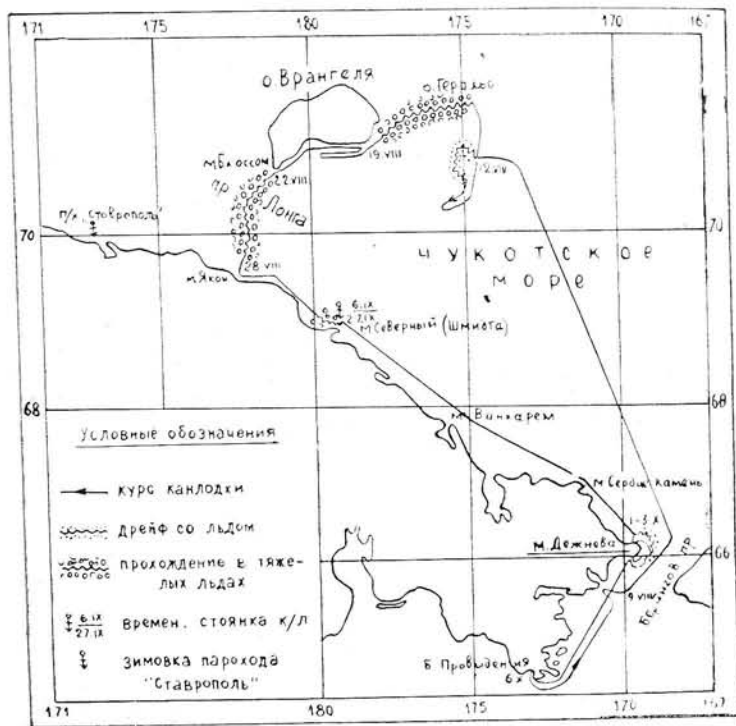
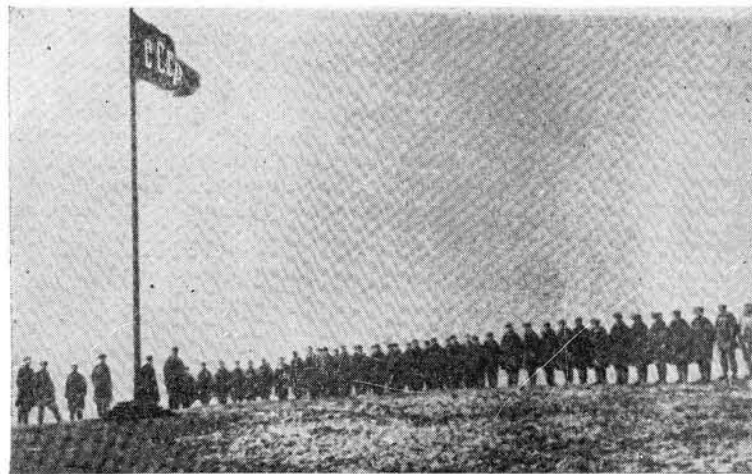

Схема плавания канонерской лодки «Красный Октябрь» в 1924 году.

Поднятие Советского флага на острове Врангеля. 20 августа 1924 г.

Американец Уэллс (первый слева) и аскимосы с о. Врангеля. 1924 г.

Борис Владимирович Д а в ы д о в после возвращения с о Врангеля.
1924 г.

В Петропавловске с Давыдовым произошел один случай, который очень хорошо характеризует настроение Бориса Владимировича в ту пору, всю силу его тоски по родным местам и глубину нежности к близким людям.

Дело было так. Часу в шестом вечера он прогуливался по верхней палубе. Тут на берегу в городской церкви заблаговестили к всеобщей. Давыдов не был набожным, но благовест этот вместе с ясным и тихим закатом подействовал на него особенным образом.

«Я остановился и задумался,— пишет Давыдов,— задумался так глубоко, так сильно охватил меня этот церковный звон, что я позабыл, где нахожусь и что делаю. И вот в мыслях я перенесся в нашу центральную Россию, представилась мне средней ширины река, тихо катящая свои воды, привольно раскинувшееся село; тихий летний вечер, низкое солнце освещает своими золотыми лучами как реку, так и село, маковку сельской церкви, в которой как раз благовестят к всеобщей.

И вот я начинаю видеть, что быстро приближаюсь к чему-то хорошему, к чему-то такому, от чего сердце бьется радостней и быстрее; меня охватывает нетерпение, которое доходит до крайних пределов. Мало-помалу все успокаивается...

Я вижу себя в Пулковке, как будто я нахожусь в гостиной и рядом, из спальни, слышу голоса моих родных малышей. Там проносится какая-то возня, слышен смех, и вдруг в гостиную вылетает сперва мой мальчуган, а за ним, смеясь и догоняя, его маленькая мама, от которой он улепетывает во все лопатки. Меня они не видят, как будто я присутствую здесь невидимо; я напряженно вглядываюсь, стараясь не сделать ни одного движения, а сам так и рвусь обнять их, крепко прижать к себе...

— Ваше высокоблагородие, обед готов! — вдруг раздается над ухом голос боцмана. — Мы вас по всему кораблю с пробой ищем, еле нашли здесь. Раза два я вас

окликал, Ваше высокоблагородие, а вы, задумавшись, не слышали...»

Ледоколы вернулись во Владивосток. Поход принес несомненную пользу. Первая разведка Ледовитого океана была сделана. Моряки начали опись, исправили и дополнили карты северо-восточного побережья, собрали материалы по гидрологии и биологии моря. Выявились недостатки в организации и снабжении экспедиции, случайно попавшие в нее люди сами собой отсеялись, те же, кто остался, с нетерпением и во всеоружии опыта ждали следующей навигации, чтобы продолжить работу.

«ГЛАЗ БУРИ»

*Буря море раздымает,
Парус полный подымает,
Сверху небо потемнело,
Кругом море почернело...
Нестерпимо везде горе,
Против неба шумит море.
Вся надежда бесполезна,
Везде пропасть, кругом бездна.
Если сему кто не верит,
Пусть море сам измерит.
Стать матросом — искутиться,
В другой мысли очутиться.*

Старинный кант

Через год «Таймыр» и «Вайгач» снова были в бухте Провидения. Здесь они встретили пароход «Колыма», который шел из Владивостока в первый, пробный рейс к устью Колымы. Теперь от исхода экспедиции во многом зависело, удастся ли открыть доступ кораблям к северному побережью Чукотки. Капитан «Колымы» П. А. Троян признавался, что без поддержки ледоколов он вряд ли решился бы идти во льды. Скажем сразу, что плавание Трояна оказалось вполне успешным и положило начало регулярному сообщению с этими самыми окраинными землями России. Офицерский состав на ледоколах в основном остался

прежним, только вместо Колчака, перешедшего служить в Главный морской штаб, командование на «Вайгаче» принял К. В. Ломан, а на «Таймыре» впервые отправился в плавание шурин Давыдова, лейтенант Алексей Лавров. Начальником экспедиции по-прежнему оставался Сергеев, но Давыдов решил теперь действовать напористее и самостоятельнее, тем более, что он был назначен помощником начальника экспедиции, именно ему было поручено подвести главный итог плавания — собрать материал по лоции Ледовитого океана. Когда после очередной «выходки» Сергеева, офицерами овладело мрачное, подавленное настроение, а кое-кто даже начал поговаривать, что, мол, как и в прошлом году, «ничего не выйдет», Давыдов тут же одернул нытиков и постарался настроить всех на спокойную, планомерную работу. Он вообще терпеть не мог пессимистов, да и унывать было еще рано.

Врач Л. М. Старокадомский вспоминает: «Бориса Владимировича Давыдова можно считать главным действующим лицом экспедиции за годы его командования ледоколом... Очень подвижный, всегда оживленный и бодрый, ровный и мягкий в обращении, он служил наглядным примером высокого понимания долга. Это был неутомимый и в высшей степени добросовестный и умелый исследователь».

Войдя в Чукотское море, корабли начали съемку.

«Таймыр» держался в двух-трех милях от берега, а «Вайгач» — сзади и чуть мористее. Офицеров Давыдов распределил так: одна группа — в нее вошли Вейгелин и Лавров — работала с рассвета до полудня, другая — Брусилов и Нилендер — с полудня до постановки на якорь. Они производили измерение глубин, пеленговали* приметные точки на берегу и глазомерно наносили его характерные подробности; опись дополнялась фотографированием и зарисовками берега. На себя Давыдов взял кроме управления кораблем составление крок —

частных планов отдельных мест, а также общего плана побережья. Офицеры «Вайгача» делали еще один промер глубин, определяли вертикальные углы береговых возвышенностей и занимались гидрологией: измерением температуры и удельного веса воды, скорости течений.

Если с запада до устья Енисея побережье Ледовитого океана было уже более или менее обследовано, то с востока, от Берингова пролива, тянулось сплошное белое пятно. Ряд мест нанесла на карту Великая Северная экспедиция 1733—1743 годов, но участники ее пользовались очень несовершенными инструментами, а глубины мерили редко. Особенно неточными из-за отсутствия в те времена хронометров оказались определения долгот. Редкие места согласовывались с картой, к примеру, мыс Онман пришлось перенести по долготе на 28 миль западнее, так что моряки окрестили его даже «Обманом».

Основой для морской съемки и составления карт служили астрономические наблюдения, которыми занимался Давыдов. Каждый раз при определении астрономического пункта ему приходилось свозить на берег, помимо других инструментов, хронометры, которые и на корабле-то, в штормовую погоду или при плавании во льдах, сохранить было мудрено. Сильные толчки могли отразиться на точности показаний, поэтому Давыдов берег свои хронометры лучше собственного глаза. Другая трудность состояла в том, что наблюдения были возможны только в ясную погоду, а в этих широтах такая погода летом редкость, и, если на небе появлялись просветы, Давыдов, как бы он ни устал за день, непременно съезжал на берег.

Чтобы представить, чего стоили эти ночные бдения, достаточно рассказать только об одном определении астрономического пункта — на мысе Северном¹.

¹ Ныне мыс Шмидта.

В тот вечер Давыдов отправился на берег с лейтенантом Брусилковым и тремя матросами, захватив с собой палатку и собаку Брусилова — английского сеттера Лею. Установили инструмент, натянули над ним брезентовый навес, но наблюдения вести было невозможно — небо заволочило туманом. Наказав одному из матросов разбудить его при малейшем прояснении, Давыдов забрался в палатку и зарылся с головой в своего «енота» — шубу, которую обычно брал на берег. Холод долго не давал заснуть, но усталость взяла свое, и он забылся...

Разбудил громкий голос вахтенного:

— Звезды видать!

Наскоро одевшись, все выскочили наружу. Резкий ветер нес над землей тучу песка, больно хлестал по лицу и рукам. Небо кое-где просвечивало, и в этих просветах, едва заметные, блистали звезды. Хронометра не было слышно — Брусилову пришлось держать его над самым ухом Давыдова. С трудом определив первую серию азимутов Полярной, Давыдов только собирался ухватить в окуляр другую звезду, то ярко вспыхивающую, то исчезающую за облаками, как вдруг сильный порыв ветра сорвал навес над его головой, чуть не опрокинув инструмент. Брусиллов не растерялся, упал на брезент и прижал его к земле, при этом у него выпал хронометр и едва не разбился. Работа продолжалась...

Утром, закончив наблюдения, моряки отправились «домой». Но на свежем ветре сделать это было куда как не просто — они еле выгребли к «Вайгачу», стоявшему ближе, и скоро, мокрые и озябшие, пили кофе в кают-компани.

Днем, как обычно, велась съемка. И все же Давыдов считал, что место определено «недостаточно красиво», поэтому к вечеру снова отправился на берег. Ветер все не утихал, едва катер ткнулся в песок — его накрыло волной. Давыдов с хронометром и расчетами эфемерид

в руках, в мокрых валенках выскочил на берег и тут же принялся выгружать инструмент. Часа полтора ушло на то, чтобы вытащить катер. Развели костер, немного обсушились и согрелись, напились чаю и улеглись кое-как на сырых оленьих шкурах. Небо было пасмурно, в эту ночь оно так и не прояснилось. Провалившись без сна до пяти утра, Давыдов решил, что ждать больше нечего. Врыли на месте наблюдений столб и перебрались на корабль. А в семь часов уже пошли с описью дальше...

Ближайшим помощником Давыдова в астрономических наблюдениях был Георгий Львович Брусиллов. Жизнерадостный, веселый человек, великолепный моряк, твердый и решительный, сохранявший хладнокровие даже в самую опасную минуту, Брусиллов пользовался всеобщей любовью. Недостаток опыта у него восполнялся энергией: молодой лейтенант рвался в дело, составлял дерзкие планы полярных плаваний и непоколебимо верил в свою звезду — удачу. К сожалению, в это лето он плавал с Давыдовым в последний раз — на следующий год ушел с корабля и организовал собственную экспедицию. Видимо, нетерпение толкнуло его на этот шаг: ему казалось, что «Таймыр» и «Вайгач» движутся к цели слишком медленно. Была тут и доля здорового честолюбия — хотелось скорее испытать себя на большом деле.

Мило за милей исследуя побережье, ледоколы медленно продвигались на запад. Изредка выдавался и отдых — когда берег скрывал густой туман, случались и развлечения. Однажды моряки встретили большое стадо моржей и решили поохотиться. Охоту никак нельзя было назвать удачной: два убитых зверя утонули, и Давыдов запретил это бесполезное избиение. Другой раз охотникам больше повезло — застрелили медведя. Скучное меню, состоящее почти исключительно из консервов, пополнилось котлетами из свежего мяса, был даже

разработан целый статус, как делить шкуру, если медведь еще раз попадется на мушку. Но, увы, об этом, видимо, как-то пронюхали и звери — больше они уже ни разу не подходили близко.

Совсем иное «развлечение» ожидало экспедицию у мыса Шелагского: здесь оба ледокола сели на мель, и моряки испытали на себе, что это такое — оказаться в беспомощном положении в Ледовитом океане. Десять часов продолжался аврал. Сначала на «Таймыре» перекачали воду из носовой цистерны в кормовую и дали полный назад — не помогло; трижды завозили на льдину верп*, и по одному, и по два — перлини* рвались, а судно ни с места. Спустили за борт 35 тонн драгоценной пресной воды — бесполезно. И только когда откачали еще такое же количество воды — судно сошло с мели. После этого поспешили на выручку к «Вайгачу» — тот сидел еще крепче. Тащили его за корму, потом с правой стороны, несколько раз давали со стопа полный ход и наконец резкими толчками сдернули. Им еще повезло — стояла хорошая погода и льда не было, иначе пришлось бы куда хуже.

22 августа суда подошли к устью Колымы, где простояли несколько дней. На берег съехала партия для астрономических и магнитных наблюдений, пополнения биологической коллекции, а также для ремонта установленного в 1909 году Георгием Седовым мореходного знака.

Тут, в устье реки, на косе Шалаурова, находилась заимка, где жили семь охотничьих семей, потомков первых русских землепроходцев. Моряки были поражены жалким, голодным существованием, которое вели эти позабытые богом и властями люди. Они охотились примитивными, самодельными капканами и сетями, на медведя ходили с рогатиной и имели на всех только одну лодку-долбленку с накладными бортами из досок и два кремневых допотопных ружья. Питание их круглый год

состояло почти из одной рыбы. Заезжие купцы и урядник бессовестно обманывали и обкрадывали их, а подмоги и сочувствия им ждать было неоткуда. Когда моряки щедро одарили колымчан продуктами и вручили ружье с сотней патронов, те даже прослезились и признались, что «никогда не встречали таких добрых людей». На кораблях потом долго обсуждали эту поездку — как необходима местным жителям срочная поддержка общества и правительства, и что теперь, с установлением постоянного морского сообщения, их положение, возможно, изменится к лучшему.

Время у экспедиции в запасе еще имелось, льда не было видно, температура воздуха держалась довольно высокой — можно было идти дальше. Закончив свою «астрономию», Давыдов в отличном настроении вернулся на корабль.

— Когда прикажете сниматься, Иван Сергеевич? — спросил он Сергеева.

— А в полдень снимемся да и пойдем к Шелагскому.

— Как к Шелагскому? — изумился Давыдов. — Неужели обратно?

— А куда же еще?

Никакие доводы не помогли — Сергеев упрямо стоял на своем. Боясь сорваться и не желая поднимать скандал в присутствии других офицеров, Давыдов повернулся и ушел в каюту. Там, наедине с дневником, он дал выход душившей его ярости: «Ну уж, прости господи, и моряк! Ему бы коров доить где-нибудь в захудалой деревне! Жилы из себя тянешь, не спишь ни днем, ни ночью, стараешься поскорее взять астрономию, чтобы не задерживать дальнейшего движения, а его назад прет! Так вот злюсь, так злюсь — чуть не до слез...»

Позади были три бессонных ночи, нервы — на пределе, Давыдов лег, чтобы хоть немного отдохнуть и прийти в себя. Не тут-то было — в дверь заглянул Сергеев:

— Борис Владимирович, вы спите?

— Да, сплю, — буркнул Давыдов.

— Ради бога, не сердитесь, посмотрим, кто окажется прав, — вкрадчиво заговорил Сергеев.

Он что-то еще долго шептал, уговаривал, просил, но Давыдов не отзывался, — так ненавидел он сейчас эту «безглазую шляпу».

Обратный путь проходил благополучно, тяжелых льдов суда не встретили, поэтому Давыдов и Ломан подняли перед Сергеевым вопрос о посещении острова Врангеля. Это посещение не входило в программу работ экспедиции, но Гидрографическое управление выражало пожелание, чтобы при благоприятных условиях она посетила остров. Решено было, что на остров пойдет «Вайгач», так как Давыдову требовалось определить на чукотском берегу еще несколько астрономических пунктов. Решение это вызвало подъем духа на «Вайгаче» и зависть таймырцев — но что поделаешь! Хотя между экипажами ледоколов и существовало соперничество, но оно выражалось, в основном, в желании лучше сделать свое дело и не омрачало окрепшей за время плаваний дружбы.

Командир «Вайгача» Константин Владимирович Ломан, однокашник Давыдова по Морскому корпусу, прошедший, как и он, порт-артурскую осаду и плен, показал себя способным, умелым капитаном, требовательным к себе и к подчиненным и ровным в обращении с командой. Правда, он, по мнению Давыдова, видел вещи чересчур в плохом свете, но зато всегда был готов к самому худшему и не боялся рискнуть в решительную минуту¹.

¹ К. В. Ломан командовал «Вайгачем» до самого окончания экспедиции в 1915 году. Погиб смертью храбрых в первую мировую войну.

У мыса Биллингса суда расстались. «Вайгач», напутствуемый сигналом «Таймыра»: «Желаю счастливого плавания и благополучного возвращения!» — взял курс на север.

Остров Врангеля, хоть и примыкал к территории России и был впервые нанесен на карту лейтенантом русского флота Фердинандом Врангелем¹, до того времени ни разу не посещался нашими судами. В дневнике Давыдова мы находим некоторые неизвестные ранее подробности исторического плавания «Вайгача».

Первые два дня между судами поддерживалась постоянная радиосвязь.

2 сентября. «Вайгач» — «Таймыру».

1.00. «Погода хорошая, штиль, северное сияние».

6.00. «Разбитый лед. Виден остров Врангеля».

7.00. «Ищу вход в бухту Сомнительную».

9.30. «Восточная зыбь и малые глубины заставили повернуть к мысу Блоссом. Предполагаем стать на якорь на западной стороне острова».

19.30. «Стоим у мыса Фомы. Сделали магнитные наблюдения. Предполагаем завтра производить съемку».

3 сентября. 7.30. «Таймыр» — «Вайгачу».

«Знак на мысе Биллингса поставлен. С подъемом флага идем дальше. Бодритесь! Давыдов».

«Вайгач» — «Таймыру»: «Высаживаемся на остров Ломан».

¹ Врангель трижды, в 1821, 1822 и 1823 годах, пускался на собаках во льды в поисках острова, но широкие, непроходимые полыньи преградили ему дорогу. И лишь в 1867 году земля, которую столько искали исследователи, была случайно обнаружена китобоем — американцем Томасом Лонгом. Признавая приоритет русского ученого в открытии острова, Лонг заявил: «Первое известие о существовании найденной земли было сообщено образованному миру лейтенантом русского флота Фердинандом Врангелем... Я назвал ее Землей Врангеля, желая этим принести должную дань человеку, который еще сорок пять лет назад доказал, что Полярное море открыто».

На этом радиосвязь с «Вайгачем» оборвалась и другие подробности его плавания таймырцы узнали только у мыса Дежнева, когда суда встретились.

Едва «Вайгач» стал на якорь у мыса Фомы, к нему явились хозяева острова — два крупных белых медведя. Видно было, что с человеком они не знакомы, и моряки сразу же запаслись свежим мясом. Другое приключение чуть не закончилось трагически: отправленные на берег катер и вельбот* попали в сильные буруны, вельбот опрокинулся и затонул, а катер выбросило на прибрежный песок. Только по случайности никто не пострадал.

Команда «Вайгача» определила на острове астрономический пункт, поставив на его месте железную пирамиду высотой десять метров, сделала магнитные наблюдения, собрала небольшую геологическую коллекцию и главное — подняла на юго-западной оконечности острова, мысе Блоссом, русский флаг. После этого впервые обследовала остров Врангеля с севера.

Всего неделю продолжалось плавание «Вайгача», однако оно имело большое государственное значение, — благодаря ему были закреплены права России на владение этим «осколком древней Берингии». Правительство обратилось ко всем государствам с нотой, в которой подтверждало, что остров Врангеля является русской территорией.

В бухте Провидения ледоколы задержались на целые десять дней, пока не удалось определить последний и очень важный астрономический пункт. Подводя итоги плавания, Давыдов записал: «На будущее время:

- 1) главной целью себе ставить не охоту, а дело, для успешного выполнения которого
- 2) иметь определенный план работ, от которого без крайней необходимости не уклоняться;
- 3) распределить роли между офицерами и требовать от каждого исполнения только порученного ему дела;

4) действовать самому, уклоняясь от трюков, и таким образом, что только исполнив необходимое, делать что-нибудь новое и дальнейшее».

В Провидения находился в это время уездный начальник барон Клейст, шустрый сорокалетний мужчина с типичными остзейскими чертами лица. Таймырцы пригласили его к себе на обед, и Клейст приехал вместе со своей молодой женой. В застольной беседе выяснилась весьма любопытная история их женитьбы.

Жена барона перед приездом на Чукотку лет шесть прожила на Кавказе, у своего дяди. Неожиданно дядю назначают в пост Ново-Мариинск¹ уездным начальником. Отправляясь в дальние края, он взял с собой и племянницу. Южане перезимовали в Ново-Мариинске, а весной туда приехал на шхуне «Северная звезда» их еще более северный сосед — Клейст. Барон и «дядина племянница» понравились друг другу и 15 июня обвенчались, по их словам, «в чукотском чуме». Сразу из-под венца молодожены оказались во владениях жениха — в Провидения, когда там стояла «Колыма», направляющаяся в свой пробный рейс на северную сторону Чукотки. И Клейсты, не долго думая, отправились на ней в свадебное путешествие — до устья Колымы и обратно. Наверняка, подобного свадебного путешествия еще не было в семейных историях баронов.

Но медовый месяц, проведенный в Ледовитом океане, не пошел на пользу молодой чете. Здешняя жизнь супруге Клейста совсем не нравилась, особенно в сравнении с кавказской.

— Никого нет, холодно, грязно! — жаловалась она. — А надо быть здесь целых два года! Ведь подумать только — даже просто поговорить вот так, с людьми, удастся теперь бог знает когда... Нет, мы с мужем при малейшей возможности уедем отсюда!

¹ Так до 1923 года назывался Анадырь.

Простились Клейсты в третьем часу ночи, увозя с собой свадебный подарок — моряки преподнесли им четыре тонны угля...

Давыдов приводил в порядок записи, сортировал «трофеи». Каждый раз, бывая на берегу, он клал в карман какой-нибудь красивый камешек для своего Борюшки. Кроме того, ему давно хотелось привезти домой чудело топорка, или, как его еще называли, полярного попугая. И вот эта птица, с большим изогнутым красным клювом и пучком перьев на лбу, у него теперь была. Ожидал подарок и Верушку — несколько песцов на «полярное боа».

Последнюю запись в дневнике 1911 года Давыдов сделал 24 октября, во время тайфуна, настигшего ледоколы у берегов Камчатки:

«...Когда я около пяти утра вышел наверх, там творилось нечто невозможное. Ветер свыше десяти баллов, небо густо обложено, идет сильный дождь: море — сплошная пена и брызги; волны высотой 40—45 футов*, так что, когда находишься у подошвы волны, горизонта не видно и вокруг только страшно ревушая, беснующаяся стихия. Предположение, что попали во вращающийся шторм тайфунного характера. Одно лишь неизвестно — много ли будет падать барометр, а значит, сильно ли усилится ветер. Должен сознаться, что у меня, как командира, ощущение не из важных. Действительно, в море ад, барометр прямо летит вниз, машина работает на 85 оборотах и только-только стоим на месте. Не дай бог, испортится либо машина, либо руль — скверно тогда пришлось бы...

Около восьми утра ветер достиг наибольшей силы, такого ветра я еще не видывал. На мостике стоять прямо нет возможности. Правильно говорят: «Кто в море не бывал, тот досыта Богу не малывался». Совершенно верно — против этого адской силы ветра, этих громадных валов воды чувствуешь себя таким ничтожеством — прямо бутылкой, и вот здесь-то в глубине души обращаешься к Богу.

После восьми утра ветер сразу стал много тише, барометр перестал падать. Зыбь от всех румбов*, толчея типичная, громадные волны со всплесками сталкиваются друг с другом. Качает еще больше и очень неправильно. Дождь прекратился, и в разорваншемся небе временами проглядывает солнце. По моему расчету, мы находимся в центре шторма и вскоре должны будем получить жестокий норд-вест...»

Моряки заглянули в «глаз бури» — так называется область затишья, возникающая в самом центре вращающегося циклона, когда над головой появляется чистое небо. Прав был Давыдов — передышка вскоре кончилась, и ветер обрушился на корабль с новой силой. Чтобы хоть немного умерить качку, поставили паруса, но их тут же порвало. Только через день измученный корабль смог лечь на свой курс.

ПОД НЕЗАХОДЯЩИМ СОЛНЦЕМ

*Тихохонько сине море становилось,
Ничем наше моречко не шевельнулось,
Осенним ледочком покрывалось...
Ах вы гой еси, удалы добры молодцы!
Вы берите еловчатые веселечки,
Вы бейте-пробивайте тонкий осенний лед.
Ах, как бы нам добиться до тихих мест!..*

Народная песня

В Петербурге Давыдов выступил с докладом на общем собрании Императорского общества судостроения, где сообщал об итогах последнего плавания. Он изложил также свой план организации на мысе Северном и в других местах северо-восточного побережья наблюдательных станций с беспроволочным телеграфом — прообраза нынешних метео- и полярных станций.

— Вся эта громадная территория, — сказал он, — принадлежит России, и в наших же интересах упрочить

здесь свое влияние. В результате работ экспедиции решилась сама возможность плавания северным путем! Вслед за этим да продвинутся вперед и торговые сношения с нашим Севером: тогда несомненно придет та «великая польза», которую предвидел еще Петр Первый.

К навигации 1912 года были уже составлены и изданы морские карты северного побережья Чукотки, вышли из печати «Материалы для изучения Северного Ледовитого океана от мыса Дежнева до реки Колымы», составленные Давыдовым.

На этот раз суда отправились в плавание необычайно рано — 31 мая. Проводы им устроили торжественные: корабли, стоящие на владивостокском рейде, расцветились флагами, играли оркестры, матросы крейсера «Жемчуг», взобравшись на ванты, махали бескозырками и кричали «ура»... Приказ морского министра был таков: не возвращаться на базу и, «если это окажется возможным, перейти в Архангельск». Все были полны решимости во что бы то ни стало выполнить эту задачу — впервые в истории пройти «сквозняком» из Тихого океана до Белого моря.

Сначала «Таймыр» и «Вайгач» двигались в густом тумане, перекликаясь каждые пять минут тоскливым воем сирены. Только у Курил туман поредел, и морякам единственный раз за все время плаваний удалось увидеть знаменитый островок Авось — скалу, похожую на парусник. Островок не зря получил такое название — он стоял в очень неудобном месте, на выходе из Охотского моря в Тихий океан, и давно уже стал символом беды для капитанов.

Продвигаясь вдоль берегов Камчатки, ледоколы начали опись. На мысе Африка был определен первый астрономический пункт. Высадившись, моряки наткнулись на следы кораблекрушения — груды вещей, покрытых брезентом, — год назад здесь затонул пароход «Транзит». Из-за сильного прибоя и беспокойного моря вылазка на берег оказалась нелепкой. Заставил всех поволноваться и

лейтенант Алексей Лавров, который съехал с корабля один, в легкой байдарке. Алексей вообще постоянно испытывал судьбу, всегда вызывался на самые рискованные предприятия, словом, любил «поспорить и помужествовать» с морем, что ему при недюжинной силе и ловкости обычно удавалось. Сначала все, и на корабле и на берегу, с удовольствием наблюдали, как виртуозно управлял он своей байдаркой среди прыгающих волн и прибрежных камней. До берега он добрался удачно, но, когда возвращался, громадная волна обрушилась на байдарку и скрыла ее из глаз. У всех на минуту перехватило дыхание. Но вот волна отхлынула, и из нее выскочила байдарка, а в ней мокрый до нитки Лавров, невозмутимо продолжавший грести. Пришлось Давыдову выдать «фитиль» своему шурину, хотя в глубине души он был доволен и, признаваясь, завидовал, что сам не может позволить себе такое развлечение!

Закончив предусмотренные программой работы на камчатском берегу, ледоколы пошли в бухту Провидения.

Это место стало уже родным для участников экспедиции. Как и прежде, загрузили с «Аргуни» уголь и воду, купили свежего мяса, почистили котлы. Все трудности были еще впереди.

Из Ново-Мариинска пришли в Провидения две американские шкуны — «Поляр Бэр» и «Трэдер оф Провиденс». На них прибыли уже знакомый морякам барон Клейст и торговец Томсон. Американец жаловался на свои коммерческие неудачи: скушил на Чукотке шесть тысяч фунтов китового уса, отвез на Аляску, а там цена на ус внезапно упала. Томсон плакался, что он разорен, хотя всем было ясно, что купец просто наводит тень на божий день — почти вся торговля на чукотском берегу была в его руках. Сунулся было состязаться с ним владивостокский купец Чурин, да отступил, — не выдержал конкуренции.

Вообще, казалось, что поселок этот находится не на

нашей земле; в лавке — все американское, эскимосы знали больше английских слов, чем русских. У царского правительства явно не дотягивались руки до Северо-Востока. По статистике, с Чукотки вывозилось товаров на 400 тысяч рублей, а ввозилось не больше, чем на 50 тысяч. Разница поступала, в основном, в карманы американцев. Главным предметом их торговли был спирт. Несмотря на сухой закон, объявленный и с их, и с русской стороны, они перевозили спирт тайком, в банках из-под керосина и бензина, почти за бесценок скупая пушнину, тюленьи шкуры и моржовые клыки.

Местное население было лишено всякой врачебной помощи — ближайший фельдшерский пункт находился за несколько сот верст — в селе Марково. Поэтому каждый раз, когда «Таймыр» бросал якорь у какого-нибудь селения, эскимосы и чукчи обращались с просьбой о лечении к корабельному врачу Леониду Михайловичу Старокадомскому. Много лет спустя, уже в советское время, здесь с благодарностью вспоминали русского доктора.

Надо сказать, не все члены экспедиции относились к чукчам и эскимосам так же доброжелательно, как Старокадомский или Давыдов. Достоинства этого народа замечали не сразу — слишком уж был необычен их жизненный уклад, и те, кто не хотел понять условий существования этих людей, их психологии, с осуждением отворачивались от них. Однако большинство моряков относилось к местному населению дружелюбно и сочувственно.

Ледовитый океан встретил корабли незаходящим солнцем. Погода стояла «жаркая» — плюс десять градусов, льда не было, и офицеры щеголяли на палубе в одних кителях. Больше десятка китов ныряло на поверхности, выбрасывая фонтаны воды и испуская могучие вздохи. Возникла необычная проблема: когда спускать флаг на корабле? После некоторых споров и сомнений решили

спускать флаг, когда край солнца касается горизонта; через пятнадцать минут флаг снова поднимался.

Скоро суда уже стояли у конечной точки плавания прошлого года — у реки Колымы¹. Отсюда они направились к Медвежьим островам. Первым обследовали Четырехстолбовой — самый восточный остров архипелага, названный так по украшавшим его громадным кекурам* причудливых форм. Один из них был поразительно похож на человека, закутанного в шубу, и в шапку, — он словно сторожил этот край. Четыре острова еще не имели названия, и участники экспедиции решили дать им имена первопроходцев здешних мест — геодезистов Андреева, Пушкарева, Леонтьева и Лысова. Вспоминали при этом, конечно, и о таинственной «большой земле», которую сержант Андреев в 1764 году усмотрел к северу от Медвежьих островов и которую потом в течение многих лет безуспешно искали исследователи.

Помимо собственно морской съемки и промеров глубин, экспедиция устанавливала астрономические и магнитные пункты, вела метеонаблюдения. Каждый час измерялась температура воды, через каждые четыре часа определялся ее удельный вес, на всем пути производился сбор планктона с поверхности моря, траление и драгирование дна*. Небольшие экипажи ледоколов были заняты до предела. Работали не за страх, а за совесть, охотно выполняя любое поручение, даже если оно не было прямой обязанностью: строевые вахты, работу у приборов несли даже баталер*, фельдшер и телеграфист.

Вместе с Давыдовым на «Таймыре» и «Вайгаче» пла-

¹ В 1912 году в колымский рейс был направлен пароход «Котик» под командованием капитана М. Битте. Он не только достиг устья Колымы, но и поднялся по ней на 150 миль, доставив груз и пассажиров в Нижнеколымск. По признанию капитана Битте, сделать это удалось только благодаря новым картам Экспедиции Ледовитого океана, плавание по которым оказалось «вполне безопасным».

вала блестящая плеяда талантливых офицеров гидрографов. Все они пошли в экспедицию по собственному желанию, все были молоды и полны надежд открыть для себя что-то новое, еще не изведенное. Экспедиция стала для них прекрасной школой, именно в ней приобрели они основы знаний о полярных морях, практические навыки работы, испытали собственные методы исследований. Здесь же зародилась та дружба, которая связывала участников экспедиции и многие годы спустя. По-разному сложилась потом их судьба: имена Давыдова, Брусилова, Неупокоева, Лаврова навсегда вошли в историю отечественной гидрографии, другие не успели сказать свое слово в науке — жизнь их рано оборвалась.

В 1912 году начал плавать на «Таймыре» лейтенант Алексей Николаевич Жохов, живой, общительный юноша, чрезвычайно способный не только к морскому делу, но и к литературному творчеству. Никто не сомневался тогда, что его ждет яркое будущее. А между тем Алексею Жохову оставалось жить меньше трех лет. В 1915 году он умер от уремии во время зимовки у берегов Таймыра и был похоронен на мысе Могильном. По последней воле Жохова на месте его погребения моряки поставили крест из плавника с доской, на которой было вырезано стихотворение покойного, обращенное к невесте:

Под глыбой льда холодного Таймыра,
Где лаем сумрачным испуганный песец
Один лишь говорит о тусклой жизни мира,
Найдет покой измученный певец.

Не кинет золотом луч утренний Авроры
На лиру чуткую забытого певца —
Могила глубока, как бездна Тускароры,
Как милой женщины любимые глаза.

Когда б он мог на них молиться снова,
Глядеть на них хотя б издалека,
Сама бы смерть была не так сурова,
И не казалась бы могила глубока...

Из экипажа «Вайгача» Давыдов особенно выделял старшего штурмана Константина Константиновича Неупокоева. Товарищ Жохова по Морскому корпусу, он казался полной противоположностью тому по характеру. И одаренность его была совсем иного свойства: он был, в отличие от лирика Жохова, так сказать, натуралистом, отличался особым даром сопоставлять и истолковывать явления природы, замечать такие «мелочи», уходившие из поля зрения большинства, которые как раз и могли приоткрыть суть явления. Тщательный и добросовестный в работе, спокойный и сердечный в общении, Неупокоев быстро располагал к себе людей, и никто в нем ни разу не обманулся¹.

Закончив опись Медвежьих островов, «Таймыр» и «Вайгач» повернули на юг, чтобы продолжить съемку материка. Но море здесь из-за наносов оказалось таким мелководным, что близко к берегу не подпускало, только с марса* можно было увидеть низкую полосу суши. На таком расстоянии вести съемку было, конечно, невозможно. Ледоколы отошли в море.

У Новосибирских островов «Вайгач» отделился от «Таймыра», обследовал Малый Ляховский остров и двинулся было на север, к острову Котельному, но тяжелые, сплоченные льды остановили его. Капитан Ломан повернул к острову Столбовому, до которого вела «столбовая дорога» — чистая и глубокая вода. Быстро и без затруднений обследовав его, ледокол долго блуждал в тумане у расположенных неподалеку островов Васильевского и Семеновского.

Читатель напрасно станет искать на современной карте эти острова — их уже нет. Существование и исчезновение этих островов — один из феноменов Арктики, породивший целый клубок гипотез и сбивший с толку многих полярных исследователей. Дело в том, что Василь-

¹ Умер К. К. Неупокоев еще молодым, в 1924 году.

евский и Семеновский, собственно, никогда и не были островами в обычном значении этого слова — это исполинские глыбы ископаемого льда, покрытые сверху неглубоким слоем земли. Возможно, когда-то они составляли единое целое, но постепенно, тая и разрушаясь, разделились. Уже в 1936 году на месте острова Васильевского плескалась вода. А в 1948 году не удалось обнаружить и Семеновский. Не в этом ли секрет исчезновения гипотетических земель Андреева и Санникова, поискам которых было отдано столько сил и жизней русских землепроходцев и ученых?

Гидрограф А. И. Неелов, работавший в 1912 году в устье Лены, исследовал куски ископаемого или, как его еще называли, каменного льда. И вот что он обнаружил: куски эти состояли «из перемежающихся горизонтальных слоев совершенно прозрачного льда и очень мелкозернистой земли цвета аспида. Толщина слоев как земли, так и льда наблюдалась максимум до двух миллиметров и минимум в толщину писчей бумаги; растаянный на огне каменный лед дал по объему приблизительно 2/5 воды и 3/5 земли». Однако жизнь на ледяных островах водилась — моряки настреляли здесь несколько десятков куропаток и уток.

Закончив работы на Васильевском и Семеновском, «Вайгач» направился на встречу с «Таймыром» в бухту Тикси.

Что же делал все это время корабль Давыдова? Несколько томительных дней он находился у Большого Ляховского острова — здесь необходимо было определить астрономический пункт, а погода, как назло, стояла туманная и пасмурная. Когда наблюдения все-таки были сделаны, «Таймыр» двинулся с описью вдоль южного берега острова на запад, затем повернул к матерiku. На этот раз удалось подойти к нему достаточно близко, чтобы заниматься съемкой. 13 августа, после двухнедельной разлуки, ледоколы снова встретились в бухте Тикси.

В те времена окрестности бухты были совершенно безлюдны. И словно подчеркивая оторванность ее от внешнего мира, одиноко приткнулась у берега покосившаяся трехмачтовая шхуна. Это была знаменитая «Заря» Эдуарда Толля. Еще в 1901 году геолог Толль отправился на ней в Ледовитый океан в надежде пройти сквозным путем до Берингова пролива и отыскать Землю Санникова, в существовании которой он не сомневался. Толль и его спутники пережили две зимовки, первую — в Карском море, вторую — у острова Котельного. Отсюда Толль в сопровождении трех человек перешел на остров Беннета, «Заря» же должна была весной, освободившись из ледового плена, идти за ним. Но шхуна так и не смогла пробиться сквозь льды к острову Беннета — топлива едва хватило, чтобы добраться до бухты Тикси. Здесь и оставила «Зарю» ее команда. А на следующий год спасательная партия обнаружила на острове Беннета только следы пребывания там Толля и записку, в которой он сообщал, что отправился на юг, имея провианта всего лишь на полмесяца. Не было никакого сомнения в том, что Толль и его спутники погибли во льдах.

Устье Лены было, впрочем, не столь пустынным, как вначале показалось морякам. На суда пожаловало «посольство» во главе со стариком-тунгусом Афанасием Бобровским, который важно отрекомендовался «князем». При этом он извлек из кармана две медали и нацепил на грудь: одна медаль — «За мужество и человеколюбие» была американская, другая — «За спасение погибающих» — русская, старик получил их за помощь, которую он оказал команде судна «Жаннета», раздавленного льдами в 1881 году. Бобровский обменял мамонтовые кости на чай, сахар и табак и остался чрезвычайно доволен этим обменом. Знакомство скрепили вином. Правда, когда пробка вылетела из бутылки, «князь» слегка испугался, но сам напиток пришелся ему по вкусу. Прощаясь, он снял медали и аккуратно запрятал их в кошелек.

Итак, морская дорога от Колымы до Лены была разведана, впервые суда, вышедшие из Владивостока, добрались до этих мест. Оставалось выполнить вторую задачу: пройти до Архангельска. Самое трудное было, конечно, обогнуть мыс Челюскин, далеко выступающий на север. Расчетное время, необходимое для этого, моряки назвали «страстной неделей», они уже договорились устроить состязание по стрельбе на звание «Чемпион мыса Челюскин» и выпить там шампанского.

Чем ближе подходили корабли к Таймырскому полуострову, тем гуще становился лед. Отдельные льдины сменялись полосами молодого льда, а затем и тяжелыми, многолетними полями. Приходилось все время маневрировать, отыскивая проходы, и менять курс, что, конечно, замедляло движение. Иногда выдавались ясные, солнечные дни, но они мало помогали. Из-за сильных испарений с поверхности моря возникала неравномерная рефракция*, неузнаваемо искажавшая пространство. Лед на глазах менял свои очертания и размеры: небольшие стамухи* казались огромными айсбергами, редкий битый лед вставал круглыми столбами и башнями, иногда перед судами в дрожащем воздухе вырастал берег с какими-то диковинными зданиями, бывало и так, что море превращалось в круглую, обнесенную высокими ледяными стенами площадь, в центре которой оказывалось судно. Оставалось только следовать совету Козьмы Пруткова: «Не верь глазам своим»!

Всего три паровых судна проходило до сих пор в этом районе: «Вега» Норденшельда, «Фрам» Нансена и «Заря» Толля. Но они имели небольшую осадку и не боялись мелководья, ледоколы же вынуждены были идти на малом ходу, непрерывно бросая лот*. С единственной картой этих мест, составленной в 1740 году, не приходилось считаться — по ней суда уже давно «плыли» по земле.

В этот момент снова проявилась «сверхосторожность» Сергеева. Он заколебался: не повернуть ли обратно? Ломан предложил пойти вперед на разведку, Сергеев отказал. Вот как описывает эти дни лейтенант Транзе, плававший на «Таймыре»: «Не было сделано ни одной мили генерального плавания на восток, число ходовых часов в сутки доведено до минимума, якорных стоянок было десять. Ходили вперед и назад вдоль неизвестного берега, описывая его. Разбитым льдом для поступательного движения на запад не пользовались...»

Дольше топтаться на месте было нельзя. Давыдов потребовал от Сергеева какого-то определенного решения. Как можно руководить экспедицией без ясного и твердого плана действий? Лучше уж молчать и не вмешиваться в дело, чем портить его!

И Сергеев решил:

— Ничего не поделаешь, Борис Владимирович. Надо возвращаться.

Приказ был отдан, он вызвал взрыв возмущения на кораблях. Все горело желанием продолжать плавание, и только этот старик тянул назад! Ясно, что Сергеев просто боялся зазимовать в Ледовитом океане, хотя возможность зимовки в планах экспедиции и была предусмотрена.

Корабли повернули вспять от цели. Люди бродили хмурые и молчаливые. В довершение всего куда-то потерялся «Вайгач» — больше суток не отвечал на радиосигналы. И вдруг телеграмма: «Вайгач» нашелся и где — более, чем в ста милях к западу от «Таймыра»! Ломан воспользовался туманом и, нарушив приказ, все-таки пошел на разведку. Он встретил вполне проходимый лед и теперь звал за собой.

— Что же будем делать? — обескураженно спросил Сергеев.

— По-моему, надо воспользоваться благоприятным случаем, — ответил Давыдов.

И начальник радиовал: «Идем к вам. Рандеву мыс Челюскин».

Ветер усиливался, разыгралась снежная буря. Невозможно было точно определить свое местонахождение, «Таймыр» шел наощупь, часто останавливаясь, чтобы отыскать проход во льдах. Трещали и шуршали под форштевнем льдины, от ударов снега и водяных брызг болели глаза, моряки, стоявшие на мостике в меховых шубах, были похожи на заледеневшие столбы.

И все-таки суда пробились к гористому, угрюмому берегу Таймыра.

Приехали Ломан и Неупокоев для решающего совещания.

— Я мало верю, — сказал Ломан, — что при таких льдах мы обойдем Челюскин. У нас повреждение в левом борту, каждые четыре часа откачиваем воду. Предлагаю вернуться в Тикси и зимовать.

Ни Сергеев, ни таймырцы не согласились с ним. Одни предлагали выждать перемену погоды, другие — пробиваться немедленно, но не под берегом, а дальше в море. О зимовке говорить было рано — угля могло хватить даже до Петропавловска-Камчатского, ну а пришлось бы зимовать, то лучше где-нибудь поближе к выходу из Ледовитого. Сергеев подвел итог:

— Идем пока в Тикси, а там решим...

Но он, видимо, уже все решил про себя — по дороге отменил заход в Тикси и объявил о своем «последнем», «бесповоротном» решении — следовать во Владивосток.

Что делалось на огромных просторах Арктики в тот момент, когда ледоколы повернули вспять от берегов Таймыра?

Были смельчаки, которые не хотели ждать, пока экспедиция исследует Северный морской путь и сделает его более безопасным для плавания, и на свой страх и риск выходили на единоборство с полярными льдами.

Пробиваясь от Новой Земли к Земле Франца-Иосифа на шхуне «Святой Фока» Георгий Седов, поставивший цель достичь Северного полюса. Известно, как кончился этот поход. Первая зимовка — на Новой Земле, вторая — на Земле Франца-Иосифа. Отсюда Седов двинулся на санях к полюсу, сказав, что «будет идти на север, пока выйдет последний сухарь». Отважный путешественник скончался недалеко от острова Рудольфа на руках своих верных спутников.

18 августа из Маточкина Шара послал свою последнюю телеграмму Владимир Русанов, в которой неожиданно для всех сообщал, что его шхуна «Геркулес» отправляется к северо-западной оконечности Новой Земли, чтобы идти дальше, на восток... Вполне возможно, что Русанов надеялся встретиться с «Таймыром» и «Вайгачем» и рассчитывал на их помощь. Но «Геркулесу» не удалось выбраться из Карского моря — экспедиция пропала без вести.

До сих пор неизвестно в точности, где и как погиб Русанов и его товарищи.

Наконец, в том же августе держал путь в Карское море навстречу ледоколам бывший штурман «Таймыра» лейтенант Брусилов. Полярные льды оказались сильнее звезды-удачи Брусилова. Его «Святая Анна» попала в дрейф, была вынесена в центральный Полярный бассейн и исчезла. Поиски ее не дали никаких результатов.

1912 год был необычайно тяжелым по ледовым условиям. Без связи, без помощи, на небольших деревянных судах боролись с полярной стихией Седов, Русанов и Брусилов.

Три неудачи, три трагедии, три памятника героизму русских путешественников!

После окончания кампании Давыдов вернулся в Петербург для обработки материалов экспедиции. Он свылся с Севером, полюбил его, готовился к следующему ледовому походу. Но обстоятельства сложились иначе. В столи-

це он получил звание подполковника и... новое назначение¹.

В феврале 1913 года умер начальник Главного гидрографического управления А. И. Вилькицкий, на его пост был утверждён генерал Михаил Ефимович Жданко, руководивший до того Экспедицией Восточного океана. Встал вопрос: кто возглавит эту экспедицию. Работа в Восточном океане (так тогда назывался Тихий океан) считалась особо ответственной, во-первых, из-за удаленности мест исследований от центра, во-вторых, из-за масштабности задачи, которая стояла перед экспедицией: обследовать и нанести на карту малоизученные и тяжелые для плавания берега Охотского моря. Чтобы справиться с такой работой, требовался не только ученый, стоящий на высоте современной морской науки, но и умелый практик, энергичный, смелый организатор.

Все эти достоинства Жданко находил в Давыдове, когда предложил его себе в преемники. Правда, он был еще молод — ему не исполнилось и тридцати лет, но это, с точки зрения генерала, было не недостатком, а преимуществом.

В мае Борис Владимирович Давыдов отправился во Владивосток, принял дела экспедиции и вскоре уже был в плавании.

¹ Экспедиция Северного Ледовитого океана продолжила свою работу под руководством Б. А. Вилькицкого. В 1915 году «Таймыр» и «Вайгач», перезимовав во льдах, добрались до Архангельска. Таким образом, экспедиция, впервые пройдя сквозным рейсом от мыса Дежнева до Белого моря, обследовала и нанесла на карты трассу Северного морского пути, открыла ряд островов в Ледовитом океане, в том числе Северную Землю.

МОРЕ ШТОРМОВ И ТУМАНОВ

*Далеко от родимой сторонушки,
За морями да за глубокими,
За горами да за высокими,
За лесами да за дремучими,
За болотами за зыбучими,
Тамо храбрые наши солдатушки
День и ночь идут путь-дороженькой,
Нет пути-дороги — протаривают...*

Народная песня

В 1639 году казак Иван Москвитин первым из русских вышел к Великому, или Тихому океану. Известный морской историограф В. Н. Берх с присущей его стилю цветистостью пишет: «Отважный Москвитин, не зная как называется сие необозримое пространство вод и не имея понятия о той значительной пользе, которую он сим великим подвигом своим доставит России, не пришел при воззрении на море в восторг подобно Васка де Гама, но, утомясь от трудного и изнурительного путешествия, построил себе шалаш для отдыха в зимнее время». «Не пришел в восторг» и, «утомясь», «построил шалаш»... Так совершаются великие открытия!

Через четыре года другой казак Василий Поярков достиг устья Амура. А после основания в 1647 году Охотского зимовья русские землепроходцы раздвинули свои географические познания до Камчатки и далее — до Америки.

Но научные исследования этих берегов начались только через сто лет, в середине XVIII века. Именно тогда были составлены первые карты берегов Камчатки, Курильских островов и реки Пенжины. В Тихом океане работали экспедиции Биллингса и Сарычева, Крузенштерна и Лисянского, Рикорда, Головнина. В то время не была обследована даже поверхность океана: русские моряки открыли многочисленные острова и целые архипелаги, собрали сведения о жизни местных племен, редкие коллекции этнографических предметов. Особое место в изучении

Тихого океана занимают путешествия в 1849—1855 годах адмирала Г. И. Невельского, доказавшего, что Сахалин — остров, вопреки утверждению прежних мореплавателей, начиная от Лаперуза, что он является полуостровом. После Невельского гидрографические работы в этих водах производились систематически, но преимущественно в Японском море и в заливе Петра Великого, где отдельной съемкой были проведены важные исследования — В. М. Бабкиным, К. С. Старицким, М. Л. Онацевичем, Л. М. Елагиним, А. С. Степиным, С. О. Макаровым на «Витязе».

И вот теперь эстафету в изучении Охотского моря приняла Гидрографическая экспедиция Восточного океана, созданная на базе Отдельной съемки Восточного океана. Зачем же понадобилась эта новая опись моря, ведь, кажется, материалов о нем было накоплено достаточно? Действительно, материалов имелось немало, но все они носили случайный, отрывочный характер — это была, собственно, даже не опись, а осмотр, рекогносцировка. Предшествующие работы не отвечали требованиям современной науки, новому паровому флоту нужны были новые карты, новые морские знания. Да и море, как говорится, не стояло на месте, с течением времени оно тоже меняло облик и требовало постоянного изучения.

Несмотря на то, что Экспедиция Восточного океана была образована еще в 1898 году, планомерные работы она начала только с 1909 года, когда получила свое судно — транспорт «Охотск». Это был не специальный гидрографический корабль, а просто небольшой грузовой пароход, имевший, однако, то преимущество, что принимал много угля и мог пробыть в море до пятидесяти суток, не возобновляя запасов топлива. С 1909 по 1912 год экспедиция успела составить план Авачинской губы, обследовала некоторые места на берегу Камчатки, часть лимана Амура и небольшой кусок на севере Охотского побережья. Работа в Охотском море только разворачивалась.

Что представляла собой экспедиция в тот момент, когда ее принял Давыдов? Хотя она числилась по военному ведомству, в ее состав, кроме Давыдова, входили лишь два офицера — подполковники А. Ф. Машковцев и К. А. Вельможный. Остальные — капитаны и штурманы дальнего и малого плаваний, инженер-механик, врач, матросы, рабочие — общим числом около 150 человек набирались по вольному найму. Среди них нашлись опытные и распорядительные люди, на которых можно было опереться в работе: капитаны Добржанский, Гертнер, Симон, Грагайтис, штурман Ивановский, врач Медер. Плавательными средствами экспедиции служили транспорт «Охотск» и две зафрахтованные парусно-моторные шхуны — «Альфа» и «Дельфин» (позднее «Дельфина» заменила шхуна «Лебедь»).

Деятельность Давыдова на Дальнем Востоке совпала с тяжелыми событиями для страны. На следующий год после его вступления в должность разразилась первая мировая война. Гидрография должна была выполнить целый ряд срочных военных заданий, некоторые работники экспедиции были отозваны в действующий флот. Несмотря на это, каждый год без перерыва экспедиция бороздила воды Охотского моря, милю за милей обследуя побережье и острова, каждый риф, каждую мель на своем пути. Обычно она выходила из Владивостока в мае и возвращалась только в конце сентября.

Состав экспедиции делился на два отряда. Один, возглавляемый подполковником Машковцевым, занимался подробной описью лимана Амура, заливов и бухт на прилегающем материковом берегу и острове Сахалине. Другой отряд, на «Охотске», под руководством самого начальника экспедиции, проводил основную работу — изучение побережья и островов Охотского моря.

Это была необычная по размаху работа. Она не ограничивалась лишь морской съемкой и промером глубин, а включала в себя всестороннее физико-географическое ис-

следование моря и его берегов: гидрологические, магнитные, метеорологические и ледовые наблюдения, наблюдения над приливами и отливами, изучение флоры, фауны и даже жизни местного населения. Промеры дна делались не только попутно, но увеличенными параллельными галсами* и дополнительно — при каждом переходе через исследуемую зону. Важнейшие бухты, устья рек, проливы, острова были обследованы детальнее, на шлюпках.

На основе работ экспедиции издавались новые морские карты, позже Давыдов составил лоцию Охотского моря. Отправимся в плавание и мы по этой лоции, вслед за Давыдовым.

Охотское море, или Ламское, Ламутское, Тунгусское, Пенжинское, Камчатское, как оно называлось в старину, — одно из самых неприветливых наших морей. Суровый климат, непрерывные штормы весной и осенью, обилие льдов, частые дожди, стремительные и переменные течения, сильные приливы и отливы, размывающие береговую черту и меняющие устья рек чуть не каждый год... Но особенно славится это море своими туманами. Летом, во время навигации, его берега покрыты туманом неделями подряд, так что это едва ли не самое туманное место в Мировом океане. Если учесть, что во времена Давыдова в Охотском море не было ни маяков, ни предостерегательных огней и не выставлялись средства навигационного ограждения, станет понятным, с какими трудностями встречались суда, входящие в эти воды. А что сказать о корабле-исследователе, корабле-разведчике?

Самый крайний с юга астрономический пункт, определенный Давыдовым, находился на 50° северной широты, прямо на русско-японской границе, разделявшей пополам остров Сахалин. Здесь, на прибрежном песке, от которого начиналась широкая лесная просека с пирамидами пограничных знаков, под неусыпным оком японских солдат, вычислял Давыдов свою «астрономию».

Это теперь берега Сахалина называют «живописными», а тогда остров был печально известен в России как каторжное место: «Остров Сахалин — кругом вода, а по середине беда!» Где-то у северной оконечности его моряки «Охотска» бросили в воду бутылку, которой суждено было пережить и корабль, и почти всех участников экспедиции, — через сорок с лишним лет, в 1958 году, эту бутылку нашел на берегу рабочий одного из дальневосточных рыбокомбинатов. В ней лежала бумага с текстом на русском, английском и японском языках, в котором содержалась просьба сообщить о месте находки во Владивосток. Так долетела до нас весточка из экспедиции Давыдова...

Бутылочная почта была тогда в большом ходу у гидрографов. Экспедиция Восточного океана бросила в море тысячи таких бутылок и не напрасно — именно они помогли определить круговращение вод в Охотском море против часовой стрелки.

Юго-западная часть Охотского моря — Сахалинский залив, Удская губа и Шантарские острова пользуется дурной славой у моряков. Тяжелые льды могут держаться здесь до середины июля, а иногда и все лето; в 1915 году, например, экспедиция так и не смогла пробиться сквозь льды к Шантарским островам. Даже сейчас, во времена ледоколов и авиации, в этом районе попадают в ловушку десятки рыболовных судов.

При входе в Сахалинский залив цвет воды с зеленого меняется на грязно-желтый — близко устье Амура. Лиман этой реки мелководный, с узкими фарватерами, своеобразными течениями и резкими ветрами. Не раз случалось, что капризная погода ломала все расчеты и планы экспедиции. Здесь погиб в 1913 году один из помощников Давыдова — капитан Сироткин, и канули в море вместе с ним все результаты его летних работ.

Еще в середине прошлого века царь на одном из докладов наложил резолюцию: «Вопрос об Амуре, как о ре-

ке бесполезной, оставить». Лишь благодаря мужеству и настойчивости адмирала Г. И. Невельского был открыт Татарский пролив и обнаружен узкий, но глубокий вход в Амур, считавшийся до того почти неприступным. Но только Экспедиция Восточного океана по-настоящему обследовала устье этой реки.

К западу от Сахалинского залива расположен архипелаг Шантарских островов, возвышенных и лесистых, с обрывистыми, скалистыми берегами.

«Подход к Шантарским островам, — предупреждает в лоции Давыдов, — является в туманные и ненастные погоды если не невозможным, то сопряжен со значительным риском и ни в коем случае не может быть рекомендован...» И далее подробно рассказывает, как подходить к островам в хорошую погоду.

Сам-то Борис Владимирович не пользовался ничьими рекомендациями и получал их из первых рук — от самой природы.

Вот как исследовался Северо-Восточный пролив между островами. Чтобы изучить течения в нем, «Охотск» стал на якорь в этом проливе. Вода здесь шла во время прилива на запад, а во время отлива — на восток, скорость ее, постепенно увеличиваясь, превысила семь узлов*, так что пришлось в помощь якорю дать малый ход машине, чтобы не сорвало брашпиль*. Громадные массы воды устремлялись к мысам и камням Диомида, торопящим в середине пролива, и со страшным грохотом разбивались о них. Казалось, в проливе бушует невидимая гроза. От мысов и камней загибались широкие полосы сулоев*, вся поверхность воды была изрыта рядами мелких водоворотов. Любое судно, попавшее сюда в туман или ненастье, ожидала верная гибель. Но опасность, которой подвергали себя гидрографы, была неизбежной, более того, входила в план их работы. И только закончив полностью обследование Шантарских островов, экспедиция покинула эти негостеприимные берега.

Пустынная местность, оживляемая изредка одиночными юртами тунгусов — таким представилось морякам северо-западное побережье Охотского моря. Только летом, когда начинался обильный ход красной рыбы в реки, устремлялись сюда шхуны и пароходы, доставлявшие к местам рыбалок рабочих, снасти и соль. В сентябре, после окончания сезона, побережье опять вымирало.

По мере продвижения на север горы отодвигались все дальше в глубь материка, чаще попадались рыбалки, юрты и стада оленей, спасающихся у воды от гнуса. Возникали из-за горизонта две высокие мачты беспроволочного телеграфа — это был Охотск, место древнее и достопамятное, бывший острог, потом военный порт, а затем уездный город Камчатской губернии.

Охотск расположен в двух с половиной верстах от устья реки Кухтуй, на левом ее берегу. Несколько десятков домов, деревянная церковь, метеостанция, школа, почта, магазин — вот и весь город. Около трехсот человек жило здесь постоянно, два-три раза в год заходили пароходы. Правда, отсюда можно было связаться с внешним миром — Охотск имел прямую радиосвязь с Николаевском-на-Амуре.

Только древние могилы и замшелые часовни напоминали о былой славе Охотска. И причина запустения была одна — отсутствие надежной стоянки для судов. Место это издавна слыло кладбищем кораблей. Не один парусник с драгоценной пушшиной и заморскими товарами погрузился на дно открытого и беспокойного охотского рейда или сел на опасном баре* реки. Там были погребены целые состояния. Добраться до города и вернуться обратно можно было только в полную воду и в тихую погоду, и не раз случалось, что моряки по несколько дней сидели на берегу, ожидая, когда распогодится. Выгружать корабли на рейде тоже было нелегко — кунгасы* колотились о борт судна, а зачастую и разбивались, на баре же их захлестывало волной.

На Охотском побережье вообще чрезвычайно мало спокойных якорных стоянок, и если в любом другом море капитаны при приближении шторма спешили укрыться в бухты, то здесь, наоборот, уходило от берега подальше. Считалось, что нет в этом море хорошего убежища, укромной гавани для корабля. Но оказалось, что есть такая удобная и спокойная гавань — единственная на всем побережье — бухта Нагаева.

В экспедиции Давыдов много занимался фотографией. Это было не праздное занятие туриста — многие из фотографий, сделанных им, вошли в лоцию, как полезный гидрографический материал. На нескольких из них изображена бухта Нагаева. Странно видеть место, где теперь стоит город Магадан, поросшим густым лесом и совершенно пустынным. Лишь у самой воды белеют два створных знака, по которым Давыдов определял девиацию компаса. На другой фотографии — сопка Каменный Венец и под ней — четко выделяющийся на фоне моря «Охотск». Несколько навигаций подряд, перед тем как начать работы, транспорт заходил в бухту, чтобы набрать воду, почистить котлы.

Уже тогда исследователи искали место, которое бы в будущем стало центром освоения Охотского побережья и Колымского края. Думал об этом и Давыдов.

«Бухта Нагаева по справедливости может быть названа лучшей якорной стоянкой во всем Охотском море, — замечает он. — Отделенная от Тауйской губы полуостровом Старицкого, она возвышенностями его совершенно закрыта от всех ветров с моря; эти же возвышенности мешают туманам Тауйской губы проникать в бухту Нагаева, и нередко в ней чисто в то время, как в губе стоит густой туман. Бухта Нагаева по всей своей площади обладает хорошими глубинами, берега ее приглубы, почему становиться на якорь можно везде и притом весьма близко к берегу. Последнее обстоятельство позволяет, пользуясь очень несложным приспособлением и достаточной

длины плангами, брать воду самотеком из береговых водопадов. Водная площадь бухты весьма значительна, и она может служить одновременно якорной стоянкой для многих судов... В окрестностях много медведей, волков, лисиц и белок, лесной и речной птицы...»

Давыдов не раз высаживался в верховье бухты. За полосой песка начинался пологий перешийк или по-местному волок (бухта Нагаева до 1912 года называлась бухтой Волок), поросший листовничным лесом и ползучим кедровником. Узкая тропа, проторенная эвенами, пересекала его, выводя к бухте Гертнера, расположенной в пяти верстах. Однажды Давыдов прошел по этой тропе и нашел, что она «без особого труда могла бы быть обращена в колесную дорогу и соединиться с дорогой, идущей от бухты Гертнера к селению Ола».

Однако самым заповедным уголком Охотского побережья была, пожалуй, Пенжинская губа. Из-за необследованности ее и слухов об опасных течениях и мелководье корабли совершенно не заглядывали сюда. Бедная и грустная, богом забытая земля — вот какое впечатление произвели на участников экспедиции эти берега. Бурое море, бурая тундра и свинцовые тучи, проносящиеся от одного края губы к другому, леса на берегу почти нет, лишь громадные травяные пространства на неглубоко оттаявшей почве. Яркие поляны цветов только подчеркивали угрюмость и однообразие пейзажа. Давыдов пишет: «Оттого ли, что в период долгоденствий солнце почти не сходит с горизонта, оттого ли, что виды растений этой местности естественно подобрались и приспособились к короткому и капризному лету, — только они страшно торопятся жить: едва сойдет снег, как на обнажившихся местах уже появляется зелень, быстро покрывающаяся разнообразными цветами; цветок еще не успел распуститься как следует, а уже верхушка его начинает осыпаться. Ранняя осень довершает картину разрушения: уже к концу августа — началу сентября растения и цве-

ты кончают жить, и свежие осенние ветры проходят над бурями, пожелтевшими лугами».

Восемь месяцев в году Пенжинская губа была недоступна из-за льдов, но и в остальные месяцы плавать здесь без риска было нельзя. Приливная волна, достигая Пенжинского залива, резко увеличивается в нем и, входя далее в Пенжинскую губу, вырастает до рекордных высот — около одиннадцати метров. В течение шести часов уровень моря, бывает, колеблется на величину пяти саженей, с хороший трехэтажный дом! Такой прилив рождает и сильные, быстро меняющиеся, пронизывающие всю толщу воды течения. В штиль поверхность губы почти вся покрыта водоворотами и сулоями и напоминает стремительную широкую реку, а течения постоянно переносят песок, делая заливы и бухты мелководными и ненадежными.

Изучению Пенжинской губы экспедиция посвятила все лето 1915 года. «Охотск» производил съемку берега, шхуна «Лебедь» подробно обследовала верховье.

Особенно запомнилась Давыдову работа на мысе Елистратова. Начался прилив, когда береговая партия возвращалась на корабль. Течение резко изменило направление, быстро усиливаясь, подхватило шлюпку и понесло к выходу из губы. С мыслью о возвращении на судно пришлось расстаться: с неимоверным трудом, почти выбившись из сил, пристали гребцы к маленькому скалистому островку и часа полтора держались здесь, окруженные стремительной, кипящей, как на речных порогах, водой. С «Охотска» видели шлюпку, транспорт направился к островку и... промчался мимо, давая ход до полного, чтобы не потерять управление.

По течению шлюпке все же удалось добраться до корабля, но оставаться здесь на ночь было очень рискованно — якорь не держал судно: только в три часа ночи удалось морякам найти более или менее безопасную стоянку.

После этого случая капитан «Охотска» Гертнер предложил такое изобретение: в помощь береговой партии на транспорте поднимали сигнал — днем специальные шары, а ночью красные лампы; число их соответствовало скорости течения.

В отчете о плавании Давыдов отметил: «Приятно было видеть, что сознание исключительной ценности сведений о губе проявлено всеми. Все работали за совесть, не думая об отдыхе».

На берегах Пенжинской губы жили корякские племена. Приход «Охотска» надолго остался у них в памяти: для многих коряков огромная диковинная лодка, самадвигающаяся по воде, была первым увиденным ими в жизни пароходом. Иногда на стоянках к судну подходила целая флотилия байдар: коряки с удивлением осматривали корабль, обменивали рыбу на чай, сахар и сухари. Даже поношенная фуражка или пустые коробки из-под гильз вызывали у них восторг. А какое смешанное с ужасом недоумение произвел среди них обломок обыкновенного зеркала! Молодая корячка, увидев свое изображение, сочла его явно за что-то нечистое: она едва прикасалась к зеркалу, держа его не голой рукой, а через шолу кухлянки. Любопытство, однако, взяло верх, и зеркало пошло по рукам. Но вот со спиртом, к сожалению, коряки уже были знакомы. Один старик ни на что не соглашался обменять своего деревянного божка, кроме как на рюмку водки, пусть самую маленькую.

В свою очередь и моряки часто навещали корякские селения, с интересом наблюдая их жизнь. Особенно поразила всех местный свадебный обряд. Жених, чтобы заполучить невесту, должен был прежде два-три года отработать у ее родителей. Когда срок этот истекал, невесту одевали в свадебный костюм и всю обматывали веревками из оленьих жил. Затем суженых оставляли наедине. Жених должен был разорвать путы, связываю-

щие девушку: если это ему не удавалось, работа в доме невесты продолжалась до следующего испытания. Так как невеста сама плела веревки, то ясно, что крепость их была обратно пропорциональна ее любви к будущему супругу.

Моряки нашли этот обычай остроумным и вполне справедливым и шутили, что стоило бы ввести его в цивилизованных краях. Были у коряков и свои начала общности, тоже весьма поучительные. Так, добытый в районе селения крупный зверь, например, белуха, независимо от того, кто его убил, делился между всеми юртами и становился общим достоянием.

«Коряки — народ честный, мирный, трудолюбивый и гостеприимный, — заключил Давыдов, — гости они стараются всячески обласкать, угощая ухой, чаем, рыбой, бедствующего приютят, распространяя свою доброту до изготовления ему новой одежды взамен истрепанной». И дальше пишет: «Не хотелось бы оставить без внимания ту эксплуатацию, которой подвергаются коряки со стороны некоторых скупщиков мехов и пушнины. Жажда наживы — вот тот бог, которому служат эти хищники. Пользуясь тем, что они являются единственным источником, откуда коряк может получить необходимые ему для жизни припасы, они держат его в кабале, получая за бесценнок такой дорогой товар, как шкурки горностая, лисиц, белок, медведей и даже соболя. Правительством озабочилось умерить аппетиты этих хищников устройством казенных лавок, но они так редки, добираться до них далеко, что влияние их мало заметно».

От Пенжинской губы начинаются берега Камчатки. Здесь моряков подстерегали новые опасности. Побережье это совершенно открыто для штормов западных румбов, которые налетают резко и внезапно, и если судно заблаговременно не успеет выйти в море, его неизбежно выбросит на берег. Остовы погибших шхун, полузанесенные песком и галькой, — немые тому свидетели.

Укрытых якорных стоянок под западным берегом Камчатки нет. Многочисленные реки и речки намыывают низкие песчаные косы и кошки, опоясывающие все побережье. Составить планы их устьев невозможно, так как первый хороший шторм делает их неузнаваемыми, засыпая песком выход реки и образуя новый. Поэтому судам всякий раз надо самим производить промер дна.

Тем не менее каждое лето к западному побережью Камчатки устремлялись десятки парусных и паровых шхун, в основном японских. Они высаживали рыболовецкие бригады, а сами вставали на якорь неподалеку, так что, описывая берег, «Охотск» все время шел как бы сквозь строй, образованный береговыми рыбалками и шхунами. На последних оставались только капитаны и по несколько матросов, которые вахты не несли, огней не зажигали и тем самым создавали дополнительную опасность в туманную погоду и ночью для плывущих мимо судов. В конце сезона между шхунами и берегом беспрерывно сновали кунгасы, перевоза на борт засоленную рыбу; до осенних штормов рыбаки спешили покинуть эти воды.

Южная оконечность Камчатки — мыс Лопатка — отнял у экспедиции особенно много времени: он окружен рифами и обширными зарослями морской капусты, входив в которые крайне опасно, так как капуста растет на неровном каменистом дне и на выступ его может напориться судно. С юго-востока Охотское море отделено от Тихого океана грядой Курильских островов: они в то время были захвачены Японией, и потому экспедиция их не исследовала.

Не только у побережья, но и в открытом море моряки обнаружили много интересного. Не раз им приходилось наблюдать удивительнейшее явление природы — «свечение моря». Оно точно и подробно описано в лодии:

«Явлению предшествовал мертвый штиль... Уже с самого наступления темноты было замечено усиленное

свечение моря. У форштевня, вдоль бортов и под кормой наблюдались светящиеся полосы, обладавшие яркостью у корабля и терявшиеся по мере удаления. На фоне этих светящихся полос вспыхивали и вновь меркли яркие точки различной величины. Около одиннадцати часов вечера внезапно под кормой вспыхнул на поверхности воды необыкновенно яркий зелено-белый свет, который от кормы быстро распространился вперед и окружил все судно. Имея овальную форму, это ярко светящееся пятно двигалось некоторое время вместе с транспортом, находящимся как бы в его середине; временами оно отходило от корабля, очень быстро двигалось куда-нибудь в сторону и в две-три минуты достигало горизонта, продолжая светиться и там в виде яркой полосы, дававшей отблеск в облаках. Получалось полное впечатление далекого, освещенного электричеством города...»

Какова же причина этого фантастического явления? В пробах воды моряки обнаружили множество двигающихся толчками маленьких рачков — мизид. Судно, входя в скопление этих рачков, вызывало раздражение их, в результате чего они начинали светиться; раздражение передавалось от одной массы рачков к другой, что и создавало картину быстрого перемещения светящихся пятен.

Одиного стоит в просторах Охотского моря маленький остров Ионы. Уже за милю до него слух начинал улавливать какой-то неясный, сплошной гул. Это давало знать о себе многочисленное население острова — сивучи и птицы. Ближе можно было различить рев отдельных зверей, смешанный с резким гомоном птичьего базара; у самого берега шум этот становился так силен, что приходилось кричать, чтобы сосед по палубе услышал тебя. Пернатые — топорки, чайки, канюки, бакланы — усеивали все горные склоны и скалы, а прибрежную полосу сплошь занимали лежбища сивучей. В то

время, когда на остров высаживался Давыдов, это был еще совсем не тронутый уголок: птицы позволяли брать себя руками, а сивучи подпускали шлюпку близко, не боясь человека.

За работой экспедиции пристально следили в Петрограде. К боевым орденам Давыдова прибавились еще два: Станислав второй степени — за исследования в Ледовитом океане и Анна второй степени — за исследования в Тихом океане. В 1917 году в «Известиях Русского географического общества» и в «Записках по гидрографии» появились статьи Жданко, в которых начальник Гидрографического управления подвел итоги деятельности экспедиции. Он писал:

«В Охотском море осталось обследовать еще южный берег от мыса Малый Дуганджа до залива Счастья. Район небольшой, но крайне неблагоприятный и тяжелый для производства опасных работ, потому что льды там держатся зачастую даже в июле, а в сентябре начинаются такие штормы, что о работе нечего и думать. Что же остается для работ? Один август и иногда начало сентября, то есть только шесть недель. И если я все-таки сказал, что работы могут быть закончены в два лета, то только потому, что знаю выдающуюся энергию, опытность и умение пользоваться обстоятельствами всего личного состава Гидрографической экспедиции Восточного океана и ее достойного начальника, полковника Давыдова».

По воспоминаниям близких, Борис Владимирович был очень домашним человеком, насколько может быть домашним моряк, проводящий по четыре месяца в году в плавании. Еще осенью 1914 года он перевез жену и сына из Пулкова во Владивосток. Вера Модестовна сумела сделать их квартиру уютной. По вечерам, если отец бывал дома, обычно собирались в гостиной. На одной

из немногих дошедших до нас фотографий как раз и запечатлен один из таких вечеров. Мы видим Веру Модестовну в длинном белом платье, волосы ее зачесаны высоким пышным валиком, на лице озабоченное выражение. Рядом на стуле их первенец — Борюшка. Давыдов одет в мундир, он, как всегда, ладный, подтянутый, что называется, «на товсь»; на голове его наметились залысины, в глазах и уголках рта затаилась улыбка.

Давыдовы любили музыку. Дома был граммофон со множеством пластинок: романсы Чайковского, Глинки, Алябьева, Гурилева, старинные вальсы, бравурные военные марши, арьи из оперетт. Иногда в воскресный вечер всей семьей ходили в театр или в парк, на открытую эстраду. Летом домашние Бориса Владимировича обычно выезжали на дачу на «19-ю версту».

Борис Владимирович избегал официальных визитов, званых обедов и балов, где задавали тон отцы города и их жены из числа «штатных благотворительниц». Круг его общения составляли друзья — единомышленники, товарищи по работе.

Дом их был, как говорят, «полная чаша». Доброжелательность, мягкость и гостеприимство Давыдовых привлекали к ним множество друзей. В редкие свободные минуты «генерал» — так называли Бориса Владимировича близкие — любил «побаловаться» рифмой: сочинял быстро и легко остроумные экспромты, поздравления, пародии. Вот как, например, описал он в шуточных стихах один из праздничных вечеров в своем доме:

У Давыдовых веселье —
В окнах светятся огни...
Может, это новоселье
Справить вздумали они?
Льются плавно вальса звуки,
Пары кружатся везде,
Вовсе нет ни тени скуки,
Не сидит никто нигде.

«Генерал» с серьезной миной
С Надей давит ноги дам,
В своей собственной гостиной
Вносит истинный бедлам.
В танцах делают фигуры, —
То гранд-рон, то шен-шинуаз...
И цветут в тиши амурь:
«Не могу я жить без вас!»
Но не вечны вальса звуки.
Шурик громко возопил:
«Пощадите мои руки,
Совершенно их отбил!»
Вняли голосу тапера,
Перестали вальс плясать.
К Тате с просьбою: «Желаем
Ваше пенье услышать».
«Что ж, могу», — сказала Тата
И к пьянине подошла,
И привычною рукою
Серенаду начала...
Только чу! Мотив задорный
Сразу резко зазвучал.
Взявшись за руки, проворно
В залу маскарад вбежал.
То апаш, высокий, длинный,
С дамой нежною своею
Хлестко пляшет по гостиной,
Разметав к стенам гостей.
Вспомнив Севера уроки,
Шурик танец направлял,
Дирижерские таланты
Он впервые проявлял.
«Кавалеры, наперед!
Дамы, сбейся в кучку!» —
Шурик громко наш орет,
Даму взяв под ручку.
Или новый вдруг пассаж:
«Все с визитом!» — крикнет
Он, вошедший в полный раж,
И никто не пикнет.
«Топни ножкой, веселей!
В две колонны стройся!
Ах, танцуйте все дружней!
Кавалер, не бойся!»
Так плясали гости все,

Добрую «восьмерку»,
Веселились от души,
Грусть загнавши в щелку.
Вот и все, что вам скажу
Про былое время.
Рифмы больше не сложу, —
Ведь стихи мне — бремя...

Вера Модестовна с огромным пониманием и уважением относилась к деятельности мужа. Ей все казалось, что его мало ценят, что он слишком рискует своим здоровьем. Она никак не могла привыкнуть к его затяжным путешествиям. Самые счастливые дни для нее были, когда Борис Владимирович возвращался из экспедиции. В разговорах с ней он обычно сглаживал трудности и опасности плавания, но она все равно узнавала и потом упрекала его за «сокрытие», на что Борис Владимирович отшучивался:

— А разве я тебе не так сказал? — или: — Ты им не верь, они преувеличивают.

Она брала с него слово в другой раз все рассказать без утайки, а родным жаловалась:

— Я по глазам видела, что он не договаривает.

Дома всегда с нетерпением ожидали возвращения отца из плавания. И каждый раз он привозил какие-нибудь диковинные подарки: чучело птицы или живого песка, моржовый клык или китовый ус. И, конечно, много рассказывал. Это были большей частью смешные истории, хотя излагал он их с самым серьезным выражением лица.

За годы исследований Давыдов сумел создать на Дальнем Востоке отряд отличных гидрографов. Проводя, помимо руководства экспедицией, самую важную и трудную часть наблюдений, он разработал новые методы и приемы в изучении морских побережий. Свой опыт он обобщил в брошюре «Некоторые практические указа-

ния при работе по съемке берегов с моря», которая вышла в 1916 году в Петрограде. Под этим скромным названием содержалось, по сути, первое и в России и за границей специальное руководство по морской съемке, основанное на современных данных. В нем полно и подробно рассказывалось, как производить опись берега, как обрабатывать материалы и даже как наилучшим образом пользоваться приборами и заполнять журналы. Новый способ морской съемки вошел в гидрографию под названием «способ Давыдова».

«Человек с головой должен уйти в эту работу и ни в коем случае не отвлекаться», — пишет Давыдов. Полная самоотдача в работе, систематичность и точность — вот, по его мнению, три кита, на которых стоит гидрография. Он советует никогда не менять названий на картах и давать наименования новым местам, сообразуясь с характером и видом их, то есть исходя прежде всего из интересов безопасности кораблевождения.

Брошюра заканчивается так: «Остается еще одно и едва ли не самое главное. Описному судну приходится во время работ плавать или в совершенно еще необследованных, или часто в очень неполно обследованных водах. Ясно, что всего полнее и лучше будет осмотрен берег при близком к нему следовании, тогда от съемщика не ускользнут подробности. Требование это налагает на начальника работ некоторую долю вполне оправданного риска, причем самое трудное и самое тяжелое в данном случае, — это правильно и быстро понять особенности берега и уберечь судно от риска губительного».

По официальной инструкции курсы корабля, ведущего морскую съемку, должны были прокладываться в четырех милях от берега. Давыдов же считал, что ходить нужно не дальше двух миль — при такой дистанции лучше будет изучен берег и меньше будет ошибок. Но на риск надо иметь право. И, чтобы «уберечь судно от риска губительного», необходим особый талант море-

плователя, постоянная готовность к опасности и умение по виду берега определить, в каком расстоянии от него двигаться.

— Есть два берега, — говорил Давыдов. — Один — крутой, «честный»: к нему можно подходить близко. Есть и другой — «шептун», «подлый» берег: он спускается к морю небольшими обрывчиками, около него обычно видны надводные камни и буруны — тут будь осторожен.

Но не только в море, и в жизни бывают мннуты, когда надо выбирать между двумя берегами...

«ЧЕСТНЫЙ БЕРЕГ»

*Эх, яблочко,
Мое сочное,
Горит страна
Дальневосточная.
Пароход идет
Между скалами.
Мы пойдем воевать
С генералами...*

Партизанские частушки

Вскоре после победы Октябрьской революции во Владивостоке мирным путем была установлена Советская власть. И хотя, как и прежде, при ларе, каждый день ровно в полдень с мачты Морского штаба падал красный шар и грохотал пушечный выстрел, время, казалось, шло стремительней. Началась гражданская война, которая на Дальнем Востоке проходила особенно кровопролитно, с частой сменой правительств.

Летопись событий такова. Уже в январе 1918 года на владивостокском рейде появились японские и английские корабли. 5 апреля они высадили на берег десанты. В июне произошло контрреволюционное выступление пленного чехословацкого корпуса, растянувшегося почти вдоль всей транссибирской магистрали. В августе к

интервентам прибавились американские и французские части, одновременно из Маньчжурии хлынули многочисленные отряды белогвардейцев. Интервенты превратили город в военный лагерь, в Приморье начался белый террор.

Но уже никакие силы, ни внешние, ни внутренние, не могли сдержать поступательного движения революции. Пока Красная Армия накапливала силы для борьбы, на Дальнем Востоке широко развернулось партизанское движение.

Бурный 1919 год кончился сокрушительным разгромом колчаковской армии в Сибири. Бывший сослуживец Давыдова по Экспедиции Северного Ледовитого океана, возомнивший себя «спасителем» и «верховным правителем святой Руси», был расстрелян в Иркутске по приговору ревкома.

В январе 1920 года во Владивостоке произошло вооруженное восстание, в город вступили партизаны. Власть перешла к Приморской земской управе, находящейся под контролем большевиков. Проникнув в офицерскую школу, произнес свою знаменитую речь перед белой гвардией Сергей Лазо:

— За кого вы — русские люди, молодежь русская? За кого вы? Вот я к вам пришел один, невооруженный: вы можете взять меня заложником... убить можете... Этот чудесный русский город — последний на вашей дороге! Вам некуда отступать — дальше чужая страна. Чужая земля и солнце чужое... Нет, мы русскую душу не продавали по заграничным кабакам, мы ее не меняли на золото заморское и пушки... Мы не наемными, мы собственными руками защищали нашу землю; мы грудью нашей, мы нашей жизнью будем бороться за родину против иноземного нашествия!.. Вот за эту русскую землю, на которой я сейчас стою, мы умрем, но не отдадим ее никому!

Затишье скоро кончилось — оккупанты не замедлили

сделать еще одну попытку восстановить на Дальнем Востоке старый режим. В апреле они вероломно напали на революционные войска, пытались зверскими казнями и повальными арестами запугать население...

Столкновение с интервентами неизбежно привело бы к войне с Японией, на это Советское государство, окруженное кольцом врагов, решиться не могло. По предложению В. И. Ленина была создана Дальневосточная республика, которая должна была сыграть роль буфера от внешней агрессии. Начался новый этап борьбы за власть в Приморье.

Перед судом революции Давыдов был чист. Он видел главное: в это смутное время надо быть с народом, потому что на стороне народа — правда. И разве не народу адресовал он все свои прошлые и будущие труды?

Когда во Владивостоке были созданы Советы, Давыдов вместе с другими офицерами снял погоны. Но едва к власти вернулись белые, погоны опять появились на мундирах. Был объявлен сбор офицеров. Несколько человек не явились, сославшись на болезнь. Давыдов пришел, но без погон.

— Где же ваши яркие звездочки, господин полковник? — язвительно спросил кто-то.

— Милый человек, — ответил Давыдов, — я не мальчик и в своих поступках отдаю полный отчет. Если я снял погоны, то не для того, чтобы нацепить их через неделю...

Кое-кто шипел из-за угла, кое-кто грозился открыто, но авторитет Давыдова был велик — и его не трогали.

Именно в это время к нему зачастили иностранцы с разными «заманчивыми» предложениями. Сначала пришли японцы:

— Господин Давыдов, мы уважаем ваши патриотические чувства, но сейчас, чтобы сохранить жизнь, вам

лучше уехать. На время, пока всё утрясется. Посудите сами: в России междоусобица, вам трудно будет работать. И еще неизвестно, как к вам отнесутся красные, если придут к власти. Ваши труды, ваши знания... поверьте, в Японии их ценят не меньше. Мы предоставим вам идеальные условия...

— Истинно русский человек не продается и никогда не изменит родине! — ответил Давыдов.

Японские послы, пятась и кланяясь, удалились.

Сделали попытку и американцы, но им он тоже ответил решительным отказом.

Давыдов не считал себя одиноким. С ним было его дело, его экспедиция, с ним была его семья. В эти полные неизвестности дни у Давыдовых родились второй сын — Михаил. «Завтрашняя Россия не будет похожа на вчерашнюю, — думал Давыдов, — но какой бы она ни стала, это будет Россия моих детей». И если он жил для нее раньше, то тем более не мог оставить в такое трудное время, когда решалась ее судьба.

Это и был его «честный берег».

Он видел свою задачу в том, чтобы до конца выполнить долг ученого — сохранить экспедицию и по возможности продолжить исследования. Несмотря на постоянные угрозы интервентов, недостаток средств и личного состава, отсутствие всякой связи с гидрографическим центром в Петрограде, экспедиция не прерывала работ.

В 1918 году была закончена съемка последних, тяжелых по условиям плавания участков Охотского побережья, изданы генеральные карты всего этого водного бассейна. В 1919 году экспедиция вышла в Тихий океан, описав восточный берег Камчатки от мыса Лопатки до полуострова Кроноцкого. В 1920 году работы, хотя их удалось начать только в конце навигации, были доведены до острова Карагинского.

У каждого плавания — свои трудности. Восточное побережье Камчатки открыто в сторону океана и круглый год находится под разрушительным действием юго-восточной зыби, которая вымывает рыхлые береговые породы и образует гряды выдвинутых в море надводных и подводных рифов и камней. В летнее время здесь господствует туман, часты тайфуны, у Карагинского острова, похожего на гигантскую рыбу, плывущую в сторону Берингова пролива, постоянно дрейфует лед. Сотни часов проводит он в ожидании просвета в тучах и появления звезд, чтобы определить астрономический пункт. И хотя часто тучи не рассеиваются и приходится возвращаться на корабль без результата — это время Давыдов не считает потерянным.

Восемь лет прошло с тех пор, как он последний раз пересек Берингово море. И теперь, встретившись с ним, замечает, как и раньше, одну характерную черту: граница этого моря — самое бурное и скверное место в прилегающем районе. Небо — местами чистое, местами покрытое тучами, несущими шквалы со снегом и дождем. Малая, смешанная зыбь. И неизбежный шторм! В этом таится какая-то закономерность, ее надо разгадать...

Не тогда ли записал он между научными наблюдениями строчки, случайно сохранившиеся в его бумагах?

Клокочет, рвется и ворчит,
Как разъяренный зверь в неволе,
Порой бушует, редко спит, —
Вот то, что называем морем.
О море, море! Почему
Так грозно рвешься из границы?
Куда стремишься и к кому?
Чьего боишься ты известья?
И на своих седых валах
Зачем хоронишь столько жизней?
Напрасно жду... в твоих волнах
Мне все не слышится ответа.

Карты побережья Берингова моря к северу от острова Карагинского были столетней и даже двухсотлет-

ней давности, береговая черта нанесена на них с большими ошибками. Давыдов решает в следующем году продолжить съемку дальше на север.

Но больше экспедиции не суждено было выйти в море...

В мае 1921 года интервенты произвели очередной контрреволюционный переворот — во Владивостоке образовалось правительство во главе с крупными торговцами братьями Меркуловыми. Это был свой, «черный» буфер, выставленный против Республики Советов. Новый командующий Сибирской флотилией, махровый реакционер контр-адмирал Старк исключил из состава флота комиссаров, вновь ввел в штат священников. Предатели сбывали корабли за границу — продали японцам семь эсминцев и четыре парохода.

Давыдов впервые за последние двенадцать лет не вышел в плавание. В этих условиях важно было сохранить хотя бы имущество экспедиции и главное — результаты многолетних исследований. Оккупанты маршировали по улицам города, а он с немногими своими сотрудниками продолжал работать, обобщая все накопленное за годы плаваний, твердо веря, что этот труд будет нужен людям. Составлялись новейшие карты исследованных мест, дописывалась лоция Охотского моря.

Части Народно-революционной армии под командованием Блюхера все ближе подходили к Владивостоку. Интервенция доживала последние дни. Оккупанты, охваченные паникой, спешно грузились на корабли, они выводили на рейд к острову Русскому все мало-мальски мореходные суда... Захватили и «Охотск». На глазах у Давыдова транспорт заняли большие части белых. Протестовать было бесполезно: обозленные поражением, белогвардейцы могли свести последние счета с бывшим царским полковником, отступником.

Американский журналист Альберт Рис Вильямс писал в своей книге «Через русскую революцию»:

«Город кишел изгнанными помещиками, мечтающими о своих имениях и бесчисленной челяди, о праздном безделье минувших дней; офицерами, предававшимися воспоминаниям о прежней дисциплине, когда солдаты, завидев их, соскакивали с тротуаров в сточные канавы и, стоя навтыяжку, безропотно сносили пощечины; спекулянтами, тоскующими о добром старом времени, золотом в буквальном смысле этого слова, ибо тогда военные заказы и игра в патриотизм приносили им 50, 100 и 500 процентов прибыли. Революция лишила их огромных состояний, а заодно положила конец произволу офицерья и надеждам помещиков».

24 октября 1922 года белогвардейцы и местная буржуазия на захваченных судах спешно покинули бухту Золотой Рог. А уже на следующий день в город вступили части Народно-революционной армии. Все население вышло встречать их, красных солдат засыпали цветами, многие из встречавших плакали и обнимали своих освободителей. В соответствии с Декретом ВЦИК Дальневосточный край стал составной частью РСФСР.

Сразу после окончательного установления Советской власти Давыдов был назначен начальником Управления по обеспечению безопасности кораблевождения на Дальнем Востоке (Убеко Дальнего Востока). В него вошли все гидрографические службы, существовавшие до революции раздельно: Экспедиция Восточного океана, Дирекция маяков и лоций Восточного океана и Владивостокская морская обсерватория. Советское правительство высоко оценило труды и заслуги Давыдова. Позднее в приказе Высшего командования РККФ от 1 октября 1925 года отмечалось: «Выдающийся моряк старого флота, уже ко времени Октябрьской революции имевший

за собою ряд полярных плаваний, Давыдов сумел в тяжелые и долгие годы гражданской войны на Дальнем Востоке проявить себя не только как лучший специалист-гидрограф, но так же как талантливый и честный администратор, сохранивший к моменту укрепления Советской власти вверенное ему народное достояние».

Давыдов принимал все меры к тому, чтобы скорее обнародовать крайне ценные для мореплавания материалы экспедиции. Летом 1923 года во Владивостоке вышла в свет его «Лоция побережий РСФСР Охотского моря и восточного берега полуострова Камчатки с островом Карагинским включительно», том в полторы тысячи страниц с сотнями фотографий и рисунков. На титульном листе издания стоял призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Этот главный труд Давыдова, итог его семи непрерывных плаваний, в который он вложил все свои знания и опыт, открыл новую эпоху в исследовании дальневосточных морей. Общая протяженность охваченной лодией береговой линии составляла около 11 тысяч километров — более четверти длины земного меридиана и базировалась на 111 астрономических пунктов, 106 из них были определены самим автором. По точности определения астрономические пункты превосходили все имевшиеся на Дальнем Востоке раньше. К лодии прилагался сборный лист карт и планов изученных районов.

Помимо материалов экспедиции в лоции были использованы все прежние сочинения об Охотском море и Камчатке, старые руководства для плавания, тщательно проанализированные и проверенные рейсовые донесения капитанов, плававших в этих водах.

Лоция, по единодушной оценке ученых, представляла собой образец научного гидрографического описания. На ее страницах сосредоточена масса ценных выводов и мыслей, многие из которых могли бы стать темой для совершенно самостоятельных сочинений, как, например,

теория Б. В. Давыдова о причине образования в Охотском море туманных пятен, характеристика приливов и отливов в Пенжинской губе или замечания о возможности использования бухты Нагаева для развития производительных сил Северо-Востока. Все факты изложены ясно, точно, ярко, прекрасным русским языком, с сохранением только тех иностранных слов, которые прочно закрепились и стали совершенно необходимы.

Эта книга — мореплавателю. Ей не суждено было пылиться на книжных полках. Прямо из типографии лоция перекочевала в штурманские рубки кораблей и с тех пор сколько жизней спасла, скольким капитанам помогла в трудную минуту!

Когда Давыдов отправился в Петроград на первое совещание начальников и комиссаров Убеко всех морей страны, он вез с собой несколько чемоданов груза: отчеты о проведенных с 1917 года работах, изданные и подготовленные к изданию карты и, конечно, свою лоцию. В Гидрографическом управлении были поражены: за пять с половиной лет полной оторванности от центра Борис Владимирович не только сохранил экспедицию, но и вел исследовательскую работу. Состояние Экспедиции Восточного океана было признано образцовым.

...Из своих родных Давыдов застал в Петрограде только сестер. В 1918 году умерла его мать Елизавета Львовна, вскоре после нее — родившийся со слабым сердцем младший брат Владимир; другой брат Николай затерялся где-то на Кавказе. Радость от того, что жизнь, наконец, вошла в нормальную колею, и надежды на будущее смешались с печалью по безвозвратно ушедшим любимым людям...

После гражданской войны во Владивостоке остались лишь полузатопленные, разбитые и ветхие суда, портовое хозяйство было разрушено. И хотя административ-

ная работа сама по себе мало привлекала Давыдова, он приложил максимум энергии и сил, чтобы поставить на ноги свое столь необходимое для Дальнего Востока учреждение.

Сослуживцы и знакомые в своих воспоминаниях по-разному характеризуют Давыдова. Одни рассказывают:

— Он был очень строг к себе и к другим, принципиален, нетерпим к порокам, человека, скомпрометировавшего себя однажды, вычеркивал из «списка» друзей...

— Не выносил зазнайства и панибратства, считал, что способности людей должны оцениваться по конкретным делам, а не по устным рассуждениям в кают-компании или на собрании...

Другие говорят, казалось бы, обратное:

— Обаятельный, удивительно добрый и отзывчивый, он был тем цементом, той спайкой, которая объединяла всех...

— Его превосходство никого не унижало, настолько оно было очевидно, заслуженно и направлено на общую пользу...

— Он ко всем умел найти простой и товарищеский подход, старался видеть в людях прежде всего хорошее. И если человек заслуживал доверия, трогательно заботился о нем, помогал, чем мог, — советом, делом, материально, испытывая радость оттого, что может помочь.

С одной стороны, — «очень строг и нетерпим к порокам», с другой, — «удивительно добрый и отзывчивый» человек. Где правда? Справедливо и то, и другое, и две эти кажущиеся противоположности и составляли вместе его характер, давали личность.

В путеводителе «Весь Владивосток» за 1924 год можно найти адрес Давыдовых: Ленинская, первый морской флигель. В любое, самое трудное и тревожное время Борис Владимирович стремился поддержать в доме веселое, бодрое настроение. Это ведь тоже был его «корабль».

Он знал, как трудно людям переносить однообразие будней, поэтому старался хотя бы словом утешения или шуткой смягчить бытовые неудачи, трудности жизни. Например, он придумал игру в сокращенные словообразования, которые были тогда в моде. Всерьез уверял, что есть такая должность «замкомпоморде» (заместитель комиссара по морским делам) или «осусососу» (особый уполномоченный по сопровождению судов), или «компотизсливок» (командир патрульной изолированной службы и военизированной охраны кораблей) и даже за обеденным столом иногда говорил:

— Вера, дай-ка мне уксенцию... (то бишь уккусную эссенцию).

Борюшка рос очень красивым мальчиком, а Мишук был потешен, любил порассуждать, за что его называли «стариком». Борис Владимирович с восторгом рассказывал знакомым об их шалостях.

Дети удивительным образом очищали и облегчали жизнь, наполняли ее особым смыслом, прибавляли молодости и сил.

— У меня замечательные сыны! — с гордостью говорил Борис Владимирович.

Весной 1924 года Убеко Дальнего Востока получило задание: поставить навигационное ограждение в Амурском лимане. Давыдов знал, что неминуемы будут осложнения с японцами: они хозяйничали на Сахалине и совершали пиратские набеги на побережье, грабя и убивая мирных жителей. Непокойно было и в море. Минувшей осенью японские миноносцы двое суток держали в плену задержанный в лимане Амура гидрографический катер «Инженер». Морские силы Дальнего Востока были еще слишком слабы, чтобы дать отпор нарушителям.

Даже обыкновенных буев для ограждения во Владивостоке не оказалось — интервенты вывезли из города все, что могли. Вместо них были приспособле-

ны корпуса шаровых мин с приделанными к ним штоками.

На грот-мачте портового ледокола «Надежный» взвился флаг начальника Убеко, корабль отправился на задание.

По пути он зашел в Советскую Гавань загрузиться углем. Здесь к нему присоединился катер «Инженер». Во время стоянки ледокол случайно зацепил якорем цепь затопленного в гавани в прошлом веке легендарного фрегата «Паллада». Морякам удалось извлечь из воды некоторые части фрегата. Многих интересовала его судьба.

«Паллада»... Судьба фрегата в чем-то напоминала Давыдову судьбу одноименного крейсера, на котором он служил. Семьдесят лет назад сюда, в эту гавань, вошел русский фрегат с победным именем на борту, один из самых красивых кораблей русского флота. И здесь по приказу свыше, из страха, что англо-французская эскадра захватит его, фрегат был взорван. Приказ отдали чересчур поспешно и без надобности. А ведь моряки хотели спасти «Палладу», пытались завести в устье Амура — не удалось...

Едва Амурский лиман освободился ото льда, «Надежный» начал работы. Вскоре появились японские суда в сопровождении эскадренного миноносца. Подойдя ближе, эсминец стал на якорь, двое офицеров явились на «Надежный» для переговоров. Командир эсминца предложил советскому отряду немедленно уйти, Давыдов в свою очередь спросил его, по какому праву нарушил он чужие территориальные воды и что собирается здесь делать. Парламентеры уехали ни с чем.

На эсминце сыграли тревогу, он долго ходил вокруг «Надежного», угрожающе наводя пушки, но наши моряки невозмутимо продолжали работать. Победила выдержка. Японцам ничего не оставалось, как убраться восвояси.

КОНЕЦ НОВОЙ КОЛУМБИИ

*Ты скажи, солс-ьюшко,
Ты скажи мне, черноперенький,
Где морских ты повстречал?
— Повстречал я их на долгих на плесах,
На морских на белых торосах,
И чистой остров увидали тут они...*

Народная песня

Работа в Амурском лимане уже заканчивалась, когда Давыдова вдруг вызвали во Владивосток. По внезапности и категоричности приказа он понял: случилось что-то важное. Поэтому, вернувшись в город, сразу отправился к командующему флотом Селитренникову.

— Очень ждем вас, Борис Владимирович, — обрадовался командующий. — Получена срочная телеграмма из Москвы. Мы должны снарядить Особую гидрографическую экспедицию. Куда бы вы думали? На остров Врангеля!

И, подойдя к стене, он привычным жестом отдернул шторку перед картой. Эту любовь к разговорам у карты Давыдов за ним знал и разделял: он сам возле карты чувствовал себя как-то уверенней, спокойней.

— Уже третий год канадцы хозяйничают на острове и не думают оттуда убираться, — продолжал Селитренников. — Дипломатические переговоры пока ни к чему не привели. Так вот, надо доказать, что мы в состоянии охранять свои государственные границы. Экспедиция должна подтвердить наши права на остров и поднять там советский флаг. Это основная задача. Ну, а кроме того, научные исследования... По нашему мнению, вы, Борис Владимирович, единственный человек, которому можно поручить это дело.

— На чем идти? — спросил Давыдов.

— На «Надежном».

— Да это же брендвахта! Он и строился специально

для работы в порту. Запаса угля у него на восемь дней. Восемь дней и — Ледовитый океан! Нет, «Надежный» не годится.

— А что вы можете предложить? — спросил командующий.

— Ну, надо подумать...

— Думали уже. Это единственное ледокольное судно, которое у нас есть. Больше нечего послать. Приведем в порядок, переоборудуем — и в путь. Отплытие должно быть не позже середины июля, иначе упустим навигацию.

Давыдов пожал плечами:

— Только для ремонта этой старой калоши нужно несколько месяцев. А если зимовка? Экспедиция должна быть обеспечена не меньше, чем на год. Местный рынок такой, что ничего не достанешь. И топливо, опять топливо! Нет, это нереально.

— Давайте встретимся завтра, — предложил командующий. — Подумайте, взвесьте все. Учтите только, если иностранцы в этом году еще раз высадутся на Врангеле, отстоять остров будет куда трудней. И еще. Дальревком обещает всех поднять на ноги, сделать все возможное для этого дела. Потому что идти необходимо. Необходимо!

Было уже поздно, но город, казалось, только сейчас и начинал жить в полную силу. В центре все пестрело, кричало и спешило — и праздная толпа, и извозчики, грохочущие по наклонным мостовым попеременно с автомобилями, и даже стены домов, сплошь залепленные афишами и объявлениями. Рестораны «Золотой Рог», «Буфф», «Декаданс», «Кобояси-юю», пивные ларьки, бары работали до поздней ночи.

Шагая по тротуарам, Давыдов скользил взглядом по афишам, и буквы рябили, прыгали, кривлялись и кричали, как маленькие живые человечки: «Грандиозный боевик! Настоящая цыганка! Образцовая кухня! Небы-

вало оригинальный сюжет! Тигры — великаны и симпатичные малютки! Ночь любви! Масса новинок!»

На набережной от ветра, тянувшего с моря, голова сразу посвежела. Сколько раз прощался он на этом пятчке земли, сколько раз сюда возвращался! И всегда желали одного и того же — «легкого плавания». А ведь не было у него ни одного легкого плавания! Сами собой нахлынули воспоминания, но, по странному свойству памяти, только хорошие, словно ничего плохого никогда и не было...

Уже около дома Давыдов с удивлением обнаружил, что он уже, собственно, решил плыть. Сейчас все казалось возможным: Дальзавод отремонтирует судно ударным темпом, если нажать, а уголь можно заранее забросить в Петропавловск и Провидения и там догрузиться по пути...

Дома Давыдова ждал пакет из Ленинграда. Распечатав конверт, он прочел:

«Многоуважаемый Борис Владимирович! Русское географическое общество в общем собрании 15-го сего мая единогласно утвердило доклад Совета Общества о признании Вам за совокупность Ваших научных работ по обследованию восточных морей России золотой медалью имени Литке¹.

Об изложенном считаю приятным долгом довести до Вашего сведения.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности. Ю. Шокальский».

Лозунгом этих дней во Владивостоке был: «Даешь красный Врангель!» В аварийной спешке готовили экспедицию. Сколько раз опускались руки, сколько раз казалось, что все рухнет и что будущее плавание — безнадёжная авантюра! Совершенно необходимую в Аркти-

¹ Золотая медаль имени Литке — высшая научная награда, присуждаемая за особо выдающиеся успехи в области географии.

ке теплую одежду, например, купили в Харбине и доставили на борт за несколько часов до отправления, в последнюю минуту грузили кислую капусту — чуть не остались без этого нехитрого снабжья. Да и был ли вообще в истории случай, чтобы полярное плавание готовилось всего какой-нибудь месяц?

Американцы, прослышав о походе, объявили по радио, что это безумство — посылать людей в Арктику на таком маленьком корабле, предвещали морякам верную гибель.

В составе экспедиции насчитывалось восемьдесят человек, в основном молодых краснофлотцев комсомольского набора — «от сохи и от станка», а также несколько бывалых партийцев, отличившихся в боях с контрреволюцией. Отправлялись вместе с Давыдовым и его сослуживцы по Экспедиции Восточного океана — гидрографы Ивановский, Грагайтис и Чеботнягин. Комиссаром был назначен М. А. Домиликовский, помощником Давыдова — Г. Д. Красинский, командиром экспедиционного судна — Е. М. Воейков.

20 июля порт покрылся флагами расцветивания. На корабль прибыл командующий флотом, он объявил приказ о походе и пожелал команде удачи. Прогремел «Интернационал», канонерская лодка «Красный Октябрь» — так теперь назывался «Надежный» — отдала швартовы*. От острова ее отделяли три тысячи миль пути.

Двумя днями раньше «Красного Октября» из Номы (США) устремилась к острову Врангеля быстроходная американская шхуна «Герман». До цели плавания ей предстояло пройти 650 миль.

Капитан шхуны, опытный арктический мореход Лэн, мог не сомневаться в успехе: власти Аляски уже знали о подготовке советской экспедиции и сделали все, чтобы опередить ее. Перед отходом Карл Ломэн, устроитель плавания, не скупился на обещания, но требовал: ост-

ров — любой ценой! По такому случаю втайне даже был нарушен сухой закон и провозглашен тост:

— За Новую Колумбию!

Откуда взялось это странное название, которого нет сейчас ни на одной карте мира? Чтобы получить ответ, читателю придется окунуться не столько в географию, сколько в дипломатические хитросплетения и авантюрную «романтику» частного предпринимательства.

Идею захвата острова Врангеля подал полярный путешественник Вильялмур Стефансон¹. В 1913—1914 годах он возглавлял Канадскую арктическую экспедицию. Эту экспедицию с первых же шагов постигла неудача: корабль «Карлук», на котором предполагалось вести исследования, вмерз в лед близ Аляски и был унесен дрейфом в Чукотское море. Самого Стефансона тогда не оказалось на борту, он охотился на американском побережье. Судно было раздавлено льдами недалеко от острова Врангеля, а часть команды с большим трудом добралась до его берегов. Бывшую уже на грани гибели горстку моряков в конце концов удалось снять с острова, одиннадцать членов экипажа «Карлука» навсегда остались в Ледовитом океане.

Вот этой трагической случайностью и воспользовался Стефансон, когда начал свою кампанию за захват острова. В 1920 году он направил канадскому премьер-министру Артуру Мейгену пространное послание, в ко-

¹ В. Стефансон, впоследствии друг Советского Союза, отдал борьбе за остров Врангеля несколько лет жизни. Потом он сам считал это «трагической ошибкой» и открыто признавал беспорность прав нашей страны на владение островом. Но что было, то было: из истории ничего не выкинешь. И мы, воскрешая сейчас события полувековой давности, ни в коей мере не посягаем на научные заслуги и общий итог жизни знаменитого полярника, а только на те исходные позиции и методы действия, с которыми он не в лучший час своей жизни вторгся в несвойственную ему область политики. Думается, в этот момент против него было само время.

тором доказывал, что правительству Канады, бывшей тогда доминионом Британской империи, следует воспользоваться моментом и закрепить за собой остров Врангеля. А момент какой? Россия охвачена гражданской войной, ей недосуг заниматься своими окраинами, стало быть, бери, что плохо лежит! Подтверждением прав на эту землю мог служить тот факт, что его, Стефансона, экспедиция поднимала там британский флаг. На острове тогда развевался русский национальный флаг, водруженный раньше Экспедицией Северного Ледовитого океана, но об этом, как и о русской ноте 1916 года, естественно, вспоминать не желали.

Остров, по представлению Стефансона, был «полон ресурсов» и вполне подходил под его теорию «гостеприимной Арктики», такого нового полярного Средиземноморья, из которого Канада и Британия должны почерпнуть дополнительные экономические и стратегические силы. Ученый перешел на язык политиков и военных, он провозгласил «северный курс Империи» и утверждал, что мировой центр активности переместился из умеренных широт к полюсу. «Остров Врангеля должен быть британской территорией», — писал Стефансон, — потому что в течение следующей мировой войны или в ходе мирного развития сообщение между Европой и Японией переместится в полярный бассейн. А постоянный дневной свет летом только увеличит преимущество передвижения по новому маршруту. Нам необходима цепь островов в полярном бассейне в качестве военно-морских баз для наших подводных лодок и в качестве станций для самолетов».

Оставалась лишь одна проблема — действительно владеть островом. Единственный способ разрешить ее — оккупация. Стефансон предложил немедленно послать на остров Врангеля партию и вызвался руководить ею. При этом он исходил отнюдь не из одних только патристических побуждений — Стефансон надеялся, что

правительство в знак благодарности даст ему остров в аренду, он же переарендует его «Гудзон бей компани».

Канадское правительство, однако, действовало осторожно. Экспедицию Стефансона уполномачивали только «устанавливать власть и присоединять к доминиону земли, лежащие к северу от канадской территории и не находящиеся под юрисдикцией какого-нибудь цивилизованного государства», что никак не относилось к острову Врангеля. По определению Министерства внутренних дел, которому поручалось дать рекомендации по этому вопросу, он «даже не расположен в западном полушарии, так как по нему проходит 180-й меридиан. В основном, это азиатский остров». Спокойные головы в правительстве взяли верх, и проект захвата острова лег под сукно.

Но государственные деятели Канады недооценили способностей Стефансона — этот человек никогда не отступал легко от своих идей. Он начал действовать с другого конца: организовал частную компанию по исследованию и развитию Арктики, безбидную с первого взгляда, на деле же предназначенную стать орудием для овладения островом Врангеля, отыскал деньги и подобрал группу молодых людей, полных энтузиазма и желая проявить себя. Эти люди — канадец Аллан Крауфорд, студент университета в Торонто, три американца и одна эскимоска — получили задание добраться до острова и объявить «от имени короля и Империи» о правах на него. Так они и сделали, едва высадились там. Вот это любопытное заявление, опубликованное тогда во многих газетах:

«Я, Аллан Редьярд Крауфорд, уроженец Канады, британский подданный и нижеподписавшиеся члены Врангельского островного отряда арктической экспедиции Стефансона... приняв во внимание отсутствие объявления прав на остров со стороны иностранных держав (!!)... поднимаю канадский флаг и британский флаг и объ-

являю этот остров, известный под именем острова Врангеля, владением его величества Георга, короля Великобритании и Ирландии, доминионов в пределах морей, императора Индии и проч., и проч., и проч.

Подписанное вложено в этом гурии 16-го сентября 1921 года от Рождества Христова.

«Боже, храни короля!»

В это время сменился канадский кабинет министров, и Стефансон поспешил атаковать нового главу правительства Маккензи Кинга, призывая подвести под частную инициативу государственную основу. Вскоре в канадском парламенте имели место острые дебаты по этому поводу. Бывший премьер-министр Артур Мейген, ставший лидером оппозиции, сделал запрос правительству об острове Врангеля. Он знал темные места в канадской политике и бил в точку.

«Мейген. Не будут ли любезны министры заявить о политике правительства в отношении... острова Врангеля?»

Грэхэм (министр обороны). Заявить о политике правительства по этому вопросу — чрезвычайно тонкое дело.

Мейген. Имеет ли правительство какую-нибудь политику?

Филдинг (министр финансов). То, что нам принадлежит, мы удерживаем.

Мейген. Я бы рекомендовал правительству всегда придерживаться такого принципа.

Грэхэм. Кое-кто не смог этого сделать.

Мейген. Правительство однажды не смогло этого сделать, но я думаю, если бы вопрос встал перед ним снова, оно действовало бы иначе.

Грэхэм. Старое правительство.

Мейген. Да, старое правительство, членом которого был мой уважаемый оппонент. Хорошо известно, что существуют разногласия по поводу острова Врангеля...

И я спрашиваю, может ли правительство высказать свое мнение об удержании острова?

Грэхэм. Политика правительства, насколько я понимаю, была выражена министром финансов — что мы имеем, то мы удерживаем.

Мейген. Ну, а имеем мы остров Врангеля?

Грэхэм. Насколько я понимаю, да, и мы намерены его удерживать».

Дипломатическая перепалка, полная яда и скрытого смысла, закончилась, слово было обронено, и главе правительства ничего не осталось, как поддержать своих министров. Он заявил: «Правительство, конечно, придерживается мнения, что остров Врангеля является собственностью Канады»¹.

Казалось бы, Стефансон мог теперь торжествовать — он добился своего. Но события на этом не остановились и, развиваясь своим чередом, начали принимать бурный оборот. Последовали две ноты Советского правительства с выражением озабоченности по поводу притязаний Канады на остров и с требованием объяснений.

Пока канадцы и англичане размышляли, что предпринять, разочарованный их «дружественной бездеятельностью» Стефансон не терял времени зря: в марте 1923 года он обратился в Вашингтон и встретил там «понимание». Американский адмирал Моффет сообщил Стефансону: «Я знаком с тем, что вы написали, и мне известно, что вы сделали в отношении о. Врангеля. Я только сожалею, что ни один из моих соотечественников не обладал дальновидностью сделать то же самое. Я полностью согласен с Вами в вопросе о важности о. Врангеля и его дальнейшем использовании»².

Выступив в штабе военно-морских сил США, Стефансон не погнушался грубой лестью в адрес амери-

¹ Р. Д. Дювальдо. Споры об о. Врангеля.— «Канадское историческое ревю», т. XLVIII, № 3, 1967, сент., с. 212.

² Там же, с. 216.

канцев и обещал, что «сделает все возможное, чтобы приобрести остров Врангеля для США, если англичане откажутся от своих прав». Единственное, чего он не хотел, — чтобы остров попал к русским. Но и американизация Стефансона, и отказ от заверений в патриотизме как главным двигателе его действий мало изменили картину: в Вашингтоне, так же как в Оттаве, ему сочувствовали только военные, дипломаты высказались против, а правительство колебалось между теми и другими. В конце концов, самое лучшее было ничего не предпринимать.

Группа Крауфорда между тем уже два года без всякой связи и помощи находилась на острове, пора было подумать и о ее спасении. Стефансон, собрав деньги по подписке, отправил на остров смену, но, когда спасательное судно добралось до его берегов, оно застало в живых только эскимоску Аду Блекджек, остальные четверо стали жертвами «гостеприимной» Арктики. Тем не менее смена им была высажена...

Только теперь Стефансон пожалел, что загаял эту кампанию: мало того, что он очутился на грани банкротства, родственники погибших публично объявили его виновником случившейся трагедии. Репутация его как ученого поколебалась. Газеты писали: «Все острова Севера не стоят того, чтобы им приносили в жертву хоть одного канадского юношу». Надо было срочно выходить из игры.

Весной 1924 года Стефансон отказался от своих «прав» на остров и «продал» его «оленному королю» Аляски Карлу Ломэну.

Итак, дело перешло в новые руки. Преемником Стефансона был не ученый, а бизнесмен, представитель могущественной династии Ломэнов, которой принадлежали чуть ли не все аляскинские олени и которая, по существу, вершила власть на Аляске. Карл Ломэн не бросал деньги на ветер и, будучи очень богатым чело-

веком, хотел стать еще богаче: он мечтал о том, что его оленину будут продавать в Нью-Йорке, что она войдет в меню ресторанов на всех поездах и пароходах от мыса Барроу до Калифорнии. Для него были очевидны выгоды от владения островом Врангеля — он предполагал организовать там охоту и олений питомник.

На что рассчитывал Ломэн, пускаясь в столь рискованное предприятие, ведь юридических оснований притязать на остров у Соединенных Штатов еще меньше, чем у Канады? Ломэн не мог этого не понимать. По примеру Стефансона, он прежде всего решил подкрепить свои действия ссылкой на историю. Он вспомнил, что в 1881 году его соотечественник капитан Купер, разыскивая следы пропавшей экспедиции Де-Лонга, тоже ступал на остров Врангеля, поднял там американский флаг и даже переименовал остров в Новую Колумбию. Правда, это название продержалось всего три дня — другой американец, Берри, высадившись вслед за Купером, вернул острову прежнее наименование. Правительство Соединенных Штатов осталось тогда равнодушным к новому «приобретению» и не сделало никаких шагов, чтобы закрепить его за собой, и так было ясно, что остров, прилегающий к русскому материку, не может быть американским, а пускаться на прямую экспансию оно не решалось. Слишком дорогой это был подарок!

Как и в случае со Стефансоном, не история вселила в Ломэна надежду на успех его предприятия, а... новые веяния в политике. Та патриархальная Аляска, связь которой с внешним миром обрывалась на семь-восемь месяцев в году, когда, как шутили, «даже бог уплывал с последним пароходом», уходила в прошлое. На американском Севере появилась транспортная авиация. Аляска постепенно наполнялась военными. Этот процесс в будущем привел к положению, о котором остроумно выразился один журналист: «Ткните наугад булавкой

в карту, и вы попадете прямо в американского генерала или адмирала».

Не тогда ли появились военные карты с циркумполярной проекцией?

Вообразите себе карту, в центре которой Северный полюс. Расположение континентов при этом окажется вовсе не таким, каким мы привыкли его себе представлять, и если мерить расстояния не по широтам, а по меридианам, то увидим, что Евразия совсем рядом с Америкой. Другими словами, любой атакующий самолет, летящий из Нового Света в Старый по ближайшей прямой, должен пересечь Ледовитый океан. Присмотритесь внимательнее, и вы также увидите, что столицы крупнейших мировых держав расположены севернее 30° северной широты, а большинство городов с населением свыше миллиона ближе к Полярному кругу, чем к экватору. Отсюда само собой напрашивается вывод: кто будет владеть Арктикой, тот будет владеть миром.

Вот что такое циркумполярная проекция! Это иной взгляд на мир, при котором так хорошо послуживший нам глобус кажется безнадежно устаревшим. Это, если хотите, новая география. А новая география требует новых названий. И вот появляется карта, на которой остров Врангеля закрашивается цветом США и получает имя Новая Колумбия.

Таким было положение к июлю 1924 года, когда два корабля под разными флагами ринулись к одной цели.

Давыдов отправился в плавание больным — был сильно простужен. Но во Владивостоке болеть было некогда, а в море — тем более. Чтобы успокоить жену, он общается в письме из Петропавловска-Камчатского:

«Я пока что, слава богу, совершенно здоров, кашляю много меньше, думаю, что этому способствовал чистый морской воздух. Я так и вижу тебя, моя родная, как ты

говоришь «воображаю!», но право, это так... Что-то готовит нам судьба? Торопимся здорово. Все сведения до сих пор благоприятны, можно думать, что льда будет мало...» Тут Борис Владимирович тоже явно лукавит — предварительные сообщения говорили о том, что условия плавания в Ледовитом океане будут очень тяжелыми.

10 августа «Красный Октябрь» миновал Берингов пролив. Необычно встретило его Чукотское море. Холодный желток солнца скатывался по гладкой голубизне неба: не было ни ветерка, ни дымки на горизонте, ни единого облачка. То и дело всплывали из воды глянце-вые бугры китов.

В бухте Провидения моряки загрузили максимальное количество угля: до отказа наполнили трюмы, даже на палубе устроили выгородки — каждая лишняя тонна топлива могла решить исход плавания. На корабль были взяты трое чукчей с собачьими упряжками для санных поездов и на случай зимовки. Нагруженное сверх ватерлинии*, с огромной закопченной трубой, без названия на борту, судно представляло собой странное зрелище. На палубе, среди штабелей досок и ящиков, скулили и грызлись собаки, узкие проходы были черны от угольной пыли, а на корме поверх связок каната громоздились нарты и спали чукчи, положив головы на спасательный круг.

По чистой воде прошли недолго. Вскоре первые льдины ударили в обшивку, по мере движения лед становился все гуще, пока не покрыл почти всю водную площадь. Лед этот был настолько сжат течением и встречным ветром, что судно остановилось. Пробиваться к острову в таких условиях было бы только пустой тратой угля. Решили ждать перемены ветра.

Давыдов записал в дневнике: «Сегодня, во время лавирования во льду, надо было пройти узкую перемышку между очень крупным и толстым обломком поля справа и годовалой крепкой льдиной слева. Проход был шири-

ною, близкой к ширине судна. Подходили малым ходом, заблаговременно застопорив машину. Сперва коснулись надводным бортом снежного края поля (довольно мягко), которое отбросило корабль влево на льдину: от нее вновь отскочили вправо и ударились на этот раз довольно крепко... В результате несколько вмяли шпангоут* у жилой палубы, согнув его книзу*, на протяжении ближайших трех шпангоутов борт гофрирован, один продольный шов очень немного разошелся. Соль не в том, что мы ударились (это бывает), а в том, что удар пришелся в надводной части; это, в свою очередь, вызвано тем, что мы очень загружены, благодаря чему у нас ледяной пояс* весь под водой, то есть много ниже нормы. Чтобы хоть несколько увеличить дифферент* на корму, перегружаем из носового трюма в ямы, это все, что можно сделать.

Вечером в кубрике провели беседу с командой, говорил я, знакомя личный состав со всем тем, что мы делаем (гидрология, промер, планктон, течения, метеорология), отчасти коснувшись нашего теперешнего положения».

В Ленинграде живет сейчас участник плавания на «Красном Октябре» гидролог Иван Тимофеевич Колбягин. Он рассказывает:

— Научная работа в экспедиции шла без спешки и суеты. Борис Владимирович был очень эрудирован во всех вопросах, любил порядок. Астрономические наблюдения выполнял сам, все вычисления делал сразу после наблюдений, причем вычислял очень быстро, и цифры были такими четкими, как будто их отпечатали на машинке. С подчиненными всегда был вежлив и корректен...

Так и не дождавшись перемены ветра, канонерка развернулась на обратный курс и, с трудом выбравшись из ледового мешка, пошла вдоль кромки на северо-восток. Невдалеке от маленького островка Геральда, рас-

положенного в сорока милях от Врангеля, она снова уперлась в тяжелый ледовый барьер.

Давыдов позвал на мостик Доминиковского и Красинского. Все сходились на том, что отступать нельзя.

— В случае неудачи мы должны высадиться хотя бы на Геральде и оставить там партию, — предложил Красинский. — Зимой, по льду, эта партия переберется на Врангель и так или иначе выполнит основную задачу экспедиции. Я на всякий случай набросал план. В партию войдут: матрос Щербаков — он человек надежный, крепкий физически, Караев — этот хорошо знаком с местными условиями, много лет промышлял на Чукотке, и Ольчхургун — из местных, он возьмет с собой и упряжку. Я бы тоже хотел отправиться с ними...

Давыдов покачал головой:

— Не будем забегать вперед, попробуем пробиться.

Стоял густой туман. Разреженный лед сменился крупными многолетними полями, скоро вся поверхность моря побелела. Громадные, выше палубы, торосы на двигались на судно, скрежеща о борта. При работе под всеми тремя котлами, при открытом почти на аварийное давление котельном регуляторе канонерка то и дело останавливалась, а потом, слегка отступив, снова прорубалась на несколько метров вперед. Повалил снег и накрыл снасти и палубу толстым ватным слоем, словно стараясь вдавить судно в воду, сровнять его с твердым панцирем льда. Корабль казался призраком в этой мертвой пустыне, минута — и он застынет в тисках льда и, покорный его воле, сам станет льдом...

На вторые сутки этого отчаянного поединка туман впереди потемнел, лед стал реже, и глазам моряков открылись черные отвесные скалы острова.

На траверзе* бухты Роджерса отдали якорь. Пустынно и хмуро было на берегу. Спустили две шлюпки и сразу приступили к установке мачты для флага. Землю взрывали подрывными патронами, основание мачты об-

ложили кирпичами и залили цементом; сверху на ней был укреплен железный красный лист с вырезанными буквами «СССР». Для церемонии сшили и второй флаг из ткани.

20 августа утром экипаж корабля построился у мачты. Давыдов обратился к морякам с торжественным словом. Поздравив их с выполнением задания, он сказал:

— Цель плавания достигнута, но мы должны еще снять с острова колонистов. Вряд ли они окажут нам сопротивление, однако у нас есть враг куда более опасный — лед. И борьбы с ним не миновать. Нам предстоит дело не менее трудное, чем путь сюда — вернуться домой, вернуться, сохранив и корабль и людей.

Раздалась команда: «На караул!»

Моряки взяли винтовки на руку и сняли фуражки.

В 12 часов над островом Врангеля был поднят советский флаг. Прогремел троекратный салют.

В тот же день, обследуя остров, канонерка вошла в бухту Сомнительную. На длинной низкой косе, где было моржовое лежбище, валялись звериные туши с вырубленными клыками — следы хищничества колонистов. Дальше на берегу виднелись избушки и палатки, а между ними — развешенные медвежьи шкуры. Людей не было, моряки нашли только записку, в которой сообщалось, что островитяне ушли в западном направлении.

— Ничего в лагере не трогать! — распорядился Давыдов. — Возвращаемся на судно.

Едва шлюпка причалила к борту, вахтенный заметил на берегу столб дыма. Показалась байдара, в ней можно было разглядеть четырех эскимосов и человека в шляпе с перевязанным глазом. Они быстро гребли к кораблю.

Стоял штиль, флаг на мачте обвис, по нему трудно было угадать национальную принадлежность корабля. Байдара была уже в нескольких саженях от борта, когда внезапный порыв ветра развернул полотнище флага, — в ту же минуту гребцы повернули к берегу.

Приказ с корабля заставил их подойти. Испуганно озираясь, поднялись островитяне по трапу, но потом, когда их провели в кают-компанию и напоили чаем, повеселели. Только человек с повязкой сидел насупившись.

— Кто вы такие? — обратился к нему Давыдов. Красинский, хорошо знавший английский, перевел.

— Мы служащие канадской фирмы Стефансона. Моя фамилия Уэллс.

— Ваша профессия?

Уэллс замялся:

— В Номе я работал парикмахером... Здесь охотился.

— Есть на острове еще кто-нибудь?

— Да, четыре женщины и пятеро детей.

— По какому праву вы охотитесь на советской земле?

— Но господин Стефансон, отправляя нас, сказал, что остров — собственность Канады.

— Вы что — подняли здесь канадский флаг?

— Господин Стефансон выдал нам флаг и приказал поднять его, но я... я сомневался, кому принадлежит остров... Я не решался... Хотя однажды, кажется, приходилось, но, конечно, не больше одного раза...

Сообразив, что заврался, Уэллс умолк.

— У вас есть какие-нибудь документы на право охоты здесь? — спросил Красинский.

— Нет, документов нет, — быстро заговорил Уэллс. — Мы заключили контракт на половинных началах. Половину добычи мы должны отдать, половину оставить себе. Стефансон обещал этим летом прислать судно, но мы понимали — такой лед...

Обменявшись несколькими фразами с Доминиковским и Красинским, Давыдов сказал:

— Да будет вам известно, господин Уэллс, что остров Врангеля всегда принадлежал России. Поэтому ваше присутствие на нем является незаконным.

— Мы не знали этого, мы...

— Вы и не будете отвечать за свои действия, раз только выполняли чужую волю. Но ваше пребывание на острове исключено, перебирайтесь на судно.

— А дальше, что будет с нами дальше?

— Не бойтесь, — улыбнулся Давыдов, — вас не расстреляют и не посадят в тюрьму. Для нас вы просто браконьеры. Куда бы вы хотели отправиться?

— В Америку, в любой американский порт. Я болен, — Уэллс показал на свою повязку. — Я в последнее время только и думал, как вернуться домой.

— Ну что ж, постараемся переправить вас туда. А все, что вы награбили на острове, вместе с орудиями охоты объявляю конфискованным¹.

Давыдов на всякий случай наметил место для зимовки на острове. Застрять здесь, да еще вместе с иностранцами — перспектива была не из приятных, но куда хуже, если канонерка не пробьется к чукотскому берегу и попадет в ледовый мешок где-нибудь в проливе Лонга...

Только в 1938 году появилась первая лоция Чукотского моря, в ней даны красноречивые указания относительно плавания в этих водах:

«В Чукотском море постоянно имеются большие скопления льда. Этот лед почти всегда находится в движении под влиянием течений и ветров, что вызывает интенсивные сжатия и торошение. Совокупность указанных причин делает Чукотское море наиболее труднодоступным по сравнению с прочими арктическими морями... Правило не удаляться в море при наличии в нем льда приобретает здесь особенно важное значение, так как судно постоянно подвергается риску быть вовлеченным в дрейф со льдом, идущим на север. Ряд случаев гибели судов только подтверждает сказанное. На побережье Чукотского моря спасательных станций нет».

¹ Американские эскимосы были отправлены из Владивостока на Аляску. Уэллсу же, по рассказам, так понравилась русская водка, что он решил навсегда остаться в России.

Моряки успели сделать промеры бухт Сомнительной и Роджерса, установили в них астрономические пункты, исправили карту острова. Дальнейшие работы были невозможны — лед при первой же перемене ветра мог заблокировать судно. Через пять дней после подхода к острову канонерка взяла курс на юг. На спардеке*, вызывая дружный лай собак, повизгивали два пушистых белых медвежонка — единственные коренные обитатели Врангеля.

Обратный переход к чукотскому берегу, как и предполагал Давыдов, оказался не легче. Вот несколько выдержек из его дневника — день за днем:

«24 августа. Условия плавания очень тяжелые: снег мешает смотреть, горизонта нет, характера очень сжатого льда подчас совсем не разобрать. В 9 вечера, за невозможностью идти дальше, остановились...

25 августа. Лед битый, сжат и почти без полыней; встречаются годовалые и многолетние льдины; иногда целые обломки полей до 400—500 саженей в поперечнике. Льдины подбиваются одна под другую и сплошь да рядом при нашем проходе всплывают снизу, что еще более мешает и так очень трудному продвижению... Около половины третьего дня с большим трудом минут десять ловил высоту солнца, еле-еле проглянувшего сквозь пасмурность; управлял кораблем Евсюков (старший помощник капитана. — В. Ш.). Оторвавшись от секстана*, к ужасу своему увидел, что мы лезем в полынью между громадными льдинами, причем вперед хода нет. Что-либо делать было уже поздно, оставалось, войдя туда, попытаться развернуться и как-нибудь выползти. Через три с половиной часа упорной работы с завозом ледяного якоря*, ходами и выталкиванием отдельных льдин удалось развернуться на 90 градусов вправо и кое-как выйти из сжимавшего нас кольца...

26 августа. Весь этот день простояли во льду, только немного пробуя пробиться по направлению к берегу. Успеха почти нет, а уголь тратится. Вместо предполагаемых 55 миль нам удалось отойти от Врангеля только на 39 миль. Было над чем призадуматься...

27 августа. После полудня решил двинуться... Первые шаги были необычайно тяжелы; смело могу утверждать, что 95 процентов водной площади покрыто льдом. Главная неприятность заключается в том, что из-за выпавшего снега скрыт отчасти как характер самих льдин, так и маленькие полыньи между ними... При страшно тяжелой и очень напряженной работе нам удалось часам к восьми вечера пройти на глаз 3—4 мили.

28 августа. Идем вперед в тех же условиях...

29 августа. Увидели на льду трех людей. Видя их беспомощность, отправили к ним наших чукчей. Находятся на льду двое чукчей и молодая девушка, провизии нет, одеты легко, один чукча нездоров — болит спина. Три дня назад, увидев под берегом моржа, пустились на байдаре в погоню. Зашли в лед, были окружены и зажаты, пришлось выбраться на льдину. К вечеру один человек с девушкой уже на борту...

Стоим в сильно сжатом льду, почти все время густой снег, туман».

Только к 1 сентября, после того как была перенесена на корабль байдара с большим чукчей, удалось канонерке приблизиться к мысу Северному.

«Дождались и сентября, что-то он нам даст? Просто диву даешься, до чего тяжелый и льдистый этот год. Подумать только: ведь 16 сентября в 1912 году, 10—12 сентября в 1911 году на «Таймыре» мы совершенно свободно или вовсе безо льда, или в редком разбитом льду проходили мимо мыса Северного! А тут вот тебе какое дело!

С марса картина представляется такою: под берегом тянется неширокая полоса чистой воды, от этой полосы

нас отделяет полоса очень сплоченного, сжатого льда, часть которого, по-видимому, сидит на мели. Для всех решительно целей совершенно необходимо пробиваться в полынью... В десять начали работать на пробивку; до часа дня едва прошли длину корпуса, потратив семь тонн угля! Сделали перерыв и вновь начали работу, прекратив ее из-за явного неуспеха...

3 сентября. Никаких перемен нет. Экономим уголь...

4 сентября. Утром залез на марс и осмотрел лед — полоса незыблема. Решил пробиваться к береговой полынье, сделать это необходимо, чтобы иметь безопасное место зимовки.

Лед очень сжат, покрыт снегом и некуда выходить тем льдинам, которые мы дробим. Кроме того, снеговая подушка и мелкий дробленый лед очень мешают. К 7 вечера как-то незаметно случилось, что мы здорово засели: ни взад ни вперед. Пробовали заводить концы и разворачиваться — ничего не вышло, да и скоро стемнело. Отложили на завтра. Досадно страшно — осталось пройти какие-нибудь 150 саженей!

5 сентября. С утра завели швартовы на льдины: влево с левого борта и вправо — с правого, на ледяных якорях. Давая передние и задние хода и выбирая швартовы в тугую, около 10 утра начали весьма постепенно разворачиваться вправо, а к 14 и вовсе развернулись к выходу. Последнюю крупную льдину вытолкали носом. Войдя в разреженный лед, развернулись кормой ко льду в нашем проходе и, после шести срывов заводимых на льдину якорей, ломов, выбуксировали-таки еще одну большую льдину... С новой энергией начали долбить перемычку.

6 сентября. В 6 начали ломать перемычку. Идя назад от кромки льда для получения разбега с застопоренной машиной, ударились, по-видимому, пером руля* об одну из отколотых только что небольших льдин. Уда-

рились мы так неудачно, что сорвало шкив у штургросы*, раздробив чугунную обойму, крепившую его к палубе. Вот до чего не везет — стоим и чинимся...

Поскорее бы зайти за мыс Северный, покончив с перемычкой! Надо отдать должное механику С. М. Сальникову, развернулся он с исправлением великолепно; к 15.30 все было совершенно готово, и мы стали вновь пробиваться...

Мы пробили все-таки лед и вышли на чистую воду! У меня при отдаче якоря было два разных чувства: первое — глубокое удовлетворение по поводу того, что плоды наших многих усилий наконец получены, ибо корабль, как таковой, спасен; если бы остались на прежнем месте, нас зимою, вероятно, раздавило бы напором льда. Второе переживание — это точка над *i*: мы вышли в тот небольшой прибрежный район, который со всех сторон замкнут льдом, выйти мы не можем, следовательно, крышка захлопнута, мы зимуем».

Группа моряков съехала на берег и закупила у чукчей мясо. На судне тоже не мешкали: выключили отопление, заменив его чугунными камельками, просушили и задраили котлы, разобрали механизмы главной машины, залили кингстоны*. Были перестроены и утеплены жилые помещения. Канонерка стала на зимовку.

Собирается ехать на собачьей упряжке в Среднеколымск, а оттуда, через Якутск и Иркутск, в Москву Красинский. Давыдов пишет большое письмо жене:

«...Прислушайся, родная моя, к моему далекому голосу и попробуй исполнить то, что я тебе посоветую, много и зрело над этим подумав. Постарайся крепко взять себя в руки: пусть с получением этого письма вселится в тебя бодрость и крепость духа. Бодрись, родная моя, от этого зависит все наше настоящее и будущее, от этого зависит и душевное равновесие наших малышей. Все пройдет, все протянется, и летом будущего года я вас крепко перецелую.

Скажи Боре, чтобы он вел себя так, чтобы ему не пришлось краснеть при моем возвращении; дай ему несколько раз вдумчиво прочитать это место моего письма. Помни, Боря, ты уже взрослый мальчик, ты вполне уже можешь понять, что нет лучше способа узнать человека, посмотрев на него тогда, когда ему или тяжело, или не везет. В тяжелой для мамы обстановке, когда меня нет с вами, сумей быть маме во всем опорой и поддержкой. Сумей сердцем понять это и, если это будет сделано, — остальное придет само собою. Всякий раз, когда тебя потянет на что-либо нехорошее, вспомни о том, что я пишу тебе.

Что же сказать мне тебе, дорогой старичок? (так Борис Владимирович называет младшего сына Мишу.— *В. Ш.*) Не худи, не болей, слушайся твою дорогую маму и береги ее. Жаль, очень, очень жаль, что не могу я потрепать тебя по щечке и посидеть с тобою на диване, рассматривая слоника Моку и Мишку! Вот вернусь, — тогда берегись, ведь ты будешь уже большой мальчу-гашка!

Все у нас здорово. Конечно, каждый раз по-своему относится к необходимости зимовать, одно можно сказать: зимовка — это для личного состава такая школа, проходя которую, каждый обнаруживает всю свою сущность, являясь таким, какой он есть на самом деле. Следовательно, я действительно без всяких прикрас узнаю доподлинно всех своих сослуживцев во всей их наготе.

Тебя, мою родную, любимую женку, и ребят так крепко и много раз целую, как только могу. Бодрись, дорогая моя, возьми себя в руки и помни, что в этом все, что для меня зимовка не так тяжела, как страшна мысль о том, что не все у вас ладно. Итак, еще раз вас всех троих обнимаю, целую и благословляю».

Письмо это, однако, так и не было отправлено. Положение экспедиции резко переменялось.

...В этот момент сразу три американских корабля штурмовали подходы к острову Врангеля. Одним из них была шхуна «Герман» капитана Лэна.

Первое плавание «Германа» закончилось неудачей — пришлось вернуться в Ном из-за поломки в машине. Там Лэн узнал новость: в Лондоне во время англо-советских переговоров представитель Великобритании заявил, что его страна на остров Врангеля не претендует.

— Тем лучше, — рассудил Карл Ломэн, — теперь у нас развязаны руки. Я думаю, если мы захватим остров и поднимем флаг, наше правительство возьмет нас под свою защиту. Но надо спешить. Кроме вас, на остров пойдут еще два судна — «Бэр» и «Сильвер Уэйв». Осечки быть не должно.

Но напрасно пытались корабли преодолеть льды: ветры северных румбов выносили из просторов Ледовитого океана все новые паковые* поля, забивая ими подходы к острову. Лэн понял, что в этом году уже ни один корабль не сможет добраться туда. О судьбе русских оставалось только гадать.

Лэн высадился на острове Геральда и там поднял флаг, припасенный для Новой Колумбии. Затем он приказал осмотреть остров. Вскоре крики одного из моряков донеслись до Лэна: на гальке, среди обломков скал, лежали человеческие кости, куски одежды и снаряжения; почерневшие от времени, — это были останки людей с «Карлука»...

Моряки бережно собрали и перевезли на шхуну горестную находку. А через несколько часов мачта шхуны уже скрылась за дугой горизонта, и ледяное пространство снова застыло в торжественном покое.

Зарубежная пресса не замедлила откликнуться на исход плавания.

«Нью-Йорк таймс», 18 октября 1924 года:

«Охранный крейсер «Бэр» и моторные шхуны «Герман» и «Сильвер Уэйв», три американских судна, тщет-

но пытались пробиться к острову Врангеля этим летом... Они не смогли справиться с арктическими ветрами...»

«Нью-Йорк таймс», 20 октября:

«У Англии и Америки, по существу, нет никаких прав на этот остров; единственным государством, имеющим право на него, является СССР. Если Советское правительство колонизирует остров Врангеля, то другие государства вряд ли будут оспаривать суверенитет СССР на эту территорию».

«Торонто дейли стар», 22 января 1925 года:

«Американское судно «Герман» не смогло достичь острова, и нежелательная конфронтация между американцами и русскими была избегнута».

В день, когда была спущена вода из последнего котла канонерки, легкая дрожь побежала по поверхности моря, скоро она перешла в зыбь, свежий ветер заколебал льдины. Стало ясно, что в море, за полосой льда, шторм. При чистой воде и отсутствии встречного ветра угля едва-едва могло хватить до мыса Дежнева. Шторм, конечно, разметал льды и образовал проход вдоль побережья, Берингов пролив, вероятно, тоже свободен. А если носовой ветер? Если угля не хватит? Если снова лед?

Мнения на корабле разделились; одни предлагали выйти, доказывая, что десять месяцев зимовки грозят не меньшими трудностями, другие называли это предположение авантюрой бессмысленной и преступной. Нашлись и такие, кто в случае продолжения плавания снимал с себя ответственность за исход экспедиции. Последнее слово было за Давыдовым.

До сих пор он всегда предпочитал борьбу покорности перед судьбой, и не потому, что любил рисковать, — просто риск часто был самым вероятным, иногда един-

ственным способом достичь цели. И в этот раз он колебался недолго.

За сутки моряки собрали главную машину, наполнили котлы забортной соленой водой и, обрубив якорный канат, вмержший в льдину, пошли против зыби. Ледяную перемышку миновали без труда, она качалась и трескалась от напора волн. Дальше кромка расходилась клином, в вершине которого оказалось судно.

Кто-то вспомнил о парусе, что лежал в кладовке со времени постройки корабля. Старые куски парусины залатали на скорую руку и с трудом закрепили. Ход увеличился на целую милю в час. Но парус простоял недолго: первый же сильный шквал рванул его пополам, закрутил, и вскоре от него остались только хлопающие на ветру обрывки.

Шторм усиливался с каждым часом, с каждой милей пути. Разгруженная, с ледяным поясом, канонерка была слабо устойчива к боковой волне, а идти приходилось только так — кратчайшим путем к проливу Беринга. Порой крен превышал 45 градусов, винт, вырываясь из воды, вращался в воздухе.

Стихия ворвалась на корабль. Ледяные волны перекачивались по палубе, поднимали тучи брызг, сбивали с ног. Ожили вещи, а половина команды лежала ничком. Эскимосы и чукчи, забравшись в угол кубрика, готовились умереть. От стариков знали они, что на севере есть земля, где обитает злой дух, посылающий людям холод и смерть. «Если ты уйдешь со своей земли на север, то никогда не вернешься назад», — говорили им старики. А они нарушили закон предков, и вот дух настиг их. Недаром, забыв о вражде, сбились в кучу медвежата и собаки, недаром воют и трусливо ползают на брюхе...

Вторые сутки на корабле не было горячей пищи, кончалась вода. Чтобы как-то поддержать силы, Давыдов распорядился выдать вино, и каждые два часа все,

кто еще мог работать, шли в буфет и пили прямо из горлышек, разбрызгивая капли по одежде.

Быстро таял уголь. Оставив в НЗ двадцать тонн, Давыдов приказал жечь имеющееся на судне дерево: разобрали корпус катера, потом начали снимать внутреннюю обшивку трюмов и жилых помещений. Доски распиливали, сбивали гвоздями в чурбаны и отправляли в топку. Еще теплый шлак поливали машинным маслом и снова бросали в огонь, жгли мебель, канаты, краску, олифу, мешки с сахаром.

Центр жизни корабля давно переместился с мостика в кочегарку, пятерке кочегаров помогали все, кто еще держался на ногах. Обедали на ходу, поджаривая оленину прямо в топке и с трудом разжевывая обуглившееся сверху полусырое мясо. Пламя плясало на мокрых от пота лицах. Работали с угрюмым ожесточением, забыв о времени, теряя ощущение реальности происходящего.

На исходе третьих суток истерзанная канонерка встала в совершенной темноте у мыса Дежнева. Стих ветер, корабль заснул глубоким сном смертельно уставшего человека.

А наутро моряки увидели, что Берингов пролив забит льдом.

Да, вопреки ожиданиям, в Беринговом проливе был лед. Наступил октябрь — месяц первых сильных морозов и ураганных ветров, порог полярной ночи. Ждать было нечего — каждый час стоянки отодвигал возможность возвращения.

Сжигая последние тонны угля, канонерка вошла в скопление мелких раздробленных льдин, но они были настолько сжаты течением с юга и северным ветром, что уже через милю судно застряло. Потом его медленно понесло на север.

И когда, на второй день дрейфа, уже казалось, что участь корабля решена, лед вдруг остановился и, види-

мо, попав в другое течение, неожиданно двинулся назад, к проливу. Канонерка возвращалась к проливу, а тревога Давыдова росла: не захватит ли их снова южное течение и не понесет ли опять по кругу или утащит далеко в море, к острову Врангеля? Здесь, на пороге двух океанов, в адской лаборатории ветра, воды и льда, судно попало в невольный эксперимент, который должен был кончиться катастрофой. Теперь от людей уже мало что зависело.

Еще два дня море играло с кораблем — гоняло его то к северу, то к югу. Давыдов набросал схему течений в проливе, описал характер и особенности льда, обозначил движение его при различных ветрах: море с легкостью раскрывало свои тайны, словно было уверено, что люди уже не смогут их использовать.

Опустилась ночь, решающая для корабля. Никто из моряков не спал. Медленно тянулось время. А на рассвете природа впервые за все плавание пошла на уступку: задул южный ветер, льды ослабили напор, появились разводья, и по ним канонерка добралась до Уэлена.

Но и на этом не кончились злоключения корабля. В Уэлене угля не оказалось. Чтобы как-то выйти из положения, пришлось разобрать, разрубить и перевезти на борт корпус конфискованной американской шхуны и скупить у чукчей запас плавника. Обойти мыс Дежнева можно было только вплотную к берегу, где лед был реже.

«Никогда, кажется, не забыть этого рискованного перехода, — пишет Давыдов в отчете о плавании, — только усыпанное звездами небо несколько умеряло глубокий мрак ночи, позволяя еле-еле разбирать контуры громадных, крутых, скалистых обрывов Дежневского выступа. Тяжело движется корабль, прокладывая себе путь среди льда, отвоевывая с каждым шагом вперед свою свободу. Целые снопы искр вылетают из трубы, кружась в

воздухе. Береговые обрывы порою так близки к кораблю, что, кажется, еще немного и мы заденем за них бортом».

Миновав Берингов пролив, «Красный Октябрь» стал на якорь против поста Дежнева. Здесь моряков ожидало последнее испытание. Давыдов пишет:

«Утомленному до крайности личному составу предстояла очень тяжелая работа: на воду спустили все шлюпки и срочно приступили к перевозке угля. При довольно значительном морозе, выгребая против очень свежего ветра с берега, обдаваемые все время брызгами замерзавшей тут же воды, промокшие до костей, промерзшие люди в течение восьми часов выполняли эту поистине каторжную работу. Приходилось удивляться, как вся эта операция прошла благополучно, как нагруженные до отказа шлюпки, быстро гонимые шквалистыми, очень сильными порывами ветра, при снежной пурге, под двумя-тремя веслами, ухитрились верно выбрать направление на судно и не были унесены в море...»

На корабль погрузили всего 25 тонн угля — этого должно было в обреш хватить только до залива Провидения, а взять больше — значило оставить без топлива зимовщиков на Дежневе.

Свежий северный ветер быстро гнал лед в Берингово море. Наперегонки с ним спешил и «Красный Октябрь». «Казалось, что льды эти были каким-то живым существом, поставившим себе целью во что бы то ни стало становиться поперек нашего пути», — замечает Давыдов. Когда корабль вошел в залив Провидения, на нем совсем не было пресной воды, а топлива осталось 20 пудов — этого едва хватило бы на 25 минут хода...

Через месяц весь состав экспедиции был выстроен на палубе канонерки. Комиссар Дальневосточного флота Э. И. Батис огласил указ Советского правительства:

«За героизм и мужество, проявленные участниками экспедиции при выполнении правительственного задания

в тяжелых условиях плавания на остров Врангеля, канонерская лодка «Красный Октябрь» награждается орденом Красного Знамени».

Этот орден был высшей наградой рабоче-крестьянской власти.

ДВЕ СУДЬБЫ БОРИСА ДАВИДОВА

*Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.*

*Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья! Бурей полный,
Прям и крепок парус мой!*

Из песни

Февральским днем 1925 года в квартиру сестры Давыдова Елизаветы Владимировны позвонили. Когда хозяйка открыла дверь, вошел Борис Владимирович.

— Дорогие мои! Принимайте заморского гостя! — весело сказал он.

Он был в большой шинели до пят, со звездой и тремя нашивками на рукаве, в видавшей виды фуражке с морской кокардой. А когда обнажил бритую голову, то сестра заметила и глубокие складки на лбу и то, как резко он осунулся и похудел.

В Ленинграде началось Второе совещание начальников и комиссаров Убеко морей: гидрографы обсуждали первый пятилетний план исследовательских работ, новое положение о Гидрографическом управлении, меры по улучшению безопасности мореплавания. Давыдова встретили как героя, говорили о том, что он «внес в морскую науку размах революционной эпохи», называли его «лучшим гидрографом нового времени, замыка-

ющим ряд таких исследователей, как Беринг, Литке, Невельской...»

15 февраля Давыдов сделал доклад об экспедиции на остров Врангеля в Географическом обществе. Здесь он снова встретился со своим учителем Юлием Михайловичем Шокальским, тому уже было около семидесяти лет, но он оставался таким же деятельным, полным жизни, как и раньше. Юлий Михайлович явно гордился успехами любимого ученика.

Зал был переполнен. Давыдов говорил просто, словно его плавание не было выдающимся событием, особо выделил он заслуги товарищей по экспедиции. После доклада взял слово Шокальский. Он сказал:

— Думая сейчас об историческом плавании «Красного Октября», мы не можем не признать, что действительно члену нашего общества Борису Владимировичу в сущности и принадлежит главная заслуга в том, что наша страна обладает островом Врангеля. В самый критический момент, когда притязания иностранцев на эту далекую труднодоступную землю были в разгаре, Давыдов своим самоотверженным, смелым и, главное, умелым походом разрубил этот гордиев узел и мирным путем отвоевал остров...

Шокальский подошел к Борису Владимировичу и обнял его. Зал всколыхнулся от аплодисментов.

Никто, конечно, не мог предполагать тогда, что этот вечер, такой торжественный и радостный, станет роковым для Бориса Владимировича...

Племянник Давыдова Георгий Александрович Кобылин рассказывает:

— Борис Владимирович был для меня в те впечатлительные годы идеалом мужчины. Мне нравилась его увлекательная работа, я восторгался смелостью и решительностью его поступков, меня радовала его чуткость к близким, его веселый нрав... И как же я был взволнован, когда он вручил мне, подростку, пригласительный

билет в Географическое общество. Доклад его слушали с огромным интересом и никто не обратил внимания на такой пустяк — дверь за трибуной, за спиной дяди, открыли, и, видимо, был сквозняк...

На другой день Борису Владимировичу стало плохо. Пригласили врача, он определил воспаление легких. В то время эта болезнь считалась очень серьезной, да и с лекарствами было нелегко. В доме говорили: «Как судьба играет человеком! Закаленный моряк, полярник, дальневосточник, пережил столько бурь, морозов, метелей, много раз стоял на мостике под ливнем, под ветром — и вдруг слег в постель в Ленинграде!»

Но ясно было, что здоровье Давыдова пошатнулось еще во время плавания, а тут простуда взяла верх над утомленным телом.

Сначала Давыдов просил не писать о болезни жене, надеялся, что вот-вот поправится, но когда не смог выехать во Владивосток в назначенный срок, Вере Модестовне дали знать о его состоянии. Она приехала скорым поездом с Мишуком, Борис еще учился в школе.

Больного часто навещали друзья — гидрографы А. Лавров, Н. Евгенов, П. Мессер, В. Ахматов, не раз заходил Шокальский. Борис Владимирович живо всем интересовался, был полон планов, умудрялся даже работать — готовил к изданию книгу «В тисках льда» — рассказ о последнем плавании. Его заветной мечтой было продолжить исследования: довести морскую съемку до мыса Дежнева и составить лоцию всего нашего тихоокеанского побережья.

В Географическом обществе и Академии наук был поднят тогда вопрос о переименовании острова Врангеля в остров Давыдова. Но Борис Владимирович решительно воспротивился этому: он оставался верен заповеди — «никогда не менять названий на старых картах».

Летом больному полегчало, его даже вывезли на дачу, на станции Сиверскую, он стал немного ходить по

комнате. Но потом состояние резко ухудшилось — повторилось крупозное воспаление легких. Эта болезнь отразилась на работе сердца, и тут уже никакие консервативные, никакие лекарства не помогли...

Утром 30 сентября Борис Владимирович Давыдов умер. Ему было только сорок два года.

Многочисленная траурная процессия двигалась по Васильевскому острову: за гробом Давыдова шли родные, друзья, шла рота военных моряков и военно-морской оркестр. На Смоленском кладбище после надгробной речи был зачитан приказ Высшего командования РККФ:

— Имя Давыдова пользовалось известностью далеко за пределами СССР, как имя большого специалиста в области гидрографии... знатока наших дальневосточных окраин... — голос дрожал и далеко разносился в прозрачном осеннем воздухе.

— Советская власть с самого начала воссоединения Дальнего Востока оценила заслуги покойного; поставив его во главе любимого им дела... назначив начальником экспедиции на остров Врангеля, успешно завершённой благодаря личным качествам и опыту ее начальника... Но полярная пустыня, скрывающая в себе могилы прежних русских исследователей-моряков, потребовала и теперь дорогой цены за это завоевание...

— Настоящий приказ прочитать на всех судах, во всех частях и учреждениях Рабоче-Крестьянского Краснофлота.

Прогремел залп прощального салюта.

У каждого человека две судьбы: та, которую мы называем жизнью, и другая посмертная, что остается в памяти людей. Быстро и внезапно оборвалась первая судьба Бориса Давыдова. Но вечной будет его посмертная жизнь: она — в воспоминаниях близких, друзей,

всех знавших его, в детях и внуках — продолжении его рода, в прекрасной и опасной науке моря — гидрографии, которой он отдал все силы.

Посмертная судьба его — на карте мира:

бухта Давыдова — Чукотское море, остров Врангеля — названа в 1929 году Г. А. Ушаковым;

мыс Давыдова — море Лаптевых, остров Большевик — назван в 1930 году Г. А. Ушаковым и Н. Н. Урванцевым;

бухта Давыдова — Карское море, остров Добрыня Никитич — названа экспедицией В. А. Радзиевского в 1938—1939 годах;

мыс Давыдова — Японское море, Татарский пролив — назван советскими гидрографами в 1952 году;

мыс Давыдова — Антарктида, восточнее станции Ленинградская — открыт и нанесен на карту советской антарктической экспедицией в 1958 году.

В Ледовитом океане имена Давыдова, Шокальского, Лаврова, Неупокоева, Евгенова, Ахматова — рядом. На карте друзья-гидрографы снова вместе.

Посмертная судьба Бориса Давыдова — в кораблях, названных в его честь.

Канонерка «Красный Октябрь», переименованная в «Давыдов», много лет несла гидрографическую службу на Дальнем Востоке.

Работает в Тихом океане рефрижератор с его именем на борту.

Бороздит моря современный океанографический корабль, носящий его имя.

И кажется, не умер капитан Борис Давыдов, а только ушел в далекое плавание.

Ахтерштевень — кормовая оконечность корабля в виде рамы, служащей для поддержания и крепления руля и вшта.

Банка — возвышение дна, отдельно лежащая мель; минная банка — ряд поставленных на определенной глубине мин.

Бар — поперечная подводная гряда или вал, которые образуются в результате взаимодействия морских волн и течения реки.

Баркас портовый — небольшое самоходное судно или самая большая шлюпка, используемые для различных перевозок в порту.

Баталер — специалист старшинского состава по продовольственному или вещевому снабжению личного состава корабля.

Бон — плавучее ограждение, используемое для защиты места стоянки флота от вражеских кораблей.

Брандвахта — судно, поставленное на рейде для наблюдения за движением кораблей.

Брандер — судно, предназначенное для затопления в узких водных проходах с целью блокирования выхода неприятеля из гавани, а также судно, наполненное горючим или взрывчатым веществом для поджога или взрыва неприятельских кораблей.

Брашпиль — лебедка с горизонтальным валом, обычно устанавливаемая в носовой части судна и служащая для подъема якоря.

Брейд-вымпел — флаг командира соединения или командира корабля, являющегося старшим на рейде.

Ванты — стальные или пеньковые снасти, которыми укрепляются мачты.

Ватерлиния — линия, отмеченная полосой вдоль борта судна, глубже которой судно при погрузке не должно садиться в воду.

Вельбот — гребная или парусная шлюпка с острыми обводами носа и кормы.

Верп — вспомогательный завожной якорь.

Гале промерный — линия пути корабля, производящего измерение глубин.

Гардемарин — в дореволюционной России воспитанник старшего класса морского корпуса.

Девиация — отклонение магнитной стрелки компаса от направления магнитного меридиана.

Джонка — китайское двух- или трехмачтовое парусное судно.

Дифферент — наклон корабля в продольной плоскости.

Драгирование дна — сбор со дна моря растений и животных с помощью специального гидробиологического прибора — драги.

Дюйм — мера длины, равная 2 см 54 мм.

Кекур — конусообразная, отдельно стоящая в море или на берегу скала.

Кильватер — струя, остающаяся за кормой впереди идущего корабля; кильватерная колонна — строй кораблей, когда они следуют один за другим по прямой линии в кильватерной струе.

Кингстон — клапан в подводной части корабля, предназначенный для приема воды из-за борта или для отлива жидкости за борт.

Кница — деревянный или металлический угольник, с помощью которого скрепляются части судна между собой.

Кунгас — маленькое судно, используемое обычно для промысла или рейдовой выгрузки.

Ледяной пояс — часть корпуса судна с утолщенной обшивкой для защиты его ото льда.

Ледяной якорь — специальный якорь, предназначенный для крепления судна ко льду.

Лот — прибор для измерения глубины моря.

Марс — площадка для наблюдений в верхней части мачты.

Миля — морская — путевая мера длины, равная 1852 м.

Найтовить — связывать тросом, закреплять различные предметы на корабле.

Остойчивость — способность корабля сохранять равновесие и возвращаться к нему.

Нак — многолетний, преимущественно сплоченный и торосистый лед, представляющий собой обширные поля толщиной 3—4 м.

Пеленг — угол между направлением компасной стрелки и направлением на пеленгуемый предмет.

Перлинь — трос толщиной от 4 до 6 дюймов.

Перо руля — действующая часть руля в виде литой рамы, пространство между ребрами которой с обеих сторон прикрывается стальными листами.

Планктон — мелкие морские растительные и животные организмы, пассивно переносимые течением.

Пластырь — приспособление для временной заделки небольших пробоин в бортовой части корабля.

Рейд — водное пространство у берега или среди островов, используемое для якорной стоянки судов.

Рефракция — отклонение в вертикальной плоскости видимых направлений на предметы от истинных из-за преломления световых лучей в атмосфере.

Румб — одно из 32 направлений на картушке компаса, а также угол между двумя направлениями.

Секстант — угломерный инструмент для астрономических и навигационных наблюдений.

Склянка — получасовой промежуток времени, обозначаемый ударами в судовой колокол. Счет склянок ведется с полудня и через каждые четыре часа начинается снова. Шесть склянок — в данном случае 11 часов вечера.

Спардек — палуба средней надстройки корабля.

Стамуха — глыба льда, сидящая на мели или подводном камне.

Стеньга — деревянный брус, служащий продолжением мачты и идущий вверх от нее.

Сулой — сильное приливо-отливное течение или встреча противоположных течений, вызывающие всплески, водовороты, толчею.

Траверз — направление, перпендикулярное к курсу судна или к его диаметральной плоскости.

Узел — единица скорости корабля, соответствующая одной морской миле в час, или 0,514 м/с.

Фарватер — свободный проход для судов между опасными местами.

Форштевень — металлический или деревянный брус, прикрепляемый к килю в носовой части судна.

Фут — мера длины, равная 0,33 м.

Швартовы — канаты и тросы для крепления судна к пристани или к другому судну.

Шлюп балка — изогнутый стальной брус с приспособлением для спуска и подъема шлюпок.

Шпангоут — ребро корпуса корабля, к которому крепится обшивка.

Штуртрос — трос, служащий для управления рулевым устройством корабля.

Эфемериды — астрономические таблицы, указывающие заранее вычисленные координаты небесных тел на определенные дни года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Марш-парад	5
От «приготовишки» до мичмана	7
В порт-артурской «мышеловке»	17
Мало прожито — много пережито	39
Академия морских наук	45
Впервые в Ледовитом	55
«Глаз бури»	66
Под незаходящим солнцем	78
Море штормов и туманов	92
«Честный берег»	111
Конец Новой Колумбии	123
Две судьбы Бориса Давыдова	152
Морской словарь	157

Виталий Александрович Шенталинский

ЛЕДОВЫЙ КАПИТАН. Документальная повесть
(Помни их имена)

Редактор **Л. А. Савельева**, Художественный редактор **Ю. А. Коровкин**
Технический редактор **В. В. Плоская**, Корректор **В. И. Огрызко**

ИБ 00209

Сдано в набор 19.09.79 г. Подписано к печати 31.01.80 г. АХ—00890.
Формат 70×108/32. Бумага тип. № 1. Обыкновенная новая гарнитура. Высокая печать. Объем 7,0 усл. п. л. + 0,7 усл. п. л. вкладка, 8,09 уч.-изд. л.
Тираж 10 000. Заказ 647. Цена 25 коп.

Магаданское книжное издательство, 685000, Магадан, ул. Пролетарская, 15.
Областная типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Магаданского облисполкома. Магадан, пл. Горького, 9.